

Иван Цухов

АМЕРИКА

Уолт Уинчелл

**ДНИ
И
НОЧИ**

АМЕРИКИ

Записки
писателя

2/4 - 65

Иван Шухов.

Дни и ночи Америки. Казгослитиздат, яз. рус. 1960 г.
цена 61 коп. стр. 216

Дни и ночи Америки — сборник путевых художественных очерков об Америке, написанных автором после его поездки в числе группы советских писателей и редакторов осенью 1959 года в США. В очерках писателя, включенных в эту книгу, содержится трезвая оценка американского капитализма, и вместе с тем вся книга проникнута дружеским чувством к простым людям, стремящимся к миру.

В книге описывается перелет на турбовинтовом американском лайнере в Канаду через Атлантический океан. Дана широкая картина жизни и быта Нью-Йорка, Чикаго, Балтимора, Филадельфии, Вашингтона и других крупнейших городов Америки, в которых побывал автор. Автор рассказывает о своих встречах с американскими писателями и журналистами, с издателями, бизнесменами и учеными, с фермерами и простыми рабочими Америки.

ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

Не берусь судить, как у девяти моих спутников по за- океанскому нашему путешествию, а у меня, впервые в жизни покидавшего родину, не шибко ладно, тревожно и грустно было на сердце в то безмятежно спокойное, умиротворяюще-кроткое августовское утро 1959 года, которым наградила нас перед дальней нашей дорогой Москва. Извечно полные самобытного, неповторимого очарования полупустынные в час раннего летнего утра просторные площади и проспекты, широкие улицы и уютные тихие переулки, тенистые сады и парки, древние бульвары и юные скверы столицы казались теперь — в их прощальном для нас значении — еще более нарядными, трижды прекрасными. И сердце щемило при мимолетном взгляде из автомобиля на молодые липы Тверского бульвара, на поникшую в глубоком раздумье бронзовую голову Пушкина, на неповторимое чудо национального нашего русского зодчества — храм Василия

Блаженного, на неугасимые, жарко пылающие в ярком утреннем свете рубиновые звезды над вершинами шатровых и стрелчатых башен легендарного Кремля...

Была середина августа — венца среднерусского лета. Тучи скворцов, табуная в подмосковных полях и рощах, собирались уже к отлету. Косые стрижиные крылья мерцали в потоках яркого света. Семейные косяки лосей с возмужалыми в канун осени лосенятами мирно паслись по зеленым опушкам, а вдоль Киевского шоссе — столичной дороги на Внуковский аэропорт — громоздились новые огромные дома — жилой массив в нашей социалистической Москве.

А в дремучих грибных лесах Подмосковья уже рдели багряные гроздья рябины. И осины, как жаркие свечи, кротко теплились рыжим пламенем зябко трепещущей при безветрии оторопело-рѣбкой листвы...

Таким осталось в глазах запавшее в душу Подмосковье — неяркая, навеки милая сердцу краса России — перед нашим отлетом за океан. И бережно внес я на борт воздушного лайнера «ТУ-104» горсть застенчивых полевых ромашек, сорванных накануне Александрой Александровной Есениной под Рязанью, в приокских лугах. То был напутственный дар той самой «сестры Шуры», имя которой увековечил в бессмертных шедеврах мировой лирики Сергей Есенин — ее гениальный брат.

— Помню, когда я девчонкой-подростком провожала в круг старших наших родных Сергея в Америку, я подарила ему на дорогу вот такой же букет из наших рязанских ромашек. Бери — это к счастью! — сказала мне на прощанье Александра Александровна Есенина.

Из известного есенинского памфлета об американском «Миргороде», из немногих скупых на слова писем Сергея Есенина из-за океана, адресованных сестрам Кате и Шуре, мы знаем, как тяготился своей невеселой, затянувшейся жизнью в Америке замечательный русский поэт. Но зато как бесконечно счастлив был он благополучно воротиться из далеких странствий на Родину, выразив впоследствии с предельной поэтической силой это чувство радости возвращения из-за тридевяти земель в родные широты, чувство беспредельной сыновней любви к России в своих неповторимых, как всегда, глубоко эмоциональных и, как исповедь, искренних стихах!

Кроме некрикливых, скромных рязанских ромашек

увозил я с собой за океан и еще один такой же бесхитро-
стный дар родных степей Северного Казахстана — хруп-
кий стебель молодой мелколистной подорожной полынки.
Чуть пряный нежный запах ее всегда сопутствовал мне в
моей непоседливой жизни прежде. И этот бессмертный,
томящий душу, напоминающий о родине аромат былой
царицы былых целинных степей не раз потом вдыхал я
украдкой в полутемных ущельях гранитных джунглей Чи-
каго и Нью-Йорка и на побережье озера Мичиган, в тени
пышных скверов и парков по провинциальному тихого Ва-
шингтона и на сверкающих неоновыми огнями улицах
Филадельфии, у гранитных парапетов грозно ревущего и
грохочущего Ниагарского водопада и на незабываемых,
подернутых лирической сиреновой дымкой Елисейских
Полях Парижа...

— Внимание, товарищи! — прозвенел призывным бу-
бенчиком светлый девичий голос нашей бортпроводницы
Тани Боголюбовой, как только заняли мы в самолете свои
места. — Внимание!.. От Москвы до Брюсселя — три часа
перелета. При крейсерской скорости нашего лайнера —
девятьсот пятьдесят километров в час — через Ригу, Ам-
стердам, Копенгаген пройдем напрямую, без посадки.
Таким образом столицами Латвии, Дании и Голландии
сможем мимоходом полюбоваться только с высоты вось-
ми-девяти тысяч метров. Кстати, видимость на всей
трассе — вплоть до Брюсселя — отличная. Через трид-
цать минут после взлета — завтрак. Прошу привязаться
к сиденьям ремнями. Через пять минут вырубиваем на
старт...

— О'кэй! Ол райт! — хором отозвались многие из нас
в ответ улыбчивой бортпроводнице, наперебой щеголяя
друг перед другом знанием английского языка, второпях
почерпнутым из припасенных разговорников.

Молодая, почти юная бортпроводница международных
авиалиний Аэрофлота Таня Боголюбова безупречно, по
словам сведущих наших спутников, говорившая по-ан-
глийски, ответила нам какой-то шуткой. Но светлый и
звонкий, как серебряный колокольчик, голос ее мгновенно
погас при взрывчатом реве вдруг заработавших враз тур-
бин нашего воздушного трансатлантического корабля.
Так гаснет пламя свечи при внезапном порыве шквально-
го ветра. И только одна лукавая улыбка на доверительно
открытом девичьем русском лице продолжала, мерцая,

светиться в глубине огромного пассажирского салона. Меж тем кипящий огненный шквал, бушующий в утробе турбин, вырывался из их опаленных растресканных наружу вихревыми потоками жарких струй, и сигарообразный корпус самолета нетерпеливо вибрировал, готовый к рывку в поднебесную высь в любую секунду.

А через четверть часа, покинув родную землю Внуковского аэродрома, бросили мы последний прощальный взгляд на оставшуюся позади, потонувшую в зябкой дымке Москву. И голубой огонь чистого, не омраченного ни единым облачком неба России запылал в иллюминаторах лайнера, стремительно ринувшегося навстречу покорному его косым упругим крыльям простору.

Был понедельник. Часы показывали при старте десять ноль ноль. А через час с четвертью после старта под скошенными крыльями корабля показалась потонувшая в старинных садах и парках, залитая сиянием солнца и ослепительным блеском взморья Рига. Спустя еще три четверти часа мы увидели справа по борту Копенгаген, тоже щедро прикрытый зеленью бульваров и парков, сверху очень уютный и тихий. И не успели мы как следует приглядеться с высоты девяти тысяч метров к колоритным, словно писанным акварелью пейзажам Дании, а потом — к похожим на заманчивые красочные детские игрушки знаменитым голландским ветряным мельницам, как Таня Боголюбова объявила:

— А теперь извольте любоваться Амстердамом!

Все мы пылливо прильнули к иллюминаторам, приглядываясь к контурам островерхих готических крыш голландской столицы. Но тотчас же прозвучала строгая команда нашей посерьезневшей бортпроводницы:

— Прекращайте курить, товарищи. Подходим к Брюсселю!

Мы были немало удивлены. Да и было чему удивляться. Оказалось, что на полет от Амстердама до Брюсселя нашему «ТУ-104» понадобилось всего тринадцать минут!

Так через три часа — минута в минуту — после вылета из Москвы мы приземлились на бельгийской земле — в Брюсселе. Было похоже, что бетонированные взлетно-посадочные дорожки Брюссельского аэродрома были проложены прямо среди лугов и пашен бельгийских крестьян. Здесь повсюду то тут то там маячили аккуратно заправленные стожки сена и колосились хлеба. И сразу было по-

нятно, как недешево, видно, ценится в этой стране каждый клочок земли, любовно возделанной трудолюбивым ее народом!

При выходе из самолета мы были встречены представителями Американско-Бельгийской авиакомпании Сабена, на турбовинтовом трансатлантическом лайнере которой предстояло теперь нам совершить перелет через Атлантический океан в Нью-Йорк с посадкой в Монреале — Канада. Отлет наш из Бельгии намечался на одиннадцать тридцать вечера по средневропейскому времени. Таким образом мы могли провести в Брюсселе около полусуток. И представитель Сабены, весьма подвижной, несмотря на свою полноту, очень живой, не обиженный, как мы заметили, чувством юмора, общительный американский бизнесмен мистер Хорейс Сименс любезно предложил нам посвятить все свободные наши часы знакомству с бельгийской столицей. Бельгийских виз в заграничных наших паспортах у нас не было. Но полицейские чиновники — белокурые молодые бельгийцы в голубых рубашках с черными галстуками — после некоторой заминки, сдержанного препирательства с мистером Хейресом Семенсом все же благосклонно разрешили нам выезд в город в сопровождении очень юного вежливого бельгийца, совсем не худо говорившего по-русски — нашего гида и переводчика.

Пока расторопные полицейские озабоченно суетились, испрашивая у высшего начальства дозволения на наш выезд в город, мы не спеша бродили по залам Брюссельского аэровокзала. Он красив внешне. Просторен, удобен, уютен внутри. Бросается в глаза лаконичная строгость линий. Никаких излишеств и украшательств во внутренней и внешней отделке. Обилие света и воздуха. Очень чисто. Много стекла. Даже сквозь прозрачную крышу иных залов виднеется спокойное, бледно-бирюзовое бельгийское небо. В залах удобные мягкие кресла, где могут посидеть, передохнуть, привести себя в порядок, а то и вздремнуть ненадолго авиапассажиры.

В зале таможенного досмотра целая галерея высоких узких конторок, похожих на клубные наши трибуны или на университетские кафедры, за которыми стоят таможенные чиновники в униформе. Парни — на подбор. Собранные. Ловкие. Таких контрольных конторок тут добрая дюжина. Это для того, чтобы не допускать очередей

при проведении пограничных формальностей при таможенном досмотре багажа. И это очень хорошо. Очень удобно.

Пассажиров в транзитном зале негусто. Четверо американских бизнесменов — наших спутников по предстоящему трансатлантическому перелету, как сказал нам об этом мистер Сименс, — дымя сигарами, деловито играли за низким круглым столиком в покер. Все в сизых, сдвинутых набекрень соломенных шляпах. Все в темно-серых, стандартного покроя, далеко не свежих костюмах. У каждого на сухих цепких пальцах — массивные золотые кольца и перстни.

Трое немецких бургеров, вдоволь, видно, надувшись в баре аэропорта очень хорошего, по словам знатоков, датского пива, блаженно дремали в низеньких креслах «модерн». Дородные, откормленные, багроволицые, они, шумно посапывая, пускали сквозь полураскрытые дряблые губы обильные слюнные пузыри. Две же сидевших в стороне от бургеров католических монахини — одна из них пожилая с постным, рябым, отрешенным лицом аскетки, другая — совсем еще молодая, лукавоглазая, пухлогубая — заняты были каждая своим делом. Старшая монахиня, смиренно потупив полупотухшие очи, читала карманный молитвенник да то и дело, поднося к ноздрям изящный розовый флакончик, нюхала какое-то снадобье. Младшая же ее товарка, примостив на острых своих коленях портативную пишущую машинку, бойко, как заправская секретарша, что-то строчила на ней трепетно порхавшими над клавиатурой хрупкими пергаментными пальцами.

В залах аэропорта много зеркальных витрин торговых бельгийских фирм. Пылающие неоновые вывески: «Цены снижены!», «Распродажа без налогов!» За зеркальными бортами прилавков — сувениры. Датский шоколад. Гаванские сигары в массивных деревянных коробках. Модные французские духи «Шанель». Броско яркие таблетки с американской жевательной резиной. Крошечные — на сто граммов — бутылочки с французским коньяком «Мартини» и английским виски. Паркеровские авторучки. Сверкающие всеми цветами радуги глянцевые открытки с видами бельгийской столицы. Орлоновые дамские сумочки — последние творения Америки. Нейлоновые мужские сорочки, которые не мнутся и после стирки не нуждаются в утюге!

— Ба! Да тут, слышу по разговору, наш народ. Соотечественники?! — прозвучал вдруг за нашими спинами изумленно-веселый, певуче-русский голос.

Мы оторопело оглянулись.

— Мельников. Советник нашего посольства в Люксембурге. Будем знакомы. Здравствуйте, товарищи! — говорит, энергично пожимая нам руки, русоволосый крепыш с тронутыми седinou висками. Сразу же бросилось в глаза добродушно-деревенское его лицо. И своей внешностью он напомнил мне в первую минуту скорее секретаря сельского райкома партии, чем международного дипломата.

Однако за столь как бы обыденной внешней неброскостью нашего соотечественника перед нами раскрылся самобытно-яркий, энергичный волевой характер, острый пытливый ум этого по-русски общительного, образованного, весьма эрудированного во всех отношениях человека. Все это мы почувствовали за те мимолетные полчаса, которые были проведены нами в обществе нашего дипломата за чашкой превосходного черного бельгийского кофе, поданного нам по его требованию несуетливыми, преисполненными собственного достоинства, но услужливыми и вежливыми гарсонами. Больше того. В течение этого получаса, ощутив душевное соседство с этим простым, обаятельным русским человеком, мы успели привязаться к нему, и нам уже не хотелось так скоро расставаться с ним. Но нас и его ждали. Его — автомашина, нас — сервированный в ресторане аэропорта для завтрака стол. Завтрак этот давался в честь нашей группы советских писателей и редакторов столичных газет представителями авиакомпании Сабены.

— Жалко, товарищи, что потолковали накоротке. Но я спешу засветло проскочить на автомобиле горную часть дороги на Люксембург. Там ездить ночью при здешних темпах и нравах автомобильного движения небезопасно, — сказал нам на прощание наш соотечественник, пожелав нам счастливого перелета через океан и благополучного путешествия по Америке.

Завтрак начался с хрустальных бокалов воды со льдом, на который не скупилась стоявшие за нашими спинами гарсоны в ослепительно-белых кителях с черными, украшенными замысловатыми золотистыми вензелями погончиками. Затем были поданы внушительные ломти ароматной дыни. Потом — апельсиновый сок. За соком —

бифштекс, порция сочного, не очень прожаренного мяса. К нему никакого гарнира. Ну и, разумеется, непременно в таких случаях американское виски с содовой водой — напиток, прямо скажем, малозавидный. Сивушный запах, напоминающий российский наш самогон. Был и французский коньяк «Марти». Бельгийский ром и на закуску к нему — поджаренные земляные орехи. Из уважения к радушному гостеприимству любезных наших хозяев мы в меру отведали иные из этих заморских напитков. Больше же всего, по правде говоря, пленил нас всех за этим завтраком великолепный черный кофе, который искусно готовили у нас на глазах в старомодных спиртовых кофейниках священнодействовавшие, как жрецы, гарсоны.

Очень словоохотливый, очень возбужденный, сияющий мистер Хейрес Сименс говорил, потирая пухлые пальцы в перстнях и кольцах:

— О, вам можно позавидовать, джентльмены! Вы летите в Америку с теплым попутным ветром. На высокой светлой волне. Я имею в виду, господа, визит мистера Никиты Хрущева в Соединенные Штаты. Встреча вашего премьера с нашим президентом — самая колоссальная сенсация последнего десятилетия не только у нас в Америке, но и в Европе. Во всем мире. Эта предстоящая встреча глав двух самых великих и самых богатых держав на нашей планете очень волнует американцев. Так наш народ волнуется лишь звук филаделфийского Колокола Свободы. Когда вы будете в Филадельфии, вы, надеюсь, услышите этот удивительный трубный грудной звук этого колокола и вы тогда вспомните и поймете меня, джентльмены!.. Визит в нашу страну великого реалиста Никиты Хрущева горячо приветствует весь американский народ. Я, разумеется, здесь имею в виду настоящих американцев. И в этом вы, господа, через день-два лично убедитесь. Большие надежды на этот визит возлагают и наши деловые круги Америки. В самом деле, если трезво подумать, зачем и из-за чего враждовать нам с великой Россией? Не лучше ли с прибылью торговать таким нашим двум могучим мировым державам, джентльмены?!

— Вы правы, мистер Сименс. Нам приятно слышать все это из уст настоящего американца, — с искренней любезностью отвечали мы, чокаясь по русскому обычаю бокалами с гостеприимным бизнесменом Сабены,

— За прочную дружбу двух наших великих держав — России и Америки, джентльмены!

— За мир во всем мире! — звучали на этом завтраке тосты по-русски и по-английски под высокими светлыми сводами ресторана Брюссельского аэровокзала.

Так горячо и взволнованно говорил о предстоящем визите главы Советского государства Никиты Сергеевича Хрущева в Соединенные Штаты не только мистер Хейрес Сименс — первый американец, встреченный нами на бельгийской земле. В таком же благожелательном тоне высказывались по этому поводу и те простые бельгийские люди, с которыми удавалось нам накоротке побеседовать за время нашего недолгого пребывания в Брюсселе. Узнав советских русских, с нами охотно завязывали разговор рабочие и служащие Брюссельского аэропорта и гарсоны кафе. Таможенные чиновники и пилоты. Шоферы такси и владельцы газетно-журнальных киосков. Хозяева тесноватых табачных лавочек и продавцы богатых универсальных магазинов нарядной, очень чистой бельгийской столицы.

— Кто аплодирует господину Хрущеву, тот аплодирует миру! — выразительно сказал нам шофер брюссельского такси — пожилой уже бельгиец, ветеран второй мировой войны.

Как потом, позднее, в Соединенных Штатах, так и здесь, в Бельгии, мы, советские писатели и журналисты, всюду встречались с проявлением огромного интереса со стороны простого трудового народа к жизни нашей страны, к ее социальному устройству, жизненному уровню, культуре и быту. Вот почему так отзывчивы были на беседы с нами люди различных социальных слоев, мировоззрений, профессий. Они сплошь и рядом заводили с нами доверительный разговор первыми. И каждый из этих людей связывал свои надежды на мир, на конец «холодной войны» с предстоявшей исторической поездкой Никиты Сергеевича Хрущева.

Завтрак, устроенный в честь нашей группы представителями Сабены, завершился приятным сюрпризом. Неожиданно в аэропорт нагрянула добрая дюжина бельгийских журналистов — представителей брюссельских газет во главе с президентом Национального клуба прессы господином Арнольдом Крэггом. Они прибыли в аэропорт, по словам их президента, не только для того, чтобы взять у

нас интервью для своих газет, но и пригласить нас быть почетными гостями их клуба. Познакомились. Быстро сошлись. Нашли, как говорится, общий язык. Обменялись визитными карточками, автографами, сувенирами. И особо не мешкая, отправились затем на автомобилях любителей бельгийских коллег в путешествие по Брюсселю.

Город красив. Ярок. Шумен. Наряден. Обилие зелени и цветов. Много памятников национальной славы и... голубей. С большим умением и вкусом представлен разнообразный товар, что называется, лицом, в роскошных зеркальных витринах не забитых, как мы заметили, покупателями универсальных больших и малых магазинов. Неоновые огни реклам. На улицах чистота. Нам говорили, что многие ревнительные бельгийские хозяйки моют тротуары вблизи своих жилых домов с мылом. Этому можно поверить. Ни клочка бумаги, ни газетного обрывка, ни окурка под ногами на брюссельских улицах не увидишь. Понравились тайники-автоматы — небольшие металлические сейфики, вмонтированные в стены иных домов бельгийской столицы. Вам, положим, причиняет неудобство небольшой сверток со случайной покупкой. В таком случае опустите в любой из этих свободных металлических тайников монету и в дверцах малогабаритного сейфа вы найдете ключик, на который и закроете до поры до времени в этом надежном временно-личном вашем хранилище свою покупку. Ничего не скажешь. Ловко. Спოდручно. Удобно!

Вечером, после четырехчасовой автомобильной и пешей прогулки по многолюдным, ярким и шумным улицам Брюсселя, по великолепному Королевскому его парку, по Большой площади, замкнутой в каре потемневших от времени королевских дворцов, с балкона одного из которых некогда читал Карл Маркс знаменитый свой «Коммунистический манифест» собравшемуся на этой площади народу,— после всего этого, предельно насыщенного новизной и яркостью впечатлений, мы были приглашены брюссельскими нашими коллегами-журналистами в их Клуб национальной печати.

Это сравнительно невеликое, весьма оригинальное по архитектурному решению, но довольно вместительное и уютное двухэтажное каменное здание было сооружено на средства бельгийских тружеников прессы не так давно— в послевоенные уже годы. Знакомя нас со своим привет-

ливым гостеприимным домом, его хозяева — бельгийские газетчики — не без заметного тщеславия подчеркивали, что в закладке их клуба принимала участие сама королева Бельгии — Елизавета!..

В клубе есть зал для прессконференций и просмотров кинофильмов. Здесь собрана превосходная библиотека.

Одна из комнат на втором этаже посвящена памяти бельгийских литераторов и журналистов, павших на поле брани или погибших в гитлеровских лагерях смерти в годы второй мировой войны. Стены этой скорбной комнаты — в портретах павших работников национальной прессы. В застекленных витринах хранится их личное боевое оружие, покоятся их ордена и регалии, написанные ими брошюры и книги. И когда мы в скорбном безмолвии стояли в этой тихой, мягко освещенной комнате, невольно подумалось: «Вот традиция, достойная уважения. И никто не осудил бы нас, если бы мы ее переняли у наших бельгийских коллег!..»

Обстановка в клубе бельгийских газетчиков была сердечной, не скованной никакими условностями, простой, товарищеской. С открытым сердцем, без всяких ужимок и недомолвок — начистоту, с взаимной откровенностью и заинтересованностью расспрашивали мы друг друга о житье-бытье. И откровенность была равномерной платой за откровенность — и с той и с другой стороны.

— Не могли ли бы вы, господа, назвать нам главную проблему нынешней прессы Бельгии?—спросил зарубежных коллег редактор «Правды» по литературе и искусству Николай Александрович Абалкин.

— В настоящее время проблема номер один, по нашему убеждению, во всей мировой прессе это — взаимный обмен визитами глав двух великих государств — России и Соединенных Штатов Америки. И тут бельгийская пресса не исключение,— последовал ответ одного из старейших бельгийских журналистов, президента Клуба господина Арнольда Крэга.

— О да! Да. Да! — пылко поддержал своего старшего коллегу другой, более молодой брюссельский газетчик—политический обозреватель газеты «Драпо Руж».— Народ Бельгии, перенесший ужасы немецкой оккупации во вторую мировую войну, хорошо знает цену миру. А с миссией господина Хрущева бельгийцы связывают большие упования на мир во всем мире.

— Я, например, глубоко убежден,— живо откликнулся бельгийский журналист богатырского вида, внешне очень напомилавший последние портреты Эрнста Хемингуэя.— Очень глубоко убежден, господа, что только будущие историки способны будут оценить в полную меру значение визита в Соединенные Штаты премьера Хрущева. Если ваши спутники знаменуют открытие эры завоевания космоса, то миссия Никиты Хрущева за океан, вполне возможно, откроет эру длительного мира на древней нашей планете.

В этот памятный вечер, проведенный нами не без удовольствия в радушном кругу брюссельских журналистов, нам было особенно приятно услышать от них сообщение о результатах любопытнейшего общественного опроса, произведенного в эти дни в Англии. Там, оказывается, были распространены среди английского населения анкеты с таким неожиданным любовым вопросом: «Кто бы мог возглавить мировое правительство, если бы такое правительство было возможно сформировать?» И значительное большинство опрошенных назвало имя Никиты Сергеевича Хрущева!

— С нашей точки зрения вопрос о мировом правительстве является вздорным — такого правительства в природе практически быть не может. Однако ответы англичан на эту анкету свидетельствуют, как нам приятно лишний раз убедиться, о бесспорной популярности главы нашего Советского правительства. Не правда ли, господа? — учтиво заметил один из наших спутников по заокеанскому путешествию, редактор тбилисской «Зари Востока» Ираклий Чхиквишвили.

— О да! Это неоспоримо.

— Хрущев и мир — два самых популярных сейчас слова во всем мире.

— Он поражает мир сгустком волевой энергии, подкупает своей прямоотой и покоряет искренностью.

— Это, видимо, и есть подлинный русский характер! — говорили наперебой видные деятели бельгийской прессы о Никите Сергеевиче.

И дружеский разговор наш с гостеприимными хозяевами Национального клуба печати Бельгии в уютном их доме за чашкой неперменного здесь черного кофе мог затянуться до глубокой ночи. Но нам пора было поторопиться в аэропорт — приближалось время отлета. И

мы, на прощанье обменявшись с новыми нашими приятелями крепкими рукопожатиями, покинули их радушный семейный дом, унося с собой в дальний путь тепло уже успевших прижиться в душе воспоминаний о столице Бельгии, о древних ее готических королевских дворцах, тенистых бульварах и парках и о дружеской встрече с брюссельскими журналистами.

В условленный час мы вернулись в аэропорт. Между тем наш вылет затягивался. Близко к полуночи над Брюсселем приударил ливень. Озорной. Резвый. Веселый. Но нас не очень развеселило сообщение первого пилота американского турбовинтового лайнера «САС-913» капитана Арнольда Френди о том, что на нашей трассе, где-то в безбрежной дали Атлантического океана, в широтах Азорских островов, разбушевалась гроза.

Флегматично посасывая полупогасшую свою пенковую трубку, этот, видать, бывалый, пилот не один раз пересекавший на воздушных трансатлантических кораблях грозные просторы беспокойного океана, внушал нам невольное уважение. И когда наконец пригласили на посадку, мы, несмотря на неунимавшийся шквальный ливень, оживились, уверовав в то, что с таким воздушным морским волком, каким выглядел Арнольд Френди, в океане не пропадешь!

В кромешно-аспидной мгле, при бушующем ливне поднялись мы в воздух с Брюссельского аэродрома. Минут около десяти были видны еще где-то далеко-далеко внизу смутно мерцающие под проливным дождем пунктирные цепи огней бельгийской столицы. Но вскоре они как бы мигом погасли. Мгла плотно прижалась к стеклам иллюминаторов. И самолет, напряженно и глухо гудя своими турбинами и моторами, будто неподвижно повис над бездной.

Под нами был океан!

Трансатлантический наш перелет от Бельгии до побережья Канады начался. И тогда в дверях пилотской кабины показался нерослый, сухопарый человек в форме американского гражданского летчика. Это был второй пилот, правая рука капитана Арнольда Френди Карро Телленгер, итальянец по происхождению. На тонкой жилистой шее Карро красовалось нечто вроде оранжевого хомутика или нагрудника с какими-то многочисленными шнуточками, кармашками и подвязками. Приняв теат-

рально-картинную позу, развязно поигрывая одним из шнурочков своего нагрудника, Карро сказал довольно-таки беспечным голосом:

— Леди и джентльмены! Впереди — четырнадцатичасовой перелет через Атлантический океан... Прошу обратить внимание. Перед каждым из вас в кармане спинки переднего кресла имеется вот эта самая штука. Это — аварийный спасательный пояс на случай вынужденной посадки нашего лайнера в открытом океане... Вот таким образом, — он продемонстрировал как именно, — вы надеваете этот пояс на шею. Вот так вы завязываете у себя за спиной эти шнурки. А затем надуваете этот пояс вот так — при помощи вот этой резиновой трубки. И все в порядке!

— Ол райт! — бодро сказал один из американских бизнесменов — наших спутников, приглатывая из пластмассовой фляжки заокеанское виски.

— Леди и джентльмены! — продолжал инструктировать Карро пассажиров наигранно-бодрым голосом. — Вот в этом кармане, прошу обратить внимание, свисток. — В этом — электрический фонарик с сигнальной лампочкой. В этом — порошок от акул... В случае вынужденной посадки наш лайнер сможет продержаться на воде двадцать две минуты... После первого гонга тревоги леди и джентльмены разуваются и снимают верхнее платье. После второго гонга леди выходят на крыло лайнера через левые боковые люки, джентльмены — через правые. После третьего гонга можно смело прыгать в океан!

— А потом? — робко спросил кто-то.

И Карро бойко ответил:

— Не волнуйтесь господа... Кроме того с борта нашего лайнера будут спущены на воду надувные резиновые лодки. Вы можете продержаться на них несколько дней.

— Даже несколько дней?!

— О да! До подхода спасательного судна. Мы же успеем радировать с борта нашего лайнера о катастрофе! — почти на патетической ноте завершил мрачный свой инструктаж Карро и тотчас же исчез, как призрак, за плотно захлопнувшейся дверью пилотской кабины.

Немолодая англичанка спросила своего соседа — американца:

— А если нам придется садиться на воду, мистер, в шторм?

— О! Тогда все эти дурацкие спасательные пояса и всякие там резиновые душегубки на борту нашего лайнера — сплошной вздор. Все это — суший блеф, мисс! — категорично отрезал американский скептик, проворно пряча в боковой карман пиджака только что бодро опорожненную пластмассовую фляжку из-под виски.

— Вы так думаете?

— Не думаю. Я все это твердо знаю... Во всяком случае, когда в прошлом году вот такой же, как и наш, трансатлантический пассажирский авиалайнер компании Эр-Франс вынужден был на пути из Парижа в Нью-Йорк опуститься в открытом океане на воду, то моему шурину — бизнесмену из Калифорнии — не помогли тогда все эти идиотские атрибуты спасения. Ни паршивый этот нагрудник с полицейским свистком в кармашке. Ни игрушечный фонарик для детской забавы. Ни порошок от акул...

— Был шторм?! — оторопело спросила полувнятной скороговоркой слегка побледневшая при этом англичанка.

— О да. Девять баллов!.. Но сухопутным людям, даже с пылким воображением, трудно представить, что значит вдруг очутиться одному в резиновой душегубке в штормующем океане!

— Представляю, сэр... — глухо пролепетала подавленным голосом тощая леди, прикрыв глаза.

— Уверю вас, только одни моряки, терпевшие бедствия при кораблекрушениях, знают безмерную силу злобы расствившего океана. А я — в молодости матрос американского военно-морского флота — не один раз испытывал на себе ярость этого старого грозного дьявола. Он всегда был, есть и будет непримирим и враждебен к человеку. Так по крайней мере утверждает в своих книгах и ваш соотечественник, крупнейший из английских морских писателей Джозеф Конрад. Так в голос говорят об океане и бывалые морские волки — ветераны всех флотов мира. Точно подсчитано, например, что и в наше время ежегодно гибнет двести тысяч людей в морях и океанах, терпящих бедствия при кораблекрушениях.

— Двести тысяч? О! Это же ужасные цифры, сэр! — зябко кутая свои длинные ноги в нейлоновый плед, воскликнула с непритворным ужасом собеседница.

— И это неудивительно, — продолжал невеселые свои

рассуждения порозовевший от виски американец.— В припадках слепой своей злобы и ярости океан способен в короткий срок разбить вдребезги душевную стойкость человека, лишить его воли к жизни. Помню, три года тому назад вблизи Азорских островов потерпело крушение западно-германское учебное судно. И американские газеты писали, что уже на второй день после кораблекрушения среди спасшихся в шлюпках людей — матросов этого судна — начались самоубийства.

— Ол райт! — поддакнул тут своему соотечественнику другой из американских пассажиров.— Французский доктор Ален Бомбар, переплывший Атлантический океан в резиновой лодке, доказал в итоге своих научных исследований, что люди, потерпевшие кораблекрушение, гибнут прежде всего от мистического страха перед океаном. И гибель эта происходит обычно на тринадцатый день.

— А вы думаете, что наши надувные лодки способны продержаться в океане до тринадцати дней? — спросила потусторонним голосом, не открывая глаз, англичанка.

— О нет. Об этом я сейчас не хочу думать. И вам не советую, мисс... Ол райт. Спокойной ночи, леди и джентльмены! — завершил свой трагический монолог о простершемся под нами Атлантическом океане американский скептик. И он, прикрывшись казенным нейлоновым пледом, почти тотчас же захрапел со свистом!

Но нам — десяти русским пассажирам американского воздушного лайнера — не спалось. Не спалось ни минуты за все эти бесконечно долгие четырнадцать часов полета над кромешной бездной незримого во мгле Атлантического океана. Кстати сказать, трансатлантические американские воздушные лайнеры авиакомпании Сабены, внешне напоминаяшие наш «ИЛ-18», очень далеки от сравнения с этим комфортабельным нашим красавцем в смысле простора, удобства и уюта пассажирских кабиин. Передние кресла в этом американском самолете настолько близко придвинуты к задним, что даже человеку среднего роста, полулежа на откинутых спинках сидений, трудноато расправить как следует полусогнутые ноги. Я уже не говорю о моем соседе по креслу, грузинском редакторе Ираклии Чхиквишвили, которого прозвали мы в тесном своем кругу за его статную фигуру и классический рост лейб-гвардейцем. Ему-то уж и подавно было

невтерпеж гнуться в три погибели во время более чем полусуточного перелета через океан в таком малогабаритном кресле!

Наши часы показывали без четверти два московского времени, когда в пассажирском салоне нашего самолета появились с пластмассовыми подносиками в руках гибкие стюардессы. Они поразили нас своим ошеломляюще-неправдоподобным внешним сходством. У обеих золотистые, коротко подстриженные — сразу и не разберешь, то ли завитые, то ли от природы вьющиеся кольцо в кольцо — волосы. Голубые, залитые небесным светом глаза. Длинные и острые подрагивающие ресницы. Расточительные — на весь салон — прямо-таки неземные ангельские улыбки!

Пяля на этих картинных девиц-двойников наши порусски пытливые глаза, мы еще не подозревали в ту пору, что обе барышни эти являли собой живой рекламный образчик патентованно-стандартной американской красоты, дипломируемой на ежегодных конкурсах красавиц — сенсационных событиях в США, о которых трубят, бьет в литавры и барабаны по круглым неделям в таких случаях вся американская пресса.

Между тем из вороха лакированных, многоцветно-ярких рекламных путеводителей и проспектов, которыми, не покупаясь, снабдили нас в изобилии в Брюсселе представители авиакомпании Сабены, изю всех этих нарядных, отлично изданных книжиц-буклетов мы уже успели кое-что вычитать про американских стюардесс. В этих рекламных изданиях говорилось, в частности, и о том, что в Техасе имеется единственное в Америке специальное учебное заведение — колледж, готовящий стюардесс. Говорилось с оговорками. Далеко не всякая американская девушка может попасть в этот колледж и, окончив его, стать стюардессой. Для этого надо иметь определенные данные. Возраст — от двадцати до двадцати шести лет. Рост — от пяти футов трех дюймов до пяти футов восьми дюймов. Предельный вес — сто тридцать пять фунтов. Светлые волосы. В скобках замечено, что цвет волос предпочитается золотистого меда. Глаза желательного голубые. Допуск в незначительном отклонении в зрении в ту или иную сторону — возможен, но только в том случае, если дело не доходит до очков!

Приглядевшись к стюардессам нашего лайнера, мы

убедились, что обе они безоговорочно отвечают всем этим строгим требованиям. А барышни, продолжая озарять наш салон отлично освоенными в техасском колледже профессионально-жизнеутверждающими улыбками, с изысканной любезностью сообщили нам о том, что пришли подать ленч — завтрак.

Мы с Ираклием недоуменно переглянулись.

— Завтрак?

— Да, сэр.

— Среди глубокой ночи?!

— О! Ведь в Америке сейчас девять часов утра, сэр!

— О!

— Да, сэр. В пути через океан мы живем по нью-йоркскому времени...

— В таком случае надо завтракать.

— Сделайте одолжение, сэр.

— Спасибо. Сенк ю, мисс.

— Ол райт, сэр!

Завтрак по-американски. Сперва-наперво — бокал студеной до ломоты в зубах воды с кусками льда. Потом — апельсиновый сок. Затем салат — из бледно-зеленых капустных листочков вперемешку с какой-то мудрой заморской травкой — совершенно лишенный вкуса и запаха. Ко всему этому — два крошечных ломтика белого хлеба. После салата нам было подано по ломтю консервированной, но не утратившей аромата превосходной дыни. И только за дыней — увесистый кусок полупрожаренного бифштекса. Без гарнира.

— Вот это — вещь! — сказал, подмигивая мне, заметно повеселевший грузинский редактор.

— Это — ладно! — охотно согласился я, убедившись, наконец, что тут и в самом деле можно позавтракать.

И когда мы с Ираклием Чхиквишвили довольно-таки проворно и дружно расправились с внушительными порциями этого аппетитного американского блюда, тут в завершение этой ранней трапезы над океаном легкокрылые стюардессы подали в пластмассовых чашечках черный бразильский кофе. Это тоже было нехудо. Чашкой горячего ароматного кофе можно немного согреть настороженно-зябкую в эти часы полета притихшую душу...

А между тем время как бы остановилось. Пространство исчезло. И мраку атлантической ночи, казалось, не будет конца. Не спалось. Не разговаривалось. Не чита-

лось. Все время томило какое-то полузабывчиво-полудремотное состояние, когда ты не спишь и все же видишь какие-то мимолетные, сбивчивые, тревожные сны...

Вдруг появившийся в дверях пилотской кабины второй пилот Карро негромко проговорил:

— Леди и джентльмены! Кому не спится, можно полюбоваться ночной грозой над океаном. Посмотрите в иллюминаторы вниз — справа и слева по борту. Редкое зрелище!

И тотчас же прильнув лицом к иллюминатору, я обмер, потрясенный феерической поэмой огня, бушевавшего под нами. Почти непрерывные цепные молнии, на мгновение вдруг озаряя то ли громады грозových туч внизу, то ли вздыбившуюся в штормовом разгуле океанскую пучину неправдоподобно ярким слепящим светом, создавали поистине фантастическую картину грохотающей под нами обвалами преисподней. И было приятно и жутко до оторопи любоваться с высоты восьми тысяч метров неземным этим грозным великолепием яростно безумствующей стихии. Все это похоже было на битву каких-то гигантских чудовищ, обнаживших пылающие во мраке огненные мечи!

Рассвет нас настиг только на двенадцатом часу перелета. Но океана, надежно и плотно прикрытого облаками, мы так и не увидели вплоть до побережья Канады. Ровно через четырнадцать часов после вылета из Брюсселя мы опустились на канадскую землю — Монреальский аэродром.

Было хмурое раннее утро. Накрапывал мелкий, сеяный сквозь частое сито дождь. Нас слегка всех пошатывало от пережитого в пути душевного напряжения, от бессонницы, от смещения времени и пространства, от предельной физической усталости, когда мы спускались по трапу на канадскую землю.

После Брюсселя здание аэровокзала в Монреале показалось нам убого-провинциальным — по крайней мере снаружи. Длинный, голубовато-серый приземистый корпус его напоминал скорее малоприветливую воинскую казарму или невзрачный жилой барак какой-то глухой городской окраины, и уж никак не походил на современный аэровокзал в таком оживленном аэропорту международного значения, каким является Монреаль, — преддверие Нью-Йорка.

Ничем не удивил нас монреальский аэровокзал и внутри. Невысокие потолки. Узкие коридорчики. Тесновато. Не очень просторный, малоопрятный транзитный зал с такими же низкими, как и в Брюсселе, креслами «модерн». Не ахти как велик и зал таможенного досмотра. Зато пассажиров в здании — битком. Суетливо. Шумно. Разноязычно. Вперемешку с английской звучит там и тут французская, итальянская, немецкая речь.

Проходим обычные для иностранцев таможенные формальности. Правда, багажа у нас здесь не досматривают — чемоданы оставлены в самолете. Портовая канадская полиция, неторопливо перелистав наши заграничные паспорта — внушительные красные книжицы с золотым гербом Советского Союза, — нашла все документы в порядке и наконец оставила нас в покое.

И мы, подкрепившись вскоре в портовом баре чашкой горячего кофе, внутренне собрались, ожили, приободрились, снова готовые к новому трехчасовому перелету из Канады в Америку — из Монреаля в Нью-Йорк.

Между тем до отлета мы вольны были заниматься чем угодно в течение целого часа. Потолкались среди разноплеменных пассажиров аэровокзала. Что понравилось в монреальском аэропорту, так это его камеры хранения багажа — автоматы. Опустив в прорезь такого автомата определенную монету. Тотчас же дверь нараспашку. Внутри камеры ключ. Ставишь в камеру свой чемодан. Закрываешь на ключ. И гуляй себе подобра-поздорову все свободное твое время. Никаких квитанций. Ни очереди. Ни волокиты.

Потолкавшись возле киосков с сувенирами, купили цветных, отлично изданных почтовых открыток с видами Атлантики, Монреаля, Канады. Настроили на скорую руку первые письма домой. Я написал все адреса по-русски. Бросил открытки в почтовый ящик. Но совершенно не был уверен при этом, что послания мои из-за океана дойдут по адресу — по крайней мере прежде, чем мы вернемся из далекого своего путешествия в родные края. Дошли. И довольно быстро. Через неделю почтовые открытки с канадскими марками и заморскими штемпелями, второпях написанные мной в аэропорту Монреаля, читались моими родичами и в бесконечно далекой от берегов Атлантики, затерянной в былых целинных степях Северного Казахстана станице Пресновской, и в не-

близкой от канадского побережья, приютившейся у подножья снежных вершин Заилийского Ала-тау, потонувшей в садах и парках Алма-Ате...

Наступил час — и мы снова в воздухе. Сделав разворот над Монреалем, ринулись на ревущем лайнере прочь от океанского побережья в глубь канадо-американского материка. И бескрайние равнины Канады с раскиданными по ним тут и там невеликими лесными островками, похожими на наши западно-сибирские «колки», с позолотевшими нивами пшеницы и зарослями кукурузы показались мне сверху сродни оставшимся теперь где-то за тридевять земель родимым северо-казахстанским просторам...

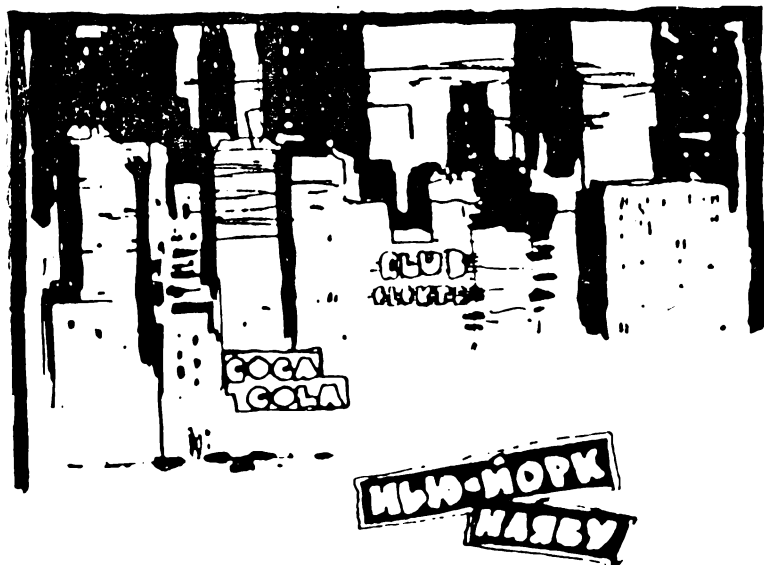
Время в полете на этот раз прошло почти незаметно. А на исходе третьего часа после нашего старта с монреальского аэродрома капитан лайнера проговорил, улыбаясь доброй, приветливой улыбкой усталого человека:

— Желаю вам, джентльмены, счастливого путешествия по Америке!

Мы в свою очередь горячо поблагодарили командира воздушного корабля за благополучный перелет через океан, одарив его бутылкой нашей «Столичной» и русскими сигаретами «Тройка». И подарки эти из рук советских людей были приняты американским пилотом Арнольдом Френди с нескрываемой радостью, близкой к восторгу.

Самолет слегка покачнулся. Голубой огонь жаркого приатлантического неба пылал в иллюминаторах. И взглянув в окно, я увидел внизу, косо вставшую перед моими глазами панораму гигантского города со скалистыми пиками тесно сгрудившихся в сердцевине его, опоясанных голубой водной лентой прямоугольных башен.

Это был Нью-Йорк!

Впервые увидел я Нью-Йорк давно — в раннем детстве. Девяти лет отроду. Учеником второго класса Пресновского начального училища. И увидел совсем по дешевке — всего-навсего за медный пятак!

Было это на осенней ярмарке в станции Новорыбинской — самолюбивой и ревливой соседки древней нашей казачьей крепости Пресновки. Отец мой, продав семь фунтов поярковой шерсти с замороженных наших овечек, дал мне пять барышных копеек на базарные гостинцы, и мама повела меня в таинственный брезентовый балаган веселых ирбитских зазывал-балагуров глядеть «туманные картины».

И я был в восторге от этого необыкновенного, в прах сразившего меня зрелища. Поток трепетного света, брызнувшего сгустком радиальных лучей из трубы по-колдовски зажужжавшего за нашими спинами проекционного

фонаря, показался мне волшебством, а красочные картины на натянутом полотне — чудом!

Невыразимый душевный трепет охватил меня при виде этих «туманных картин». И весь сеанс я просидел с закушенными губами, не шевелясь, почти не дыша, крепко стиснув в своих ладошках сухую, горячую мамину руку.

Там нам показывали Полтавскую битву. Царя Петра Великого. Бородинский бой. Фельдмаршала Кутузова. Казнь Стеньки Разина. Колокольню Ивана Великого. Бегство Наполеона из объятого пожаром Кремля. Русского богатыря Ивана Поддубного. Собор Василия Блаженного...

И толмач — наторевший в грамоте парень в алой сатиновой рубаше бойко толковал ошарашенным зрителям что к чему.

Когда же в конце сеанса нам показали в числе прочих улиц и площадей знаменитых городов земного шара одну из главных улиц города Нью-Йорка, то толмач категорично-кратко сказал:

— Есть такой город в заморской державе — в Америке. Такая держава находится на краю земли. Это подалее аж даже Индии — черт знает где. Одним словом, по ту сторону света! Понятно?!

Не совсем, правда, было понятно, но все же здорово — Америка! И нью-йоркская улица эта ошеломила тогда до предела возбужденное детское мое воображение громадами сказочно-высоченных домов, невиданным многолюдьем, скопищем диковинных самоходных повозок. Ошеломила. Но не очень понравилась. Она показалась тогда мне такой же угрюмой, мрачной и малоприветливой, каким выглядело Дарьяльское ущелье, которое я увидел в то же самое время на волшебном балаганном полотне...

Во второй раз я увидел Нью-Йорк — и теперь уже в широко развернутом объемном панорамном плане — летом 1959 года в синерамном театре на Американской выставке в Москве, в канун нашего отлета в Соединенные Штаты. Но и это многоплановое, объемное, очень красочное и нарядное изображение огромного заокеанского города не затмило, не погасило изначальных, бессмертно живущих и по сей день в душе непосредственных детских моих впечатлений от угрюмых, похожих на скалистые

ущелья удушливых его улиц, — впечатлений, вынесенных когда-то из-под крыш и брезентового балагана ирбитских потешников на шумной и яркой, как карусель, станичной ярмарке...

И в третий раз — вот теперь уже наяву — довелось мне в течение шести дней и ночей колесить с моими спутниками из конца в конец по этому необыкновенному городу на зеркальных американских автомобилях, плавать на борту пароходов по Гудзону мимо исполинских небоскребов, хаотически сгрудившихся на побережье залива Манхэттена, и бродить и бродить часами пешком по множеству из семи тысяч семисот пятидесяти бесконечных полутемных, как пропасти, угарных и жарких его улиц.

Американцы питают пристрастие не только к бокалам студеной воды со льдом, к играм в гольф и бейсбол, к кока-кола — двоюродной родне неповторимому нашему русскому квасу, или к жевательной резинке, припахивающей аптекой. Кроме этих невинных национальных страстей одержимы американцы еще одной общенациональной страстью — фанатической любовью к цифрам, страстью к статистике.

Вот почему из феерически-красочных туристских проспектов, программ, рекламных путеводителей мы, еще пролетая над Атлантическим океаном, знали уже о том, что в Нью-Йорке одиннадцать тысяч ресторанов и десять тысяч такси. Тридцать шесть тысяч промышленных концернов и двести сорок три тысячи предприятий. Двадцать пять тысяч астрологов-шарлатанов, предсказывающих по звездам человеческую судьбу, и пятьсот шаек вооруженных малолетних преступников. Четыре тысячи семисот различных церквей и пятьсот тридцать кинематографов. Одна тысяча сто пятьдесят парков и спортивных площадок для игры в теннис, бейсбол и гольф, и девять миллионов крыс. Триста тысяч собак.

Точно подсчитано, что каждые три минуты в Нью-Йорке происходит свадьба. Каждые пять минут появляется здесь на свет один новорожденный ребенок. Три четверти всех издающихся в Америке книг и журналов печатаются в Нью-Йорке. Половина всего населения Соединенных Штатов носит костюмы, сшитые в этом городе. В Нью-Йорке свыше четырех миллионов телефонов, по которым около четырнадцати миллионов его жителей

разговаривают по делу или же несут вздор на ста двадцати шести языках мира!

Ежесуточно этот исполинский город поглощает тридцать четыре с половиной миллиона фунтов пищевых продуктов, один миллиард двести миллионов галлонов воды и сжигает в утробах топок девяносто восемь тысяч тонн угля.

В роскошных изданиях, ярких, как радуга, проспектах и туристских путеводителях по Америке восторженно говорится о том, что в Нью-Йорке находится самое грандиозное здание в мире — **стодвухэтажный Эмпайр** стоит Билдинг. Здесь же находится и самый большой на земном шаре и самый роскошный по богатству внутреннего убранства театр — Радио-сити, расположенный в сердцевине этого гигантского города, на площади Рокфеллер-плас. Рокфеллер-плас или Рокфеллер-центр, как его чаще всего именуют американцы, это — город небоскребов, воздвигнутых в центре Манхэттена миллиардером Нельсоном Рокфеллером и безраздельно принадлежавших ему одному. И самые большие в мире универсальные магазины находятся тоже в этом городе.

Но во всех этих парадных справочниках и проспектах ни слова не говорится о том, о чем мы узнали позднее, в дни наших странствий по городам и дорогам Америки. Мы узнали из официальных источников, публикуемых в американской печати, что одному, например, Нью-Йорку не хватает сейчас сто пятьдесят тысяч квартир, и что четверста пятьдесят тысяч его жителей продолжают жить в наши дни в чудовищно-антисанитарных условиях. А вообще в Америке, по признанию газеты «Нью-Йорк Таймс», тринадцать миллионов квартир — а это почти четвертая часть всей жилой площади Соединенных Штатов — совершенно непригодны для нормального в них житья.

На одном из официальных приемов, устроенных в честь нашей группы советских писателей и журналистов работниками американской прессы, мы познакомились с известным американским журналистом Вудом Клейном. Всего недели за две до нашего приезда в Соединенные Штаты Вуд Клейн вышел из трущоб Истсайда, расположенных в центре Нью-Йорка, где он прожил четыре недели по заданию редакции «Нью-Йорк уорлд телеграм санд». По истечении этого добровольного месячного зато-

чения в клоачных берлогах Истсайда Вуд Клейн опубликовал в своей газете серию очерков о жизни нью-йоркского дна.

«За дни моей жизни в трущобах, где провел не одну бессонную ночь,— пишет Вуд Клейн,— я выяснил, что квартиросъемщики вынуждены платить непомерно большие деньги — во многих случаях по сто долларов в месяц — за грязные, развалившиеся вонючие квартиры.

Только сейчас я представляю себе по-настоящему, насколько глубока и серьезна у нас проблема трущоб. Больше чем что либо иное меня удручало и заставляло желать в конце каждого дня бросить задачу, которую я взял на себя,— это висящий в воздухе специфический запах трущоб.

То был тошнотворный запах отбросов испортившейся пищи, застоявшейся мочи и экскрементов, прогнившего дерева и утвари, запах крыс, грязи и пота давно не мывшихся людей. Запах этот выползает из всех углов и отравляет воздух, которым вы дышите. Он проникает в ваши поры и залезает вместе с вами в вашу кровать. Он заражает улицы и тротуары по соседству.

Этот запах щекотал мне ноздри и проникал в самое мое нутро. В течение месяца, который я провел в трущобах, я потерял в весе восемь фунтов, так как просто не мог есть. Но в эти ужасные дни, когда мне хотелось бросить все, я думал об одном миллионе несчастных людей, точнее — об одном миллионе ста тридцати двух тысячах человек, которые жили со мной в этом невероятном, потрясающем, страшном убожестве!»

Читая эти строки Вуда Клейна, я вспомнил об американской выставке в Москве, на которой демонстрировался «типичный» дом американского рабочего. Во время нашего посещения этой выставки в канун вылета в Соединенные Штаты американские гиды, захлебываясь от лживого тщеславия и восторга, уверяли нас в том, что якобы в таких домах живут американцы.

Но вот что писала по поводу этого «типичного» дома в своем письме американская женщина Камилла де Роуз, опубликованном в дни нашего пребывания в Чикаго в одной местной газете.

«Мне хотелось бы сделать несколько замечаний по поводу «типичного» американского дома, демонстрирующегося в Москве на нашей выставке. Во-первых, не бу-

дем забывать, что дом этот нисколько не похож на мое жилище, так же как и на жилища многих прочих американцев. В таком доме в основном живут только избранные американцы. Я лишилась дома, взятого мною в кредит, за который, однако, платила в течение всей моей жизни. Нет, я не могу приобрести этот «типичный» американский дом!».

Здесь к слову стоит сказать и о том, что средняя стоимость в современной Америке одноквартирного дома — около семнадцати тысяч долларов. В «Книге фактов», изданной национальным комитетом демократической партии Соединенных Штатов, говорится, что пятнадцать миллионов американцев живет в трущобах. А тринадцать миллионов жилых домов — это одна четвертая часть общего количества жилых домов всей Америки — не отвечает установленным требованиям. Семь миллионов домов пришли в такую ветхость, что для жилья уже совсем непригодны. А один из каждых восьми нью-йоркских жителей вынужден ютиться в таких чудовищных условиях, где в кишасей крысами комнате обитает до десяти человек.

По признанию самих американцев, для того, чтобы заменить пришедшие в полную негодность дома и снабдить жильем растущее население, Соединенные Штаты должны ежегодно строить теперь по два с половиной миллиона домов. Между тем количество начатых в 1959 году строительством жилых домов, финансируемых частными предпринимателями, было на 6 процентов менее среднего уровня 1950—1956 годов.

Всего только два процента домов в Америке построено за всю ее историю при помощи государства.

«При таких темпах строительства нам понадобится двести или даже все триста долгих лет для того, чтобы уничтожить трущобы, существующие ныне во всех больших и малых городах Соединенных Штатов Америки!» — заявил по этому поводу американский конгрессмен Клем Миннер.

Таковы факты.

Повторяю, подчеркивая: трущобы, о которых пишет в гневных строках своих Вуд Клейн, как мы потом убедились воочию, посетив Гарлем и Истсайд, ютятся не на какой-нибудь бросовой, отдаленной окраине Нью-Йорка. Нет. Они расположены в самом центре его. По соседству

с небоскребами Манхэттена. Вблизи Пятой авеню — самой фешенебельной улицы города — улицы роскошных апартаментов миллионеров и кинозвезд, преуспевающих бизнесменов и полутайных и явных гангстеров.

Нью-Йорк — величайший город Америки — сравнительно молод. Разве только в праправнуки он годится таким древним, овеянным романтикой прошлого столицам мира, как Москва или Рим, Лондон или Париж. Возраст этого гранитного, железобетонного исполина пока не дотянул еще и до двухсотлетия. И там, где ныне вздыбились к приатлантическому небу одетые в камень, стекло и дюралюминий небоскребы Рокфеллер-пласа и Уолл-стрита, ютились в первой половине XVII века некорыстные первобытные шалаши — вигвамы аборигенов Америки — индейцев племени ирокезов. У этих-то доверчивых, бесхитростных и наивных людей и купил в 1626 году ловкий голландец Питер Мануит гранитный остров Манхэттен — теперешний деловой центр Нью-Йорка — по сходной, мягко говоря, цене: за двадцать четыре доллара и бочонок рома!

— Самая крупная торговая сделка была совершена в Нью-Йорке еще при его закладке! — любят к слову подшучивать теперь по этому поводу предприимчивые, деловитые американцы.

Но шутки индейского племени ирокезов, оставшись звучать в веках, оказались куда более горькими. Продав задарма свой остров ловкому, тароватому голландцу, они позднее назвали этот остров Манахаттом. А Манахатта на языке ирокезов означает: «Нас обманули».

Таким образом «самая крупная торговая сделка», совершенная при зарождении Нью-Йорка пионером современного капиталистического частного предпринимательства, была по сути дела чистейшим обманом, граничащим с грубым, едва полуприкрытым грабежом, коренных обитателей американского материка нахлынувшими из Европы к берегам Нового Света изворотливыми, наглыми и жестокими барышниками — предками современных бизнесменов Америки.

Между тем неслыханно бурный рост Нью-Йорка начался всего около двух столетий назад. Город, обосновавшийся в устье реки Гудзон — громадном естественном водном канале, доступном в течение круглого года для

океанских судов, скоро превратился в один из крупнейших портов мира. И для миллионов обездоленных у себя на родине, гонимых нуждой и произволом людей стран Европы и Азии, хлынувших в конце прошлого и в начале нынешнего века к берегам Нового Света, Нью-Йорк стал преддверием Америки. Тысячи и тысячи эмигрантов навсегда осели в этом преддверии Нового Света. Все смешалось здесь. Нации. Расы. Языки. Наречия. Недаром же теперь на любой из улиц этого города-космополита звучат речи всех «двунадесяти языков». Английская и испанская. Итальянская и французская. Китайская и немецкая. Еврейская и норвежская. Ирландская и исландская. Греческая и португальская. Финская и японская. И многие иные, непривычные для русского слуха, неведомые нам, клокочущие, певучие, гортанные говоры и наречия.

И за это великое смешение наций, рас, племен и языков Нью-Йорк не зря называют именем легендарного ветхозаветного города — Вавилоном. Собственно, современный Нью-Йорк — это скопище четырех огромных городов — Манхэттена и Бруклина, Бронкса и Ричмонда. Весь же так называемый Большой Нью-Йорк, вместивший в городскую черту и все его одноэтажно-деревянные пригороды, насчитывает сейчас около четырнадцати миллионов жителей. А стоимость одного квадратного метра земли в Манхэттене, некогда купленном за двадцать четыре доллара, теперь оценивается в сорок тысяч долларов. Впрочем столь баснословно-высокая цена на каждую пядь земли держится сейчас не только в одном, заросшем дремучими небоскребами Манхэттене, но и во всех прочих районах центрального Нью-Йорка.

Так за полтора ста с лишним лет своей стремительно-бурной, оглушающей жизни Нью-Йорк продолжал из года в год расти и расти, лихорадочно воздвигать на Манхэттене Вавилонские башни гранитно-стальных и дюралюминиевых небоскребов — самых высоких зданий в мире, в которых никто не живет. Да. Да. Самых высоких зданий в мире в самом гигантском городе на земле, значительная часть жителей которого, как и большинство всех прочих американцев, подвластны лишь одному железному закону жизни: второпях, впопыхах, не видя божьего свету, успевать, урывать, делать одно главное дело — деньги!..

... Мы прилетели в Нью-Йорк ровно в двенадцать часов пополудни. Было жарко. Голубым огнем пылало над головой высокое небо Атлантики. Ломило глаза от тревожного сияния и блеска. Воздух, насыщенный океанской влагой, близок был к пылу хорошо истопленной деревянной нашей сибирской бани.

Между тем в громадном, лишенном каких бы то ни было украшательств, но очень опрятном, удобном, залитом светом здании вокзала аэропорта Айдлуайлд нас обдало волной отрадной прохлады. Здесь работали незримые аппараты кондиционного воздуха, нашедшие сейчас широчайшее применение в американском быту. Позднее мы вдвойне, так сказать, оценили благотворное значение таких эр-кондишен, как называются установки кондиционного воздуха. Ибо они не один раз спасали нас от немилосердного в августовские дни парного воздуха Атлантики в отелях Чикаго, Буффало, Филадельфии, Вашингтона или Нью-Йорка. Они обдавали нас благодатной прохладой в иных квартирах гостеприимных американцев или в вагонах железнодорожных экспрессов. В быстроходных трансмагистральных автобусах или в комфортабельных автомобилях — машинах, доступных разве только миллионерам и прославленным гангстерам. Характерное жужжание аппаратов эр-кондишен слышалось в магазинах и ресторанах, в редакциях крупнейших столичных и провинциальных газет, зваными гостями которых мы были во время официальных приемов и встреч с работниками американской прессы.

Не успела невеликая наша группа советских писателей и журналистов показаться в дверях просторного холла таможенного досмотра международного аэропорта Айдлуайлд, как все мы тотчас были с ходу атакованы толпой расторопных, точно выросших из-под земли, вертких, как дьяволы, репортеров американских газет. Забегая вперед, то привставали на цыпочки, то, приседая на корточки, бойко щелкали своими фотоаппаратами, толпясь потом вокруг нас все время пока проходили мы таможенные формальности.

Рослые, бравые полицейские чиновники с золотыми орлами на груди и с буквами «У С» на позолоченных пуговицах своей униформы внимательно изучали наши краснокожие заграничные советские паспорта с американскими визами на въезд в США, тщательно проверяя

Дети Гарлена.

Ранняя «пташка» на Бродвее.

*Соблазняют дешевой
распродажей. Но где
взять лишний доллар?*

*И бредут они, отворачиваясь,
мимо роскошных витрин.*

при этом и международные наши свидетельства о прививке оспы.

Затем, когда мимо бдительных этих чиновников в униформе медленно поплыли поставленные на транспортер наши раскрытые чемоданы, американские полисмены принялись за привычную свою работу. Ловко переворачивая в чемоданах дорожные наши пожитки, они зорко приглядывались к тому, не запрятана ли в сорочках взрывчатка и не прихватили ли мы ненароком с собой за океан по связке запретных корней жизни — жень-шеня, пригоршни бриллиантов или припасенного впрок кокаина, или еще чего-то такого, что запрещено ввозить из Европы в Америку законами этой страны. У меня лично был отобран при этом роскошный аргентинский апельсин, поданный к завтраку стюардессой еще на борту американского самолета во время нашего перелета через Атлантический океан — ввозить фрукты с европейского материка на американский тоже, оказывается, запрещено.

Все мы, искоса поглядывая на таможенный досмотр нашего багажа, втайне опасались как бы атлетические полисмены не изъяли из наших чемоданов бутылки заветной «Столичной» вместе с банками драгоценной нашей российской зернистой икры, что мы прихватили в дальнюю дорогу с собой наряду с прочими отечественными сувенирами в качестве возможных наших подарков тем или иным американцам, которые оказались бы, по нашему мнению, достойными их.

Но бог миловал. Ни «Столичной», ни икры бдительные таможенные чиновники Айдлуайлда нас не лишили. Однако при виде этих, столь соблазнительных для них вещей, все полицейские восторженно защелкали языками, и дородные, откормленные лица ревностных блюстителей американских законов засияли завистливыми улыбками:

— О! Рашен виски! О' кей!

— Водка России! О! Хорошо! — восклицали они, вожделенно глотая слюни.

А тем временем нью-йоркские журналисты, замкнув в глухое кольцо нашу группу, завели оживленный разговор и на английском и на русском языках, расторопно работая при этом автоматическими карандашами и вечными паркеровскими ручками, занося любые наши слова в помятые свои блокноты.

Обмениваясь с нами при первой встрече по-мужски энергичными, крепкими рукопожатиями, американские газетчики дружно, наперебой приветствовали нас пылкими русскими возгласами:

— О!.. Хрущев!

— Москва!

— Россия!

И при этих словах доброжелательно настроенных к нам нью-йоркских журналистов мы не могли не заметить доверительных, сочувственно-теплых улыбок на лицах множества окружавших нас в эти минуты простых американских людей — рабочих и служащих аэропорта Айдауайлд, одобрительно кивавших нам в знак солидарности с приветствовавшими нас репортерами.

После, более близко общаясь при наших встречах с простым народом Америки — фермерами штата Огайо и докерами Чикаго, литераторами и учеными, шоферами такси и служащими отелей, мы не без удовольствия отмечали весьма приятные, импонирующие нам, советским людям, общенациональные черты характера этого народа. Его трудолюбие. Строгую деловитость. Чувство юмора. Склонность к незлобивой шутке. Добродушие, гостеприимство.

Что же касается странного с нашей советской точки зрения не в меру ретивого преклонения этих простых, общительных, отзывчивых на чужую беду и на шутку людей перед магической властью узенькой зеленой бумажки — доллара, заслоняющего подчас перед ними все прочее, глубоко земные блага и радости жизни, то виною тому отнюдь не национальный характер американского народа, а социальное его бытие!..

Первый вопрос, заданный нам американскими репортерами, был вопросом об Американской национальной выставке в Москве.

— Удалось ли вам побывать на ней, джентльмены?

— Да, разумеется. Мы посетили ее в канун нашего отлета в Соединенные Штаты, всего два дня тому назад...

— И как она вам понравилась?

И наши ответы на этот вопрос в общем сводились к следующему. Не все нам понравилось на этой, в конечном счете, весьма интересной выставке. Да. Не все. И не совсем... Мы все восхищены были, например, талантливой фотопозмой — экспозицией фотографий, собранных

Эдуардом Стайкеном, представленных на выставке под общим названием «Род человеческий». Это — гуманистическая по идее песня в превосходных фотографиях крупнейших мастеров мира о жизни рода людского на нашей древней планете. Полтысячи фотографий, собранных в этой впечатляющей коллекции, сделаны фотографами шестидесяти восьми стран. В том числе девять работ в этой коллекции принадлежат нашим советским мастерам художественной фотографии. В художественном отношении многие из этих полтысячи фотографий восхитительны, безупречны, безукоризненны. Все это так. Но с принципами, положенными Эдуардом Стайкеном в основу этой коллекции, нам, советским людям, согласиться довольно трудно. Стайкен, по нашему мнению рассматривает жизнь человека вне социальных условий, вне социальной среды. Вот почему некоторые из снимков, представленных в этой замечательной, повторяем, в общем коллекции, у нас вызвали недоумение, граничащее с досадой. Можно ли разве всерьез полагать, что изображение на одном из снимков пары молодых людей, судорожно извивающихся в экстазе неистовой пляски рок-н-ролла, действительно передает некие характерные черты «рода человеческого»?

— А что вы скажете об американских автомобилях, представленных на выставке в Москве, джентльмены? — продолжали допрашивать нас неугомонные репортеры.

— Да, мы видели там отличные ваши «форды» и «шевроле». На этот вопрос ваш, господа, отвечаем без оговорок. Машины хорошие. Это — факт.

— Что еще вам понравилось, джентльмены? — допытывались корреспонденты, не переставая работать в своих блокнотах шустрыми авторучками.

— Стенд, где рассказывается о широком применении в вашей стране пластических масс. Это очень заинтересовало советских людей. И здесь мы видели весьма интересные экспонаты.

— А что вы скажете о знаменитой нашей чудотворной кухне? — спросил корреспондент «Нью-Йорк таймс».

— Видели и «чудотворительную». Хорошая кухня. Еще бы, если она сама готовит пищу, сама моет посуду, сама подает блюда к столу! Но много ли таких кухонь в Америке? Мы спросили об этом на вашей выставке мистера Джула Рэнома, который как бы выполнял там на

этой кухне роль домашней хозяйки. И мистер Рэнном нам признался, что кухня эта уникальная. По его словам, ее называют у вас в Америке кухней будущего. Верно ли это? — спросил один из наших спутников по путешествию представителя газеты «Нью-Йорк таймс».

— Правильно, сэр. Это — кухня будущего. Кухня-мечта, — охотно подтвердил тот.

— Ну, что ж, мечта неплохая!

— А наше цветное телевидение? — поинтересовался корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн».

— Советских посетителей вашей выставки в Москве, как мы заметили, привлекают экраны цветного телевидения. Но и оно опять-таки, по словам гидов выставки, пока еще не стало массовым в самих США.

— Да. Аппараты цветного телевидения, к сожалению, у нас еще слишком дороги и малодоступны пока среднему американцу.

Обобщая свои впечатления об американской выставке в Москве, мы высказали корреспондентам нью-йоркских газет, с ходу проинтервьюировавших нас в аэропорту Айдлуайлд, примерно такие соображения. Да, на выставке видели мы немало интересных экспонатов. Но если говорить откровенно, то в целом мы, как и большинство наших соотечественников — советских людей, считаем ее малоудачной. Во-первых, у нас при знакомстве с этой выставкой создалось впечатление, что организаторы ее имели, по-видимому, весьма смутное и во многом просто искаженное представление о нашей стране, об интеллектуальном уровне ее народа, о наклонностях, вкусах и интересах наших советских людей...

Во-вторых, при знакомстве с экспонатами трудно было представить себе современный уровень развития американской техники. Неужели же только одни цветные телевизоры, «чудотворные кухни» и хорошие автомашины характеризуют лучшие производственно-технические достижения Соединенных Штатов Америки? А между тем жажда знаний наших советских людей о технических достижениях вашей великой страны не может утолить, разумеется, прохладительный напиток «пепси-кола», которым щедро угощают посетителей вашей выставки в Сокольниках...

Мы видели на выставке работы тех американских художников, которых, как нам было известно из печати,

комиссия конгресса по расследованию антиамериканской деятельности грозила привлечь к ответственности в связи с экспозицией их картин на московской выставке. Речь идет о картине Джека Левина «Добро пожаловать» — очень острой и выразительной сатире на военную американскую аристократию. Об «Аллегории» Бэна Шаана. Об реалистическом полотне Филиппа Эвергуда, впечатляюще-ярко изображающем типичную бытовую сценку на американской улице. И тут мы должны вам честно признаться, господа, что ни в одной из этих картин, как и во всех иных прочих, представленных на выставке, мы никакой опасной «крамолы» для Соединенных Штатов Америки не нашли, не почувствовали, не увидели.

То же самое можно сказать и о талантливой, запомнившейся нам картине Гранта Вуда «Басня пастора Вимса». На этой картине, как нам поясняла очаровательная юная американка Клэр, работавшая в отделе живописи выставки в качестве гида, изображен эпизод из детства президента США Джорджа Вашингтона. Клэр рассказывала нам о том, как однажды маленький Джордж Вашингтон совершил проступок, срубив вишневое дерево, но не нашел в себе мужества признаться в этом. «Будь же всегда правдивым», — такова идея этой картины. И Клэр говорила нам о том, что каждый американский школьник знает об этом завете Джорджа Вашингтона.

— Однако не в пример американским школьникам некоторые организаторы этой выставки, кажется, позабыли об этом завете первого президента Соединенных Штатов Америки! — заметил к слову один из наших спутников Николай Александрович Абалкин.

И нью-йоркские журналисты, любезно улыбаясь, дружно занесли в свои блокноты это язвительное замечание Н. А. Абалкина, сопроводив его дружными кивками и возгласами:

— Ол райт!

Мы не нашли «крамолы» против Соединенных Штатов в полотнах Бэна Шаана, Филиппа Эвергуда и Джека Левина. Но в некоторых картинах и скульптурах, экспонированных в Москве на вашей выставке, налицо, по нашему мнению, прямая крамола против искусства. Нам, например, показывали моток перепутанной проволоки и уверяли, что это не что иное как «звездный куст». А два

изуродованных куска железа почему-то были названы гидом «колдуном»!

— Таким образом, господа,— заключил нашу первую пресс-конференцию в аэропорту Айдлуайлд Н. А. Абалкин,— не получив достаточно ясного представления о Соединенных Штатах Америки по вашей выставке в Москве, мы и предприняли это дальнейшее путешествие за океан, чтобы поглядеть на жизнь вашей великой страны, на быт, на культуру ее народа, что называется, своими глазами — воочию!

— Счастливого путешествия по Америке, джентльмены! — напутствовали нас теми же дружными возгласами корреспонденты нью-йоркских газет, когда в надежном сопровождении наших товарищей — сотрудников Советского посольства в Вашингтоне, встретивших нас в аэропорту Айдлуайлд, мы направились, покинутые корреспондентами, к поджидавшим нас у здания аэровокзала автомобилям.

Бетонированная автострада, ведущая из аэропорта Айдлуайлд в Нью-Йорк, говорят, сравнительно недавно — всего лет двадцать тому назад — пролегла среди холмистых полей полупустынного, малообжитого пригорода. Теперь же дорога эта скорее походила на широкий проспект в центре нарядного, просторно и вольно раскинувшегося окрест какого-то европейского города. Я не оговорился. Именно — европейского! Потому что ничего пока специфически американского не бросалось в глаза — ни в архитектурном облике двухэтажных, а чаще всего — одноэтажных деревянных, похожих один на другой стандартных домов, ни в примыкающих к ним, ничем не огороженных приусадебных участках. Может быть, это отсюда и начиналась та самая «одноэтажная Америка», о которой знали мы до сей поры по описаниям И. Ильфа и Е. Петрова?

И только невероятные скопища по ту и другую сторону автострады разноцветных автомобилей, похожих издали на сбившиеся в загонах стада коров, да стремительно-бурные потоки таких же многоцветных машин по широкому полотну автострады, красноречиво напоминали нам о том, что мы в Америке!..

Уже на этих, еще довольно неблизких подступах к Нью-Йорку было заметно, что город этот все продолжа-

ет расти и расти вширь и теперь. И вряд ли ему хватает нынче тех девяносто восьми тысяч тонн угля, четырех миллионов галлонов нефти и полутора миллионов галлонов пресной воды, что ежедневно поглощает его утроба.

О непрерывном росте этого гигантского города говорит на подступах к нему многое. И немymi свидетелями того являются даже... кладбища. Огромные, тоже по-американски масштабные, эти погосты со строгими бесконечными рядами скучных, одинаково невыразительных, плоских, похожих на пни, надгробий, некогда отнесенные за много миль от Нью-Йорка, ныне оказались в черте города. Лишенные какой бы то ни было зелени, нью-йоркские кладбища походят издали на опустошенные сплошной порубкой рощи с угрюмыми пнями стандартных надгробий — гранитными обрубками, торчащими из земли.

За рассеянным зиранием нью-йоркских окрестностей, за сбивчивыми разговорами с посольскими нашими товарищами, мы не сразу заметили как машины с ходу влетели в бесконечный, облицованный кафельной плиткой, ярко залитый электрическим светом тоннель, проложенный под Гудзоном. Когда же вместе с попутным бурным автомобильным потоком мы вырвались из этой подводной путевой трубы, в мгновение перед нами возникли гранитные джунгли — небоскребы Манхэттена!

И тотчас стало не то что темнее, а сумеречнее. И ясный до этого августовский день мгновенно поблек, как блекнет сваренный зноем яркий полевой цветок, брошенный равнодушной рукой на пыльную степную дорогу...

Запахло бензиным перегаром, горячим гранитом, нефтью. И я отчего-то вспомнил в эту минуту, что так пахло от грохочущего локомотива в машинном отделении нашей станичной пресновской мельницы, куда мы с ребятишками, моими сверстниками любили в далеком детстве забираться в жаркие летние дни, стараясь не попадаться на глаза нелюдимо-угрюмому немцу-машинисту — владельцу этой паровой мельницы.

Между тем от непривычного, непрерывного мерцания рекламных огней среди затемненного небоскребами дня, от калейдоскопического мелькания таких же многоцветных и ярких встречных автомобилей у меня заребило в глазах. А от сладковато-угарного жаркого запаха точно подернутой плотным туманом сумеречной нью-

йоркской улицы слегка подташнивало. Душа затаилась. Нервы были напряжены. До предела обострилось чувство покинутости, одиночества, оторванности от родной земли, ощущения чужестранного неуюта...

Между тем, подхваченные неудержимо-бурным, стремительно-упругим автомобильным потоком, мы продолжали нестись и нестись в бесконечную глубь мрачного, расцвеченного беспокойными мерцающими огнями ущелья нью-йоркской улицы. И улице этой, казалось, нет и не будет конца.

По тротуарам расторопно шагали, а то сломя голову бежали одетые не хуже не лучше один другого разновозрастные американцы в сизых соломенных шляпах набекрень. Мимо сверкающих зеркальными стеклами витрин сновали, как полусонные, какие-то потусторонние, длинноногие американки — всех возрастов, многие — в легкомысленных цветных или светлых трусиках, в туфельках на тонких и длинных каблучках или в тапках на босу ногу.

И в этой густой, запрудившей тротуары быстротекущей толпе то и дело мелькали, как вороны, в черных своих одеяниях католические монахини с ханжески-постными лицами. Мчались к месту грабежей полицейские автомобили. Они ревели и выли так, что казалось при этих воплях на мгновение даже меркли и гасли огненные созвездия бушующей на фронтонах домов рекламы.

Но вот наконец мы остановились у подъезда одного из небоскребов на скрещении Седьмой авеню с Бродвеем против Пенсильванского вокзала. Отель «Говернор Клинтон». Здесь уже ждали нас отведенные номера на двадцать пятом, двадцать седьмом и на двадцать девятом этажах.

В тот момент, когда мы получили в холле отеля ключи от комнат, нам поспешно представился элегантный молодой человек с очень уж стекловидными глазами. Робкий, но, видать, хорошо кем-то вышколенный, быстрый в движениях, он обладал отличной военной выправкой.

Молодой человек предъявил нам визитные свои карточки.

Это был мистер Паркс — представитель «Америкэн экспресс компани», под надежную опеку которого, как выяснилось, отныне переходили все мы на американской земле, как туристы.

— Меня зовут Николай Николаевич, господа. Мы даже немножко с вами сродни. Моя мама тоже родилась в России,—проговорил, представляясь нам мистер Паркс, с едва уловимым американским акцентом, по-русски.

— Очень приятно, мистер Паркс. А папа ваш? Тоже из России? — учтиво спросил его утонченно вежливый Ираклий Чхиквишвили.

— С меня, сэр, хватит и мамы... — уклончиво отшутился мистер Паркс с промелькнувшей по жестким тонким его губам улыбкой.

В это мгновение я успел поймать на себе взгляд его холодных, быстрых глаз и мне вдруг стало не по себе от непрощенного присутствия в нашей группе этого человека. И снова сердце защемило ощущением чужбины, чужим, почти враждебным показался мне сумрачный холл, устланный пышными нейлоновыми коврами.

Между тем, мистер Паркс, умевший, как мы потом убедились, входить в роль эдакого рубахи-парня, услужливо усадив нас вокруг низенького столика «модерн», сказал нам, почтительно в струнку вытянувшись:

— Если вы не станете возражать, господа, то компания «Америкэн экспресс» доверяет мне сопровождать вас в вашем путешествии по Америке. Мы посетим Филадельфию, Балтимору, Чикаго, Вашингтон, Буффало, Ниагарский водопад. Ознакомимся, согласно программе, с достопримечательными местами и памятниками национальной славы всех этих американских городов. Побываем в Маунт Верноне, музее-усадьбе Джорджа Вашингтона под Вашингтоном и в имении Франклина Рузвельта вблизи Нью-Йорка, где покоится прах бывшего нашего президента... Не минуем, разумеется, господа, Национального музея науки и искусств в Чикаго и Национальной галереи в Вашингтоне. Знакомство же с Америкой начнем с Нью-Йорка. С завтрашней утренней прогулки на пароходе вокруг Манхэттена, с осмотра панорамы города со стороны Гудзонова залива. Ну-с, затем посещение здания ООН и, разумеется, подъем на вершину высочайшего здания в мире — Эмпайр стейтс билдинга.

— А в Гарлеме, мистер Паркс, мы будем? — спросила Марина Бугаева — редактор журнала «Советское фото», единственная женщина-журналистка в нашей группе.

— Вам угодно в Гарлем, господа? — с наигранным

изумлением проговорил мистер Паркс, обводя всех нас своими холодными глазами.

— О да, да. Безусловно угодно.

— Даже непременно, мистер Паркс.

— В программе Гарлема у нас с вами пока нет, господа. Но если вы настаиваете... впрочем, я это уточню. Постараемся показать вам и Гарлем,— довольно вяловато пообещал нам мистер Паркс.

— И еще один вопрос к вам,— сказал я.— Некоторым из нас очень хотелось бы побывать на обыкновенной средней ферме. Это возможно?

— Вероятно, да, если согласовать с госдепартаментом...

— Для посещения рядового американского фермера необходимо специальное разрешение госдепартамента?!

— Для иностранцев да, сэр.

— Для всех иностранцев?

— Как переводчик и гид «Американ экспресс компани» я обслуживаю только русских, прибывших в Соединенные Штаты из России. И касается ли это правило госдепартамента иных иностранцев,— сказать не могу,— уклонился мистер Паркс от прямого ответа.

— Но вы, позвольте надеяться, не забудете о нашей просьбе?

— Постараюсь, сэр...

— Заранее благодарен...

— Должен вам сказать еще, господа, что я в совершенстве говорю по-английски. И «Американ экспресс компани» ценит меня как гида и переводчика,— совсем уже вне всякой связи с предыдущим разговором вдруг вымолвил мистер Паркс.

Было видно, что он, норовя закруглить поскорее свою первую беседу с нами, хотел избавиться от новых, мало-приятных для него наших вопросов, ставивших его в довольно затруднительное положение. Мы поняли это.

— Ол райт, господа,— сказал мистер Паркс, потирая руки.— Договорились. А теперь вы свободны. По крайней мере добрых три часа в полном вашем распоряжении. Полагаю, что их вам хватит для ванны, обеда в ресторане этого отеля, некоторого досуга и отдыха после столь дальней дороги?

— Сенк ю. Благодарим, мистер Паркс.

— А к пяти часам вечера вас, кажется, ждет в своем

оффисе мистер Суцбельгерг — президент и главный редактор «Нью-Йорк таймс», крупнейшей, как известно, газеты Америки. Впрочем, вам будут вручены лично от мистера Суцбельгерга именные официальные приглашения. Автомобили вас будут ждать в пятом часу у подъезда отеля.

И на этот раз мы все наперебой сказали ему не без удовольствия «ол райт», охотно расставаясь на некоторое время с нашим активно-волевым, превосходно натренированным переводчиком-гидом.

В свой номер на двадцать девятый этаж отеля «Гouvernor Клинтон» поднялись мы с профессором-литературоведом Виктором Осиповичем Перцевым на скоростном лифте, который, кстати сказать, называют в Америке э л е в а т о р о м.

— Ап, плиз! — Вверх, пожалуйста! — произнес полусонным голосом лифтер, негр в серо-голубой униформе, распахивая перед нами двери лифта.

Пропуская нас в лифт, негр был в первое мгновение с нами сухо-предупредителен, как всякий слуга. Не больше. Но как только мы оказались наедине с ним в просторной кабине бесшумно взмывшего вверх элеватора, лифтер вдруг просветлел, озарив нас ослепительным блеском сахарно-белых своих зубов, обнаженных в доверительно-широкой, приветливой, добродушной улыбке.

Мы с Виктором Осиповичем тоже невольно улыбнулись.

Оказалось, что он удосужился уже от кого-то проводить в отеле, что мы — русские из Советской России, и это, видимо, тронуло и взволновало его.

— О! Совет! Хрущев! О!... Хау ду ю ду, джентльмены! — приглушенно-взволнованным, восторженным голосом выпалил он в один миг, не переводя дыхания, успев крепко пожать нам при этом руки за время минутного нашего взлета в кабине бесшумного лифта на наш двадцать девятый этаж.

В скобках скажу. За все последующие пять суток, проведенных нами в этом нью-йоркском отеле, нам так и не удалось очутиться наедине с этим негром в лифте. В присутствии же других пассажиров — американцев он не только ни разу не заговорил с нами, но даже не смел поднимать на нас своих огромных агатово-темных печальных глаз, делая вид, что он и знать-то не знает нас.

Поднявшись на свой этаж, мы огляделись. В коридо-

ре, устланном толстыми темно-малиновыми нейлоновыми коврами, было пусто — ни души. Ни дежурных по этажу. Ни горничных. Столик с телефоном. Над столиком небольшое зеркало. Гробовая, мертвая тишина.

В номере все впритирку. Не разгуляешься. Невысокие потолки. Гладкие, лишенные украшательства спокойные стены. На полу пылающий огненными красками, такой же толстый и пышный, как и в коридоре, нейлоновый ковер. Удобные шкафы в стенах. На письменном столе стопки почтовой бумаги и конверты для писем — все с рекламными изображениями отеля «Гouverнор Клинтон».

Громадный том с телефонными номерами Нью-Йорка, и рядом — такого же веса и объема — библия на английском языке. Новенькая. Год издания 1959. Нью-Йорк.

Я заглянул в окно. Оно не раскрывается, а поднимается вверх, как в наших трамваях или троллейбусах. И там, внизу, на дне бурлящей автомобильными потоками бездны, увидел я в перспективе скрещение Седьмой авеню, на которой находился наш отель, с Бродвеем и так называемым Таймс-сквером — сердцевиной, средоточием торгово-рекламной жизни этого громадного города.

Несмотря на парную жарюшу на улице, в номере было прохладно. На подоконнике глухо рокотал похожий на радиоприемник аппарат эр-кондишена. В ванной комнате мы обнаружили три крана — с горячей, холодной и ледяной водой. Последняя — для питья, с которой начинают американцы любую трапезу. Вообще, приглядевшись к обстановке в номере, мы вполне оценили прославленный американский сервис. Но тут же пришли к единодушному выводу, что далеко не всякому среднему американцу доступны все эти блага. Платить по двадцать-двадцать пять долларов в сутки за такой номер довольно накладно даже и для состоятельного человека, не говоря уже о людях со средними заработками, не превышающими, как правило, ста долларов в неделю.

После типичного американского обеда (бокал холодной воды со льдом. Ломоть арбуза. Апельсиновый сок. Бифштекс. Чашка черного кофе. Тоненький ломтик белого безвкусного хлеба) мы собрались с нашими товарищами в холле. Выбрали укромный уголок. Уселись вокруг низенького столика в глубоких покойных креслах. Занялись просмотром сегодняшних нью-йоркских и прочих американских газет, накупленных нами в киоске. Было

любопытно узнать, что волновало в этот день американскую прессу.

Как правило, первые полосы всех газет были заполнены статьями, письмами американцев, различными информационными сообщениями, связанными с предстоящим визитом Никиты Сергеевича Хрущева в Соединенные Штаты. Так, например, Агентство «Ассошиэйтед пресс» по словам газеты «Нью-Йорк таймс», сообщало, что Филадельфия послала Н. С. Хрущеву официальное приглашение осмотреть зал Индепенденс-холла, где была подписана декларация независимости. А город Маршалтаун в кукурузном поясе штата Айовы приглашал главу Советского государства «посетить эту общину многоотраслевого сельского хозяйства и промышленности в центре Америки».

Вашингтонский корреспондент газеты «Уолл-стрит джонрэл» Джон Гибсон сообщал, что «корреспонденты этой газеты, беседуя вчера с рядовыми американцами в различных городах страны, нашли, что подавляющее большинство граждан Соединенных Штатов ждет от встречи Никиты Хрущева с Дуайтом Эйзенхауэром положительных результатов».

Газета «Крисчен сайенс монитор» писала в тот день в своей редакционной статье о том, что «решительное и зачастую стихийное одобрение общественности предстоящего визита в Соединенные Штаты советского премьера Хрущева совершенно ясно из выборочного опроса общественного мнения нашей страны».

По словам же столичной газеты «Вашингтон пост энд таймс геральд» такие влиятельные в стране сенаторы, как Спаркман, Ярборо, Джонсон, Максфилд, Баш и некоторые другие, выступая в сенате по поводу предстоящего визита Н. С. Хрущева в Америку, единодушно отзывались об этом визите, как о событии, которое, бесспорно, будет иметь огромное историческое значение.

Словом, решительно вся американская пресса оживленно комментировала в эти дни на первых полосах своих газет «сенсацию № 1», как называли они материалы, связанные с предстоящим визитом высокого советского гостя в Соединенные Штаты.

«Этот визит создаст совершенно новый подход ко многим проблемам, отравляющим международную атмосферу за последнее пятнадцатилетие,— писала в редакцион-

ной своей статье газета «Нью-Йорк геральд трибюн». — За последние дни пройдено несколько замечательных этапов на тернистом пути отношений между Востоком и Западом. Темп развития событий в эти августовские дни был настолько необычайным, что мы невольно задаем себе вопрос: к чему идет наш мир? На это, мы надеемся, следует ответить: он идет к международному дружеству, которое позволит человечеству ковать свою судьбу в условиях мира и все более широкой свободы. Мы не предполагаем, что обмен визитами между премьером Никитой Хрущевым и президентом США автоматически положит конец холодной войне... Однако надо надеяться, что оледенение, которое так долго заставляло Соединенные Штаты и Россию грозить друг другу ракетами, явно перейдет в конце концов — рано или поздно — в стадию полного потепления».

Так выглядели в те дни первые страницы столичных и провинциальных газет Америки. Что же касается последующих полос этих газет, то три четверти их, как принято здесь, было заполнено различной рекламой. Остальное же место отводилось более или менее серьезной информации из международной и внутренней жизни. Но все это густо перемешано со всяким вздором, невероятной чепухой, пустяками, уголовщиной.

Верный привычке ни на минуту не расставаться со своей записной книжкой за все время нашего путешествия по Америке, я и на этот раз не преминул воспользоваться ею, записав некоторые из американских газетных сообщений за первый день нашего пребывания в Нью-Йорке, прочитанных Александром Чаковским.

Привожу эти записи.

Городу Нью-Йорку грозит поражение в борьбе с крысами, — сообщила на первой своей полосе газета «Нью-Йорк джорнэл Америкен». — Сейчас, по прошествии года, в течение которого усилилась борьба с грызунами, крыс в Нью-Йорке, по-видимому, не меньше, чем в то время, когда компания только начиналась.

С января 1959 года крысами были искусаны в нашем городе 1025 мужчин, женщин и детей. Среди детей, в том числе младенцев, укушенных крысами, распространились инфекционные заболевания.

По скромным подсчетам, «крысиное население» Нью-Йорка насчитывает, примерно около полутора миллиона, то есть одна крыса приходится на каждые восемь жителей.

Существует много различных причин увеличения числа грызунов в Нью-Йорке. Вина падает в разной степени на беспечных домовладельцев и квартиросъемщиков и на городские власти.

Но каковы бы ни были причины, крысы создают не только серьезную проблему для здравоохранения, но и делают жизнь многих семей невыносимым кошмаром.

Корреспонденты нашей газеты обнаружили, что родители, чьи дети были искусаны крысами, дежурят по ночам в своих квартирах, чтобы предотвратить нападение этих хвостатых гангстеров.

Крысы величиной с кошку наводят ужас на взрослых людей, выгоняя их по ночам вон из квартир. Поэтому нью-Йоркские женщины отказываются оставаться одни в квартирах, смертельно боясь нападения крыс.

Детям, подвергшимся нападению крыс, по ночам снятся страшные сны и кошмары. Одному, например, четырехлетнему мальчику родители вынуждены давать на сон люминал после того как он был искусан крысой.

Всего в одной минуте ходьбы от Таймс-сквера на Сорок шестой стрит Западной стороны находится дом № 305, где каждый съемщик занимает одну комнату. Квартиранты этого дома заявляют, что в доме обитают крысы величиной с кошку, причем с большую кошку, а не с котенка.

Вот что сказала, например, госпожа Коплин, проживающая в комнате № 310: «Я боюсь оставаться одна в нашей комнате даже днем, не говоря уже о ночи. Однажды я открыла дверь и на меня прыгнула огромная крыса. Я едва отбилась от нее и от страха почти лишилась сознания. Поэтому я вынуждена теперь целыми днями гулять по улицам Нью-Йорка в ожидании возвращения с работы мужа».

Соседки госпожи Коплин — Бетти Воген и Сарра Браун — разделяют с ней ее страх перед крысами, граничащий с ужасом. Госпожа Воген показала корреспондентам ванную комнату на четвертом этаже, которой пользуются двенадцать человек взрослых и шестеро детей. Она обратила внимание корреспондентов на трехфутовое отверстие в потолке и такое же отверстие в полу, в том месте, где проходит канализационная труба. Оба этих отверстия — ходы сообщения крыс, которые нагло шныряют по ним и днем и ночью.

В другом здании, наводненном крысами, живут супруги Гвадалуп, у которых четверо маленьких детей. Госпожа Гвадалуп заявила, что ее маленький сын Роберт был однажды так сильно искусан крысами, что она была вынуждена определить его в больницу. По словам госпожи Гвадалуп, однажды среди бела дня на ее младшего ребенка напали в колыбели две огромные крысы. Одна из крыс, набросившись на ребенка, начала кусать ему лицо, а другая в это время, вынырнув из стенового отверстия, тоже бросилась к колыбели. Госпожа Гвадалуп, схватив из колыбели ребенка, успела выскочить с ним к соседям, где и провела вместе с другими своими детьми целый день, боясь возвращаться в свою комнату без сопровождения мужа.

Когда муж госпожи Гвадалуп, вооруженный палкой, вошел в свою комнату, то крысы уже из нее исчезли. Тогда мистер Гвадалуп тотчас же заделал отверстия в стенах, проделанные крысами. Однако, через день крысы проделали в этих же стенах другие отверстия.

По ночам крысы хозяйничают во всем этом доме, расположенном по соседству с фешенебельным Таймс-сквером — гордостью Бродвея. Они с визгом носятся по комнатам. А перепуганные насмерть жильцы, чтобы оградить от крысиных укусов своих детей, не смыкают глаз с вечера до рассвета.

Еще сообщение:

Полиция города Кливленда после длительных поисков наконец нашла след и схватила известного на всю Америку жулика, носившего тридцать пять разных фамилий. При обыске в его вещах была обнаружена книга с названием «Куда мне направлять воображение, чтобы разбогатеть».

Еще и еще:

В Восточной части Лонг-Айленда, близ Калвертона, во время пробного полета упал и сгорел реактивный самолет «Боинг 707». Весь экипаж в количестве пяти человек погиб. Власти объясняют катастрофу неисправностью механизмов. С самолетами такого типа было уже несколько подобных происшествий. 11 июля один из них, потерявший колесо, кружил 4 часа над Айдлуайлдским аэропортом в Нью-Йорке и наконец при посадке взорвался. Погибло шестьдесят пять пассажиров и пять человек экипажа. Несмотря на все это президент Эйзенхауэр намерен совершить свою предстоящую поездку в Европу на самолете этого типа!

Телефонная станция в Сан-Франциско ввела необычайное новшество. При наборе номера, обозначенного в телефонной книжке под рубрикой «Потерянные псы», автоматически включается магнитофонная пленка, на которой записан лай собак, потерянных хозяевами за последнюю неделю. Услышав лай своей собаки, владелец может прийти по адресу и забрать ее домой.

Начальник морского штаба адмирал Бэрк сделал заявление о том, что Россия обогнала Соединенные Штаты Америки в области конструирования подводных лодок, способных запускать баллистические снаряды. Адмирал полагает, что в России есть подводные лодки, запускающие баллистические снаряды. Однако количество этих подводных лодок ему неизвестно, тогда как первая такая подводная лодка Америки «Джордж Вашингтон» будет спущена на воду и включена в состав национального американского военного флота разве только в конце 1960 года.

Мистер Отто Мтандтке славится на всю Америку как специалист по борьбе со скворцами. Скворец, как известно, очень шумная птичка. Живя огромными стаями, они производят невероятный, ужасный шум, который мешает людям спать, и кроме того стаи скворцов пачкают легковые автомобили.

В 1959 году скворцовому нашествию подвергся город Маунт-Вернон в штате Нью-Йорк. Десятки тысяч скворцов наводнили этот город, свив свои гнезда на вершинах деревьев в городских скверах и парках. Чего только не предпринимал деятельный мэр Маунт-Вернона мистер Ваккарелла, чтобы избавиться от скворцов. Увы, все было тщетно!

Но вот наконец кто-то из жителей этого города вспомнил про Отто Мтандтке, постоянно проживающем в штате Кэнзес. Доложили об этом мэру Маунт-Вернона. И мэр послал Отто Мтандтке телеграмму с просьбой пожаловать в Маунт-Вернон и спасти жителей города от скворцового нашествия.

Отто Мтандтке не замедлил откликнуться, и мэр Маунт-Вернона

мистер Ваккарелла подписал с ним контракт, обязавшись уплатить Отто Мтандтке четыре тысячи долларов, если тому удастся выгнать скворцов из пределов городской орбиты Маунт-Вернона.

Совершенно уверенный в своем успехе, мистер Отто Мтандтке вчера, тринадцатого августа, приступил к своей операции. Когда над Маунт-Верноном сгустились вечерние сумерки, мистер Отто Мтандтке вышел на излюбленную скворцами Коммонвелт-авеню. В руках у него были две металлические пластинки, при помощи которых принялся он производить особые звуки.

Заслышав эти звуки, тысячи скворцов мгновенно умолкли. А через четверть часа они начали стаями сниматься с вершин деревьев и исчезать в неизвестном направлении.

Опыт мистера Отто Мтандтке продолжался в течение сорока пяти минут и будет повторен в ближайшие дни еще дважды. А через три дня, по уверениям Отто Мтандтке, в Маунт-Верноне не останется ни одного скворца!

Завтра в церкви маленького норвежского городка Сонье, насчитывающего всего четыре тысячи жителей, состоится бракосочетание младшего из сыновей Рокфеллера — Стивена с бывшей горничной в доме Рокфеллеров — Анной Марией Расмуссен. В связи с этим событием в Сонье ожидается большой наплыв любопытных, съезжающихся со всех концов Норвегии. Мэр города Йорген Лоне полагает, что приедет не менее пяти тысяч человек. Принимая во внимание, что порядок в городе поддерживается только одним полицейским, в ратуше царит большое волнение. Городское управление в спешном порядке обратилось за помощью в ближайший к Сонье город Кристиансайд, где имеется сорок полицейских.

Напротив здания церкви в Сонье, где будет происходить венчание, устроен на всякий случай пункт Красного Креста для оказания первой медицинской помощи пострадавшим.

В Норвегии твердо держатся обычая, что перед свадьбой жених не должен видеть невесты. Не желая нарушать этого обычая, Стивен Рокфеллер, живший в доме родителей невесты, переехал в отель.

Накануне состоялся мальчишник, на котором присутствовали двое братьев жениха, прилетевших из Соединенных Штатов Америки.

В церкви во время свадебной церемонии будет играть органист Скарпейд, с которым недавно случился сердечный припадок. Врачи рекомендовали Скарпейду отказаться от этого выступления, но он не захотел последовать их совету. Он заявил журналистам, что играл на свадьбе родителей невесты и будет поэтому играть и на свадьбе Анны Марии Расмуссен.

Газета «Стар», издающаяся в американском городке Фейет Парк, на днях начала выходит увеличенным форматом. По этому поводу редакция дала следующее разъяснение своим читателям: «Раньше в нашу газету нельзя было завернуть бутылку кока-кола или виски. Зато теперь — извольте, пожалуйста!»

Вчера благополучно закончилась эпопея жены чикагского комиссанта Офелии Шверд, которая была похищена гангстерами во семьдесят шесть часов тому назад. Похищение американки, по сообщению полиции, было совершено бандитами на одной из уединенных чикагских улиц вблизи банка. Угрожая женщине пистолетами, головорезы втащили ее в автомобиль. Завязав ей глаза, они доставили ее

к какому-то дому на окраине Чикаго, подняли на второй этаж и заперли в пустой комнате. Двое юношей и одна девушка, сторожившие миссис Шверд, не давали ей спать.

На другой день муж похищенной мистер Шверд получил анонимное письмо с требованием выкупа в размере тридцати тысяч долларов. В случае своего согласия мистер Шверд должен был дать в вечернем выпуске газеты «Чикаго трибюн» объявление следующего содержания: «Все в порядке. Жду указаний!»

Однако в минувшую пятницу похитители миссис Шверд, вновь завязав ей глаза, отвезли ее в автомобиле на противоположную окраину Чикаго и там высадили из машины. С большим трудом, имея при себе ни одного цента, американка добралась до дому.

Освобождение миссис Шверд последовало без выкупа. На этот раз гангстеры, видимо, были чем-то напуганы, и операция, начатая ими столь удачно, неожиданно сорвалась!

В субботу в шестом часу вечера банда малолетних преступников, вооруженных пистолетами, открыла огонь по толпе, слушавшей в Хагар-сквере проповедника Джорджа Хурта. В результате — трое убиты наповал, четверо ранены. Полиции удалось задержать пятнадцатилетнего главаря банды Генри Карлтона. Остальные несовершеннолетние душегубы скрылись на автомобиле.

В Принстоне арестован подросток Кэйт Ричмонд. Он отнял у престарелой миссис Эвелин Хики десять долларов пятьдесят шесть центов и задушил ее.

Подобными уголовными новостями в изобилии переполнены все газеты. И подаются здесь эти новости не под отдельной рубрикой уголовной хроники, а вразброс по всем страницам, вперемешку с научной, экономической или международной информацией. Так, например, из одной и той же газетной страницы «Нью-Йорк геральд трибюн» мы узнали в первый день нашего пребывания в Нью-Йорке о следующем:

О том, что акции на нью-йоркской фондовой бирже держатся пока по-прежнему высоко. Но несколькими дюймами ниже сообщалось о том, что американский народ ждет дальнейшего роста инфляции и неизбежного падения покупательной способности доллара. Это подтверждалось итогами широкого опроса населения Америки, проведенного институтом общественного мнения, возглавляемого известным его президентом Геллапом.

Здесь же было опубликовано сообщение о предстоящем визите в Соединенные Штаты начальника Британского генерального штаба лорда Маунбэттена для совещания с американскими и канадскими военачальниками.

Говорилось о прибытии в Вашингтон голландской

принцессы Беатрис на торжества, посвященные памяти знаменитого мореплавателя Хенри Ходсона.

Затем следовала информация о самоубийстве безработного клерка из города Буффало — Петрика Хенри, бросившегося вниз головой в кипящую пучину Ниагарского водопада. Накануне семья сорокавосемилетнего Хенри — жена и трое детей — была выброшена домовладельцем на улицу за то, что глава этой семьи не в состоянии был в течение девяти месяцев вносить квартирную плату.

Нашлось место на этой же газетной полосе и для кратких сообщений о нашей далекой в ту пору от нас родине — о Москве, о Советском Союзе. Ссылаясь на источники нашего ТАСС, газета писала, что Россия дала согласие оказывать научно-техническую помощь Ираку в области атомных изысканий. Говорилось о том, что при содействии советских ученых-специалистов в Ираке будет сооружен в ближайшее время атомный реактор.

Кроме того мы узнали из этой же газетной полосы «Нью-Йорк геральд трибюн» о том, что в Москве вчера было плюс восемьдесят пять градусов по Фаренгейту. Стало быть, по Цельсию, как у нас принято считать, там было плюс тридцать.

Вот как выглядят полосы с новостями в американских газетах. Важные международные сообщения, научная или экономическая информация вперемешку с уголовной хроникой, с подробнейшим описанием состоявшихся накануне дипломатических раутов, со всяким вздором, вплоть до бесцеремонного посвящения читателей в интимную жизнь прославленных кинозвезд или детального разбора туалетов высокопоставленных дам, бывших на рауте у «первой леди Америки» — супруги Дуайта Эйзенхауэра — в Белом Доме.

А затем — на трех четвертях всего объема газеты — реклама. Реклама торговых фирм, театров, кино, кабаре, ресторанов, церквей. Рекламируются в том числе и православные русские церкви. Публикуются фотографии престарелых епископов, архиереев, протоиереев с календарными расписаниями пышных их служб и проповедей в церквах и соборах Сан-Франциско и Филадельфии, Чикаго и Нью-Йорка.

Впрочем рекламируются русские церкви не только на страницах американской прессы. В Филадельфии, на-

пример, мы с Мариной Бугаевой видели православный собор с крутящимися на куполах вокруг своей оси сверкающими от электрических гирлянд ярко иллюминированными крестами. То была тоже реклама, и реклама в ультраамериканском духе!

Что же касается католических, протестантских и прочих американских церквей, то, судя по газетной рекламе, в зданиях их происходят не только одни богослужения, но разного рода собрания, митинги и даже танцы рок-н-ролла при условии выплаты установленного количества долларов за аренду такого богоугодного заведения — таковы уж, видно, нравы американского образа жизни!

Бросилось нам в глаза и такое объявление в рекламном разделе одной из нью-йоркских газет: «Русский погребальщик Петр Ярема. Самые лучшие похороны по самой дешевой цене в Нью-Йорке, Бронксе, Бруклине. Телефон ОР 4-2568».

Это же не очень веселое, но весьма привлекательное объявление с эмблемой угрюмого погребального катафалка под текстом заверстано было среди реклам зубной пасты, дамских подвязок, элексира вечной молодости, самого прочного в мире клея и полураздетых стандартных американских красавиц, натягивающих на длинные ноги нейлоновые чулки.

Таково было наше первое беглое знакомство с некоторыми большими и малыми американскими газетами, попавшими в руки в день приезда в Нью-Йорк. Различные по формату, по внешнему облику, все эти газеты — столичные и провинциальные — по чудовищному месиву более-менее серьезного со всяким невероятным вздором, глупостью и пошлостью мало чем отличались одна от другой. И только по тону иных передовых и редакционных статей, посвященных внешней политике, по явно тенденциозным подборкам международной и внутренней информации в некоторых из них можно было безошибочно определить — волю каких своих подлинных хозяев выражают эти газеты: диктаторов с Уолл-стрита, авантюрной клики из пресловутого Пентагона — заматерелых сторонников продолжения «холодной войны», или же они отражают точку зрения более трезво мыслящих, дальновидных, не утративших еще здравого разума бизнесменов — подлинных хозяев Америки.

Было без четверти пять, когда мистер Паркс напомнил нам о себе телефонным звонком, доложив о том, что автомобили нас ждут у подъезда отеля. Пора было отправляться на первый официальный прием, который устраивала в честь нашей группы советских писателей и журналистов редакция «Нью-Йорк таймс» — старейшей и крупнейшей в Соединенных Штатах газеты.

Год издания «Нью-Йорк таймс» перевалил уже за второе столетие. Газета выходит с 1851 года. С 1898 года она переходит в собственность и поныне здравствующего полновластного ее хозяина — мистера Генри Суцбельгерга.

Владелец «Нью-Йорк таймса» принял нашу группу советских писателей и журналистов в своем довольно просторном офисе внешне весьма любезно, учтиво, радушно.

Этому сухопарому, седовласому восьмидесятидвухлетнему человеку нельзя было дать с первого взгляда больше шестидесяти — таким собранным, подтянутым быстро поднялся он из-за своего рабочего стола, направившись к нам навстречу твердым, не по-стариковски четким шагом.

После представлений, обмена взаимными, мало чего значащими любезностями мы приглашены были президентом в смежную с его рабочим кабинетом более просторную комнату, предназначавшуюся, как видно, для официальных приемов. Обстановка здесь была строгая, деловая. Посреди зала — большой длинный стол, покрытый нейлоновой — под цвет вишневого бархата — скатертью. Полумягкие, обитые темно-бордовым сафьяном стулья.

Здесь Генри Суцбельгерг представил нам свою супругу — тоже сухопарую, тоже седовласую и тоже еще довольно молодую леди в скромном темном платье, с драгоценным колье на шее.

— Вот грешная виновница тому, что я смолоду стал владельцем «Нью-Йорк таймс». Именно по ее настоянию отважился я в свое время купить за наши последние двести пятьдесят долларов эту газету!.. — сказал с учливой улыбкой на вялых тонких губах мистер Суцбельгерг, кивая в сторону рядом присевшей с ним и тоже в свою очередь мило улыбавшейся супруги.

— Любопытно, мистер Суцбельгерг, а какова стоимость

нынешних акций вашей газеты? — несколько сгоряча спросил нетерпеливый «известинец» Валентин Петрович Гольцев.

— О!.. Об этом, наверное, лучше знать казначею нашей газеты — моему наследнику, — ответил с лисьей улыбкой Суцбельгерг, представляя нам при этих словах своего тридцативосьмилетнего сына — Артура Суцбельгерга.

Но наследник шефа газеты, учтиво раскланявшись перед нами с потупленными долу лукавыми карими глазами, скромно смолчал. И в эту минуту походил он на примерного во всех отношениях, застенчиво-полусонного мальчика, которому по правилам хорошего тона только и подобает, что любезно улыбаться гостям да помалкивать, когда говорит с ними сам папаша!

Молодой, благовоспитанный, красивый сынок Суцбельгергов скромно присел загем в сторонку от стола, за спину чопорной, похожей на Марию Стюарт матушки. Лицо старого Суцбельгерга вдруг обрело строгое выражение сухой деловитости. И мы поняли, что он был готов к серьезному разговору.

Тогда мы и попросили президента «Нью-Йорк таймс» назвать главную проблему его газеты.

Смежив по-стариковски уже полувыцветшие глаза, Суцбельгерг после некоторого раздумья коротко ответил:

— Россия!

— В каком именно аспекте интересуется вас наша страна?

— А разве процессы, происходящие в последнее время в России и в Соединенных Штатах Америки, красноречиво не говорят о стремлении к мирному сближению народов двух величайших и могущественнейших держав нашей планеты? — по-прежнему не подымая глаз, ответил престарелый газетный король на этот вопрос вопросом.

— Да, это так, сэр!

— Наша газета приветствует предстоящий визит премьера Никиты Хрущева в Соединенные Штаты. В этом вы легко убедитесь, господа, если не сочтете за труд просмотреть комплект выпусков «Нью-Йорк таймс» последней недели, — продолжал говорить глухим, сомнамбулическим голосом Суцбельгерг. — Я лично убежден, что американский народ искренне поддержит вызов

Советской России на мирное экономическое соревнование двух систем — вашей и нашей.

— Благодарим, мистер Суцбельгер... А не можете ли вы сказать о том, какую позицию занимала ваша газета в так называемую «Неделю поработенных стран», не так давно проведенную в вашей стране прогрессивными кругами Америки? — спросил редактор литовской республиканской газеты Генрих Зиманас.

— О!.. господа, я решительно ничего не знал про эту «неделю», пока не заговорила о ней Москва!.. — заявил, не моргнув глазом, восьмидесятидвухлетний издатель «Нью-Йорк таймс» с восхитительной отроческой наивностью.

— Но прежде Москвы, сэр, об этом затрубила на весь мир, забила, как у нас говорят, во все колокола ваша американская пресса! — напомнил старому Суцбельгеру Ираклий Чхиквишвили.

— Вполне возможно, господа. Вполне возможно... Но ведь я лично никаких других американских газет, кроме своей, никогда не читал и не читаю! — огорошил нас мистер Суцбельгер ловким, как цирковой трюк, своим ответом.

— О да. Это так, господа. Мистер Суцбельгер не терпит других газет. Уж я-то об этом наверняка знаю... — подтвердила с любезной улыбкой супруга старейшего газетного короля миссис Суцбельгер.

— К тому же проведение различных месячников, недель или даже дней в нашей стране дело настолько привычное, обыденное, господа, что вряд ли стоит придавать всему этому сколько-нибудь серьезное значение, — говорил, продолжая выкручиваться старый Суцбельгер. — Все это, так сказать, одна из национальных особенностей американского образа жизни. И все это довольно тонко подметил финский писатель Мартти Ларни в его остроумной книжке — «Четвертый позвонок», недавно выпущенной на английском языке у нас в Нью-Йорке. Да, у нас действительно проводятся недели самообороны и безопасности, национального остроумия или всеобщей игры в бейсбол, защиты бродячих собак или помощи Турции!

— О! Даже недели коктейля «Атомный гриб» или нейлоновых подтяжек! — добавила с благосклонной улыбкой миссис Суцбельгер.

— Таким образом, господа, в калейдоскопе таких недель могла промелькнуть и неделя, о которой вы говорите. Но я лично во всяком случае ее не заметил...— заключил старый Суцбельгерг, так и уйдя от прямого ответа.

— Ол райт, сэр! — произнес трафаретную английскую фразу Генрих Зиманас, как бы в знак формального удовлетворения окольным ответом Суцбельгерга.

Между тем, не прерывая завязавшегося разговора, мы перешли по приглашению любезного хозяина из приемного зала в рабочий его кабинет. И только тут разглядели, что гладкие вишневого цвета стены этого кабинета были щедро украшены фотопортретами с дарственными надписями знаменитых людей Америки. То были портреты известных ученых и конгрессменов, бизнесменов и литераторов, генералов и кинозвезд, художников и актеров, прославленных мировых пилотов и автомобильных гонщиков.

Особое место среди этой своеобразной фотовыставки знаменосцев национальной славы занимали экспонированные на одном из простенков фотопортреты двенадцати очаровательных, как все дети в мире, внуков шефа — сыновей молодого казначея «Нью-Йорк таймс», наследника газетного короля Артура Суцбельгерга.

Разглядывая портреты знаменитых людей — личных друзей и знакомых, когда-то посещавших оффис владельца «Нью-Йорк таймс», мы все вдруг разом изумились, увидев большой групповой фотопортрет троих молодых, доверительно улыбающихся здоровяков в свободно сидящих на них светлых штатских костюмах. Точно три русских богатыря красовались на фото во весь свой рост эти веселые, непринужденно развалившиеся в креслах ребята.

— Братцы! Да ведь это наши! — не удержался от восторженного возгласа в строгом суцбельгерговском оффисе Валентин Гольцев.

И все мы просияли, узнав в богатырских ребятах Валерия Чкалова с Георгием Байдуковым и Александром Беляковым — двумя своими друзьями, спутниками по первому в истории мировой авиации беспосадочному перелету на советском отечественном самолете из Москвы в Соединенные Штаты — через Северный полюс — в памятное всем лето 1937 года!

— О!.. Мистер Чкалов! Мистер Байдуков! Мистер Беляков! Это мои хорошие друзья. Они были гостями нашей газеты после своего знаменитого героического перелета из Москвы через Северный полюс в Америку. Я принимал их вот в этом же офисе. Они сидели со мной за тем же столом, за которым только что беседовали и мы с вами, господа... Я очень дорожу этим портретом троих национальных героев России — портретом с автографами самых знаменитых пилотов своего времени! — сказал на прощание нам мистер Суцбельгерг передоверяя при этом нас своему сыну Артуру Суцбельгергу, который должен был с дозволения полномочного хозяина «Нью-Йорк таймс» познакомить нашу группу с работой редакции и полиграфической базой газеты.

Со слов Суцбельгерга-младшего мы узнали, что в «Нью-Йорк таймс» пять тысяч сотрудников. Из них — одна тысяча журналистов, непосредственных сотрудников редакции. Одна тысяча — работников бизнеса, ведающих рекламой. И три тысячи типографских рабочих.

У газеты — три выпуска. Утренний. Дневной. Вечерний. По воскресеньям «Нью-Йорк таймс» выходит в размере двухсот пятидесяти страниц и весит при таком объеме два килограмма!

Показывая нам один из воскресных номеров своей газеты, Артур Суцбельгерг категорически заявил:

— В этом выпуске у нас полкилограмма новостей и полтора килограмма рекламы!

— Ол райт! — сказали мы.

В редакции имеется только один отдел. Это отдел новостей. И все восемьсот сотрудников этого отдела, не считая, разумеется, иногородних репортеров и собственных корреспондентов, — все они до единого, не исключая и главного редактора этого отдела мистера Кетлич Тернера, — работают в одном громадном, похожем на фабричный цех зале!

Ничего не скажешь, тесновато сидят тут ребята, вприкуру. Все — в крутящихся креслах на колесиках. Перед каждым телефон на малогабаритном рабочем столике. Портативная пишущая машинка. Вот, так сказать, и все средства производства творцов новостей. И работа, пригладелись мы, идет тут довольно бойко. Некоторые из сотрудников, как мы заметили, прижав телефонную трубку плечом к уху, одновременно делали два дела:

разговаривали с кем-то по телефону и печатали очередную свою корреспонденцию на машинке.

От беспрерывных телефонных звонков, от сорочьего стрекота не одной сотни пишущих машинок, от булькающего и квакающего клекота полутора сот телетайпов, уставовленных вдоль стен этого же громадного зала,— аппаратов, принимающих новости со всех концов мира,— от всего этого трудно вообразимого хаоса звуков у нас с непривычки голова шла кругом. И, признаюсь, не совсем было понятно с первого взгляда, как в таких условиях можно что-то творить, продуктивно работать?!

Однако, как видно, американские газетчики не замечали вокруг решительно никаких неудобств, как, видимо, не замечали в эти минуты даже и нас, захваченные невероятно азартным, бешеным ритмом своей работы.

— Наш отдел ежедневно выдает миллион слов,— сказал нам редактор этого отдела мистер Тернер, флегматично пожевывая дымящуюся сигару.— Но в номер из этого миллиона проходит в лучшем случае до ста пятидесяти тысяч слов — пятнадцать процентов. Таков у нас строгий отбор информации!

— Каков же принцип отбора, мистер Тернер?

— По степени сенсационности того или иного материала.

— Сюда входит и международная информация?

— О да, конечно, господа. Наш отдел выдает и международные и внутренние новости. Нью-Йорк обслуживают пятьсот наших репортеров. В их число входят и фотокорреспонденты. Как правило, все они работают синхронно с журналистами. Поэтому каждую значительную информацию мы обычно снабжаем снимком фоторепортера. Так, например, в сегодняшнем вечернем выпуске нашей газеты мы даем сообщение о прибытии в Нью-Йорк вашей группы советских писателей и журналистов, печатая и вашу фотографию. Отличная фотография, господа!

— Ол райт, мистер Тернер!.. А не назовете ли вы, какой самый читабельный материал, с вашей точки зрения, в вашей газете?

— Самое значительное место занимают у нас так называемые женские новости. Это — хроника светской жизни. Приемы. Рауты. Описание парадных балльных нарядов влиятельных леди, знаменитых невест, кинозвезд...

Ну, конечно, не последнее место занимает в отделе новостей и уголовная хроника. Ограбления банков. Пожары. Убийства. Самоубийства. Грабежи. Налеты. Изуверства гангстеров. К сожалению, всего этого у нас еще достаточно много в Нью-Йорке...

— Только ли в Нью-Йорке, мистер Тернер?

— Нью-Йорк в этом смысле самый американский город в Америке...

Между тем в эти дни как раз вся американская пресса была полна красочных сенсационных описаний предстоящей свадьбы сына Рокфеллера-старшего, о чем я уже рассказал. И некоторые из американских газет, комментируя это событие, связывали этот брак сына архимиллиардера с бедной норвежской девушкой не с чем иным, как с предстоящей предвыборной кампанией нового президента Соединенных Штатов Америки...

В канун венчания Стивена Рокфеллера с Анной Марией Расмуссен в маленьком норвежском городке Сонье — родине невесты — «Нью-Йорк таймс» добрую четверть страниц своего отдела новостей посвятила этому семейному событию династии миллиардеров. Печатаемая размером во всю страницу портреты молодоженов, а на следующих страницах — именитых и малоименитых их родичей, солидная газета подробно, во всех деталях, взахлеб расписывала свадебный церемониал в сонном норвежском городке, вдруг ставшем центром внимания всей американской прессы.

В те дни Соединенные Штаты были охвачены грандиозной всеобщей забастовкой рабочих сталелитейной промышленности. Бастовали сотни тысяч сталелитейщиков. Вторую неделю бездействовали все металлургические заводы страны и в том числе сталелитейные заводы Дюпона в Буффало — промышленном городе вблизи Ниагарского водопада, куда мы попали несколько позже.

Однако об этом огромном социальном событии в стране ни «Нью-Йорк таймс», ни другие крупнейшие и влиятельнейшие газеты Америки так и не обмолвились ни одним словом!

— Отражается ли в подборе и публикации новостей мнение самой редакции? — спросили мы Кетлич Тернера.

— Мнения редакции по тем или иным вопросам международной политики или внутренней жизни страны

отражают статьи редакционной страницы. Что же касается новостей, то в подборе и публикации их мы объективны.

— Так ли уж объективны?

— Стараемся...

— Ол райт!.. Любопытно, какие сегодня есть у вас новости с нашей родины? — заинтересовались мы.

— Мистер Никита Хрушев — вот новость номер один! — живо откликнулся на этот вопрос Кетлич Тернер. — В связи с предстоящим визитом главы вашего государства в Соединенные Штаты Америки это имя не сходит со страниц нашей газеты, как и со страниц всей мировой прессы. Это — крупнейшая сенсация последнего десятилетия, господа! — убежденно заключил редактор отдела новостей.

Визит наш в «Нью-Йорк таймс» завершился посещением линотипного цеха типографии этой газеты. Мы с особенной охотой приняли приглашение Суцбельгерга-младшего посетить этот цех, втайне надеясь потолковать по душам с рабочими типографии.

Около полутора сот рабочих-линотипистов, среди которых, кстати сказать, мы не заметили ни одной женщины, узнав о том, что мы из Советского Союза, с неприятно повышенным интересом и живостью разглядывали нас и некоторые из них приветливо кивали нам, улыбались.

Однако разговора по душам у нас с ними не получилось. Было совершенно очевидно, что присутствие в цехе хозяйского сына отнюдь не располагало к такому разговору подчиненных ему типографских рабочих с нами — «красными новеллистами и журналистами».

Когда же мы попытались затеять самый невинный разговор с одним из пожилых линотипистов, он отозвался на него с заметной душевной готовностью, даже привстав при этом со своего рабочего места и сняв перед нами с седой своей головы похожую на польскую конфедератку довольно поношенную невзрачную кепку.

Но в это мгновение подошел на минуту куда-то отлучившийся Артур Суцбельгерг.

И старый линотипист вдруг сник, сжался. Улыбка его тотчас погасла. И он, порывисто опустившись на свой стул, принялся с подчеркнутым рвением за привычную свою работу...

— Не стоит смущать этот народ никакими разговорами в присутствии их молодого хозяина, — шепнул мимоходом нам один из наших русских товарищей — советских дипломатических работников, аккредитованных в Вашингтоне.

Все было ясно. И мы, приглядываясь к занятым своим делом рабочим-полиграфистам, продолжали разговор с молодым Суцбельгергом о его газете.

— Каков же тираж «Нью-Йорк таймс»?

— В воскресные дни — один миллион триста тысяч экземпляров. В будни — несколько меньше... Наша газета не имеет подписчиков. Весь тираж расходуется в розницу. Мы сдаем ее оптовикам по три цента за номер. Оптовики продают в свою очередь владельцам газетно-журнальных киосков на один цент дороже. А читатель платит в киосках уже по пять центов за экземпляр.

Тут кто-то из наших спросил Артура Суцбельгерга о генеральной линии «Нью-Йорк таймс». Но он, пожав плечами, ответил на это с наивной улыбкой:

— Об этом вам мог бы сказать мой отец. Я же ведь не шеф. Не президент. Не редактор. Мое дело узкое, господа, — бизнес!

Откровенно говоря, чесались у нас языки вновь спросить Суцбельгерга-младшего о том, про что он скромно умолчал, когда Суцбельгерг-старший уклонился от ответа на наш вопрос, сославшись на большую компетентность в этих делах своего сына — казначея газеты. Нас все же интересовала нынешняя стоимость предприятия Суцбельгергов, некогда купленного за двести пятьдесят долларов.

Но повторять этого так и оставленного без ответа вопроса Суцбельгергу-младшему мы все-таки не стали из чувства такта и взаимной вежливости к молодому хозяину, любезно сопровождавшему нашу группу по всем тринадцати этажам своей обширной, весьма влиятельной в Америке, могущественной державы, какой является по сути дела эта старейшая в Соединенных Штатах газета.

Значительно позднее газета «Нейшн-гардиан» опубликовала статью редактора этой газеты Джеймса Аронсона под таким характерным заголовком: «Отвечает ли американская пресса своему названию» Джеймс Аронсон, давая трезвую объективную оценку американской прессе, сказал прямо, без обиняков — *она служанка монополий.*

Мы покинули царствующее над площадью Таймс-сквер уютнообразное здание редакции «Нью-Йорк таймс», когда на материк Америки бесшумно наплывала со стороны безбрежных просторов незримого океана аспидно-черная, как вороново крыло, душная атлантическая ночь.

Огни в амбразурах гранитных башен — деловых офисов Уолл-стрита померкли в знак завершения очередного дня большого бизнеса. И тупоголовые пики небоскребов Манхэттена — делового центра Нью-Йорка едва угадывались теперь в бездонном, пепельно-мглистом небе. Светящиеся во мраке циферблаты громадных часов, установленных на поднебесных вершинах контор Уолл-стрита, казались повисшими в воздухе. И жуткой, нелюдимою угрюмостью веяло в этот час от мрачных гранитных глыб, похожих на гигантские надгробия забытого богом и людьми кладбища...

Снова гнетущее чувство подавленности, одиночества и затерянности испытывал я, бредя со своими спутниками-соотечественниками по дну ущелья худо освещенной пустынной улицы — Уолл-стрита. Это была улица, на которой никто никогда не жил. На ней не было ничего, что говорило бы о жизни огромного города.

Ни пылающих неоновыми огнями реклам. Ни фешенебельных магазинов. Ни заманчивых кинематографов. Ни кабаре. Ни театров. Ни ресторанов. И по ее тротуарам не текли, как по Пятой авеню или Бродвею, бурлящие потоки толпы.

По вечерам ущелье Уолл-стрита мертво. Днем оно тоже не оживленнее. И лишь за гранитными стенами угрюмых небоскребов идет в дневную пору неслышная и незримая для стороннего слуха и ока таинственная работа крупнейших финансовых акул — некоронованных королей Соединенных Штатов Америки. В тиши офисов этой улицы ежедневно, ежечасно, ежеминутно умножают миллионные свои барыши те сто пятьдесят пять семейств богатейших людей этой страны, состояние каждого из которых оценивается, по утверждению американского журнала «Форчун», в пятьдесят миллионов долларов.

Сами же американские экономисты подсчитали, что один процент населения этой страны владеет двумя третями всего национального богатства Америки. Но и этот

один процент архимиллионеров имеет свою вершину — семейства нефтяных, стальных, алюминиевых, химических и прочих королей, в руках у которых находится до миллиарда долларов. А богатство, например, династии Рокфеллеров оценивается в два миллиарда долларов. Близки к тому накопления, покоящиеся в личных сейфах Меллонов и Дюпонов, Гетти и Фордов — подлинных владык и диктаторов Соединенных Штатов Америки.

Владимир Ильич Ленин, разоблачая идеологических прислужников буржуазии, доказал около полувека тому назад, что в эпоху империализма монополистический капитализм перерастет в государственно-монополистический капитализм. Это означает, что в таком случае монополии становятся всевластными, деспотически неограниченными по сути дела хозяевами всей экономики в стране. Они целиком и полностью подчиняют себе все промышленные предприятия, все сельское хозяйство, концентрируют во всевластных своих руках торговлю, банки. Более того, они практически подчиняют своей воле весь государственный аппарат, превращая правительство в свой политический филиал.

Все это налицо в Соединенных Штатах Америки. У власти здесь стоит не конгресс, заседающий время от времени под куполом Капитолия в провинциально-тихом Вашингтоне, и страной этой управляет не ее многомиллионный простой народ, как это пытается утверждать поруганная воротилами с Уолл-стрита конституция Америки, а финансовые короли и магнаты — диктаторы, в руках которых находится львиная доля всего огромного национального богатства страны.

Программу этих некоронованных королей, подлинных хозяев Соединенных Штатов довольно-таки прямо и точно изложил со свойственной этим людям предельно циничной откровенностью один из крупнейших американских банкиров-миллионеров Фредерик Мартин.

«Нет, мы не являемся ревнителями общественной пользы! Мы — богачи! — воскликнул он однажды в порыве откровенности. — Америка принадлежит нам. Мы — ее хозяева. И мы готовы пустить в дело решительно все наши огромные возможности, наше влияние, наши доллары, наши политические связи, наших продажных сенаторов, наших растленных конгрессменов, всех наших демагогов против любой законодательной акции нашего

правительства, против любой политической платформы, против любой кандидатуры в президенты, — против всего того, что может угрожать незыблемости нашего государства!»

Таков девиз хозяев, владык, диктаторов современной Америки. И они используют властное свое могущество до предела. У них одна цель — миллионные барыши при пропорциональном снижении жизненного уровня американского народа. И та бешеная гонка вооружений, которая ведется сейчас правительством Соединенных Штатов в интересах разжигания «холодной войны», тяжелым бременем ложится на плечи рабочих и мелких фермеров, на клерков отелей и конторских служащих, на владельцев «драгстеров» — полуаптек-полузакусочных — и прочего простого народа Америки.

За пятилетие первой мировой войны — с 1914 по 1918 год — американские архимиллионеры положили в свои сейфы тридцать пять миллиардов долларов чистой прибыли. А наиболее изворотливые из них умножили свои доходы за эти годы более чем в десять раз.

Во время второй мировой войны барыши американских магнатов увеличились с трех миллиардов трехсот миллионов долларов в 1938 году до двадцати трех миллиардов трехсот миллионов долларов в 1944 году. Прибыли же этих некоронованных королей Америки, по официальным данным американских экономистов, составили в 1959 году пятьдесят девять миллиардов долларов, увеличившись таким образом в пятнадцать раз по сравнению с 1938 годом. А за двенадцать последних послевоенных лет барыши диктаторов с Уолл-стрита достигли четырехсот тридцати семи миллиардов долларов!

О сверхприбылях некоторых архимиллионеров Америки можно судить по таким примерам. Годовой доход президента «Беглихем стил корпорейшн» Арни Хомера достигает полумиллиона долларов. А так называемый почетный президент этой же компании Юрок Грейс «зарабатывает» около одного миллиона долларов. Это, так сказать, еще средние миллионеры. Состояние нефтяного короля Америки, миллиардера Давида Гетти, проживающего в Париже, оценивается в несколько миллиардов долларов. Давид Гетти получает ежегодно прибылей гораздо больше, чем зарабатывает в течение года один миллион американских рабочих!

Сведущие люди нам говорили в Америке.

— Наш автомобильный король Форд наживает с каждого своего рабочего по три доллара в час. А наши буржуазные ученые-экономисты без умолку твердят о том, что де ценности создаются не только трудом рабочего, но и капиталом. Отсюда они делают такой вывод. Значит, продукты производства надо делить пропорционально между трудом рабочих и капиталом. И раз капитал выражается в миллиардах долларов, то ему, стало быть, должна принадлежать, соответственно этому, и большая доля доходов. Такова философия американских экономистов — теоретиков так называемого народного капитализма!

Безмолвен, темен, угрюм и мрачен был в этот вечерний час Уолл-стрит. И только там, впереди, над кварталами торгового центра Манхэттена полыхало жаркое зарево никогда не виданного мной грозного, потрясающего пожара. То мерцающие, колеблющиеся, как при землетрясении, столбы огня, то слепящие брызги гигантских бушующих его фонтанов поминутно взмывали над пиками небоскребов в темное небо, озаряя феерически-ярким трепетным светом громады домов этого неизмеримо огромного, подвластного «Желтому дьяволу» города.

А угрожающе яростный, душераздирающий вой сирен полицейских автомобилей, проносившихся то и дело мимо нас с вихревой скоростью по пустынному Уолл-стриту, дополнял эту поражающую воображение картину пожара — стихийного бедствия, вдруг обрушившегося в ночи на поднебесные кровли Манхэттена.

Но никакого стихийного бедствия на этот раз в Нью-Йорке не было. А бросавший нас в оторопь рев сирен ничуть не смущал, как мы заметили, ко всему привыкших, видимо, нью-йоркских старожилов. Он напоминал только им лишь о том, что с наступлением сумерек принимались за свое привычное дело ночные хозяева Нью-Йорка — гангстерские шайки налетчиков, грабителей и громил, и полиция бросалась на черных ревуших своих лимузинах в небезопасную борьбу с ними.

Завтра из утренних выпусков местных газет будет известно все. Сколько за минувшую ночь было совершено в этом городе преступлений. Ограблений банков или

страховых контор. Убийств. И сколько было схвачено полицией гангстеров, малолетних преступников во время очередной перестрелки.

Известный американский писатель Джованни Скьяво — автор нескольких книг о преступном мире Соединенных Штатов после многолетнего всестороннего изучения им этой национальной проблемы пришел к выводу, что гангстеризм неотъемлем от американского образа жизни, где насилие возводится в культ. Гангстеризм, утверждает Джованни Скьяво, это та же политика силы, только обращенная внутрь общества. И гангстеры — это чистейший продукт Америки, продукт образа ее жизни, образа ее действий.

Только в одном Нью-Йорке насчитывается несколько десятков банд малолетних преступников. По одним американским источникам их здесь около двухсот, по другим — около полутысячи. Все эти шайки несовершеннолетних правонарушителей находятся между собой в состоянии непрерывной вражды. То и дело объявляя и затеявая междуусобную войну, они буквально терроризируют весь этот огромный город.

Американский журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» для того, чтобы выяснить причины бурного роста преступности среди подростков, поручил своему нью-йоркскому корреспонденту, давно специализировавшемуся на этой тематике, изложить на своих страницах эту проблему так, как она ему представляется. Корреспондент выполнил поручение, опубликовав на страницах журнала пространную статью. Не говоря по существу о причинах роста детской преступности, а описывая только лишь факты, автор рассказал о страшной жизни американских подростков, этого «потрясенного поколения», как метко окрестила его сама же американская пресса.

«Во всех крупных городах Соединенных Штатов Америки, — писал корреспондент, — банды подростков убивают, насилуют, грабят население. Число полицейских все увеличивается. Сенатская комиссия по детской преступности расследует причины роста преступности среди подростков».

На третий день нашего пребывания в Нью-Йорке все здешние газеты были заполнены красочными описаниями кровавой драки подростков, произошедшей в ночь на 14-е августа 1959 года. Банда юных гангстеров под названи-

ем «Спортсмены» выступила против своих пуэрто-риканских противников, состоявших в банде под названием «Мальчики с Форсит-стрит». Они учинили кровавую драку, чтобы безраздельно владеть небольшой узкой асфальтированной дорожкой со скамейками, которая обсажена смоковницами. Эта дорожка называется «Саро Делано Рузвельт парк».

В завязавшейся драке обе банды пустили в ход ножи, а затем и огнестрельное оружие. Один четырнадцатилетний подросток поджег фитиль в бутылке с бензином и бросил пылающую бутылку в группу своих пуэрто-риканских противников. В то время, когда яркое пламя осветило группу пуэрто-риканских мальчишек, один из членов банды «Спортсмены» произвел несколько выстрелов из пистолета. Пятнадцатилетней пуэрто-риканке пуля прошила голову, и девчонка была убита наповал. Смертельно был ранен в живот и другой мальчишка из банды «Мальчики с Форсит-стрит».

Газеты сообщали, что двум схваченным полицией во время этой кровавой драки подросткам предъявлено обвинение в убийстве. И пока городские власти Нью-Йорка обсуждали планы, как ликвидировать наконец эту непрерывную междуусобную войну малолетних правонарушителей, в Нью-Йорке произошло между гангстерскими подростками новое кровавое побоище. На сей раз объектом раздора явилась небольшая спортивная площадка между Девятой и Десятой авеню, в районе, известном в Нью-Йорке под названием «Чертова кухня». В результате этого побоища было убито двое подростков, трое тяжело ранены.

Главарь одной из этих банд — шестнадцатилетний Сальваторе Агрон, схваченный полицией, ранил при завязавшейся перестрелке троих полицейских и, по словам американской прессы, ему, разумеется, будет обеспечен в верховном суде электрический стул.

В дни нашего пребывания в Нью-Йорке газеты писали, что комиссар нью-йоркской полиции Стивен Кеннеди бросил тысячу четыреста полицейских на борьбу с малолетними гангстерами. А мэр Нью-Йорка Роберт Вагнер потребовал увеличить численность полицейских сил, брошенных против вооруженных банд несовершеннолетних преступников еще на одну тысячу семьдесят три человека.

Губернатор штата Нью-Йорк Рокфеллер и мэр Вагнер, выступив в сенатской подкомиссии, настаивали на установлении более жесткого контроля над наркотиками и огнестрельным оружием с тем, чтобы они не попадали с такой легкостью в руки подростков. Они говорили о том, что пристрастие к наркотикам играет большую роль в бурном росте детской преступности в Соединенных Штатах.

Между тем представитель федерального органа, занимающегося наркотиками, заявил специальной сенатской комиссии, изучающей проблему наркотиков, что около сорока процентов всех наркоманов Америки живет в Нью-Йорке.

Но ни губернатор Рокфеллер, ни мэр Вагнер ни словом не обмолвились об истинных причинах возникновения и резкого обострения этой национальной проблемы Америки. Оба они сделали вид, что не замечают того, как весь мир, окружающий американских подростков, пронизан духом насилия, грабежа и обмана. Они не сказали и не могли, конечно, сказать о том, что к преступлению толкает американских подростков и основная заповедь системы так называемого свободного предпринимательства — стремления любыми средствами и любыми путями сделать из «сотни долларов — две» и те, в среднем, триста пятьдесят убийств, которые показываются ежедневно американским подросткам по телевидению.

Американский гангстеризм и, в частности, детская преступность это не позор, а несчастье молодого поколения Соединенных Штатов. Роковая печать этого позора целиком ложится на капитализм, духовно опустошающий, растлевающий это юное поколение.

Нам рассказывали, что в Нью-Йорке, в Чикаго и других городах Америки есть немало добровольцев-энтузиастов, пытающихся отвратить молодежь от преступности, чем-то увлечь, заинтересовать ее.

Вот что писала при нас газета «Нью-Йорк джорнэл Америкэн» об одном из таких энтузиастов, некоем мистере Томасе Гише.

«Этот человек,— сообщала газета,— изучил за свой век причины преступности до самых ее корней. Он хорошо знаком с покрытыми сажей и хламом перекрестками своего района в Нью-Йорке, где кишат разные расовые группы, не смешиваясь, подобно воде и маслу, где

стены старых домов скрывают трущобы похуже знаменитого у нас Истсайда, где подростки, наблюдая за бездомными бродягами, постоянно задают себе страшный вопрос: неужели и я стану когда-нибудь таким же?!

Мистер Томас Гиш, — сообщает газета, — передает, что в беседе с ним главарь одной из малолетних гангстерских шайек сказал ему так: «Я очень боюсь одного, что когда стану взрослым, я не найду себе никакого сильного дела и стану голодать. Мне шестнадцать лет. Но я ничего не знаю и ничего не умею делать. Поэтому я не знаю, как я смогу заработать на жизнь. Я знаю, что многих моих сверстников у нас в Америке беспокоит этот вопрос. А если ты не можешь заработать, то что же тогда делать тебе и как жить? В таком случае известно что: грабить, воровать, убивать!»

Не вся, разумеется, молодежь Америки, зараженная ядом преступности, находится на грани духовного распада. Среди молодого американского поколения немало здоровых — физически и духовно — сил. Однако армия «потрясенного поколения» катастрофически продолжает расти и расти в этой стране, полной таких контрастов и противоречий, каких не найдешь, пожалуй, ни в одном ином капиталистическом государстве Европы.

Нет, я не узнаю, господа, своего Нью-Йорка. Это уже совсем не тот город, каким знал я его хорошо лет двадцать тому назад, — говорил нам однажды репортер по уголовной хронике Джон Уайл. — Лет двадцать тому назад я тоже вел уголовную хронику в нашей газете. А теперь, наблюдая за непрерывным ростом преступности, и, право, испытываю чувство недоумения. Что же случилось с нашим великим городом? Теперь он выглядит совсем по-иному, чем два десятилетия тому назад. Улицы, которые когда-то были оживленными, на которых по вечерам было так же много людей, как сейчас на Бродвее. людей, направляющихся в кино, в магазины, кабаре или рестораны, — эти самые улицы теперь тихи и пустыжны после наступления темноты.

— Почему?

— Потому что нью-йоркцы боятся показываться на этих улицах ночью. Пустынны не только улицы, но и все городские парки. А такой наш прекрасный центральный парк Нью-Йорка, каким является Хагар-сквер, не считается теперь безопасным даже в дневное время.

Еще по дороге из аэропорта Айдлуайлд в Нью-Йорк мы, проезжая по Пятой авеню мимо огромного зеленого массива Хагар-сквера, видели кружившие над этим парком вертолеты. И теперь, вспомнив об этом, к слову спросили нашего собеседника:

— С какой целью кружатся над парком эти машины?

— О, это же воздушные полицейские патрули, господа! — ответил Уайл. — Они контролируют парк с птичьего полета. Правда, и эта мера не всегда спасает некоторых малоосторожных посетителей парка даже от дневных нападений великовозрастных и малолетних гангстеров... Черт знает, до чего мы все-таки дожили, господа! — заключил Джон Уайл с непритворной горечью.

Позднее мы с Мариной Бугаевой и Валентином Гольцевым все же отважились заглянуть среди бела дня в Хагар-сквер. Он нам понравился. Роскошные тенистые деревья. Много спортивных площадок. Много прудов с лодками. Здесь не худо могли бы отдохнуть в летние дни от угарного чада душных, узких, запруженных машинами улиц оглушенные грохотом, одурманенные бензином перегаром и парным зноем нью-йоркцы.

Но великолепный громадный зеленый массив, раскинувшийся в центре гранитно-стального города, был почти совсем пуст. Пусты были и спортивные площадки. Пустынны были и берега зеркальных прудов с сиротливо оприколенными лодками. Редки были прохожие на тенистых аллеях. Чаще всего мелькали только то тут, то там дюжие фигуры полицейских с резиновыми дубинками в руках, с тяжелыми пистолетами на поясе.

И мы, припомнив нашу беседу с Джоном Уайлом, тоже поспешили подобру-поздорову убраться отсюда во свояси...

... Возвращаясь поздним августовским вечером из редакции «Нью-Йорк таймс» в отель «Говернор Клинтон», мы ошеломлены были видением грандиозного пожара, бушующего вдали над вершинами небоскребов торгового центра Нью-Йорка.

Однако огненный этот прибой за пожар приняли мы по неопытности. То были всего-навсего рекламные огни Бродвея!

В очередную программу знакомства с Нью-Йорком входило посещение нами здания Организации Объединенных Наций, а затем прогулка на пароходе по Гудзону, чтобы мы могли увидеть Нью-Йорк таким, каким выглядит он со стороны Гудзонова залива в глазах пассажиров океанских лайнеров, доставлявших их через Атлантический океан от берегов Европы к берегам Америки.

Утром тотчас же после легкого и пресноватого завтрака усаживаемся в поданные к подъезду черные длинные, как ракета, автомобили и мчимся в густом потоке машин мимо Пенсильванского вокзала через Таймс-сквер и бушующий, невзирая на ясный божий день, рекламными огнями Бродвей к зданию ООН на набережной Ист-ривер.

Миновав Бродвей, сворачиваем на одну из бесчислен-

ных рядовых нью-йоркских стрит — мрачноватую, захламленную обрывками газет и прочим мусором улицу.

Здесь уж не видно роскошных зеркальных витрин фешенебельных универсальных дворцов-магазинов с Пятой авеню, с красующимися на манекенах умопомрачительными бальными нарядами леди и джентльменов. Не слепят глаз и рекламные трюки Бродвея. Сумрачно. Незвразно. Провинциально. Зато то и дело мелькают в окнах малокорыстных магазинчиков и лавчонок знакомые уже нам начертания краткого английского слова «Сейл». Оно означает распродажу товаров по ценам, сниженным против подлинной их стоимости, если поверить ярлыкам, то на добрую половину, а то и на все три четверти!..

Но вот автомобили выносят нас на набережную Ист-ривер. И мы вдруг оказываемся у подножья необычайного небоскреба, издали похожего скорее на гигантский элеватор. Две боковых поперечно узких стены сооружены из белого мрамора, две продольных — из подкрашенного в голубовато-зеленый цвет стекла. Это и есть тридцатидевятиэтажный дворец Секретариата Организации Объединенных Наций.

У подножья этого сооружения простирается другое, схожее с положенным плашмя спичечным коробком, прикрытым грибообразной шляпой, мраморно-известковое здание Генеральной Ассамблеи ООН. Перед ним на высоких флагштоках, выстроившихся в парадно-стройную шеренгу, полоскались в жарких лучах атлантического солнца разноцветные национальные флаги восьмидесяти двух государств, признанных равноправными членами Организации Объединенных Наций. Флаги установлены в алфавитном порядке названий стран. Государственный флаг Советского Союза жарко пылает по соседству со звездным флагом Соединенных Штатов Америки.

Символами глубокого гуманизма повеяло на нас от этого необыкновенного здания, воздвигнутого усилиями народов всего земного шара в благородных целях упрочения мира на древней нашей планете. И, обнажив головы перед собственным флагом, мы, говоря начистоту, не без некоторого душевного волнения переступили порог громадного вестибюля.

Здесь нам представилась высокая, гибкая русоволосая девушка в синем форменном платье гида. Внешне в ней не было ничего такого, что бы роднило ее с примель-

кавшимися уже нам в Нью-Йорке стандартным типом американских девиц. Голубые, залитые светом, изумленно смотрящие на мир глаза. Открытое, мягко очерченное лицо. Непринужденная простота в обращении.

— Здравствуйте, господа из России! — сказала она, протягивая поочередно каждому из нас узкую свою холодную руку.— Меня зовут Наташей. Мне очень будет приятно сопровождать вас в качестве вашего гида по залам ООН. Тем более, что я тоже русская. Мой папа москвич. С Таганки. Мама иркутянка. И хотя я лично родилась и росла в Австралии, в Сиднее, я много слышана от моих родителей о России... И вообще я всегда очень рада видеть русских людей. Очень, господа, рада!

— Охотно вам верим, Наташа. А вы что же, американская подданная?

— Родители — да. А мне еще нет двадцати одного года, когда я, по американским законам, смогу себе выбрать подданство.

— И какое же выберете, когда вам минет двадцать первый?

— О, я об этом еще не успела подумать как следует, господа...

— А то приезжайте к нам в Москву. На Таганку,— шутим мы с Наташей, родившейся и росшей в Сиднее.

— Спасибо, господа. Я бы очень хотела увидеть Россию. Москву. И даже эту самую там Таганку, о которой так любит часто вспоминать папа...

— Отец ваш работает?

— Да. Он инженер. Электрик. Ему наконец повезло: недавно он получил работу на заводах Форда в Детройте.

— А ваша матушка?

— Она дает уроки русского языка в одном детройтском колледже. И кроме того занимается по русскому языку в трех семьях видных тамошних бизнесменов у них на дому. О, изучение русского языка с недавних пор стало модным делом в Америке! — заявила Наташа.

Русская по происхождению девушка, прошедшая американскую школу гидов, начала рассказ о достопримечательностях здания ООН в чисто американском духе и стиле — с цифр, с того сколько тут чего стоит. Под территорию владений ООН было продано 18 акров баснословно дорогой нью-йоркской земли, когда стоимость

одного квадратного метра в иных местах этого города достигает сорока тысяч долларов. Строительство здания, начатое с конца 1948 года и законченное в 1952 году, обошлось в 68 миллионов долларов. Было подчеркнуто при этом, что Рокфеллер пожертвовал на его стройку восемь с половиной миллионов долларов.

На тридцати девяти этажах небоскреба Секретариата ООН работает три тысячи триста сотрудников. Гаражи, устроенные под зданием, способны вместить около двух тысяч автомобилей. В разработке архитектурных проектов этого дворца принимали участие архитекторы многих стран, в том числе и наши советские зодчие.

Поминутно пересыпая свою речь многозначными цифрами, Наташа водит нас по залам дворца, привлекающим наше внимание не только различием и оригинальностью их внутреннего убранства и архитектурной отделки, но и размещенными в них произведениями искусства — дарами скульпторов и художников, народных мастеров и умельцев многих стран мира.

Впечатляюще громаден зал заседаний Генеральной Ассамблеи с его куполообразной шатровой крышей над амфитеатром двух тысяч ста кресел — мест для членов Ассамблеи, для представителей прессы и для гостей. Здесь во время заседаний Ассамблеи речи ораторов одновременно переводятся на пять языков, и каждый присутствующий на заседании может слушать любой из этих переводов, взяв висящие перед ним наушники...

— Прошу обратить внимание, господа, на арку парадного входа в зал Ассамблеи, — говорит Наташа, указывая нам рукой в противоположную от стола президиума сторону, откуда пролегала посреди зала усталая пыльным малиновым ковром дорога к Почетному креслу за столом президиума.

— Это вход для почетных гостей Ассамблеи, — продолжала свои объяснения наша миловидная проводница. — Через него входила в этот зал бельгийская королева Елизавета. Двери этого входа скоро откроются и перед вашим премьером Никитой Хрущевым, если он пожелает оказать своим посещением честь Генеральной Ассамблее во время своего предстоящего визита в Соединенные Штаты Америки!

Этот зал Ассамблеи украшает панно французского художника Фернанда Леже. Но что оно изображает, по-

нять даже при самом пылком воображении, совершенно немислимо — такова уж природа так называемого абстрактного искусства!

Кстати. Позднее мы видели немало таких абстракционистских полотен в художественных галереях Вашингтона и Нью-Йорка. О художественной значимости таких абстракционистских произведений можно судить по оценке, которую дает им прогрессивная буржуазная пресса Европы. Так в дни нашего пребывания в Филадельфии мы прочли в газете «Вашингтон пост» заявление президента Английской королевской Академии художеств Чарльза Уилера, который, подвергая резкой критике абстракционистское искусство, сказал:

«Так как это нечестно, то мы никогда не станем показывать образцы последнего трюка, когда обнаженную натурщицу покрывают краской, а затем художнику — так называемому — предлагается протащить ее по полотну, расстеленному на полу студии. Мне сказали, что получающиеся в итоге картины — так называемые — будут выставлены в Париже. Неужели нет границ этим абсурдам?

До каких пор мы позволим этим смехотворным трюкам и экстравагантностям моды подменять подлинное и заслуженное искусство?

Я полагаю, до тех пор, пока находятся люди, которые ставят сенсацию выше чувства, и пока произведения искусства превращаются в предметы торговли, качество которых принимается покупателями на веру и не подвергается сомнению, потому что это последняя новинка.

Это действительно будет продолжаться до тех пор, пока мы будем доверчивы. Эти абсурды в современном искусстве — я бы назвал это лихорадочным хаосом — являются, по-моему, частью всемирного движения, направленного на то, чтобы дискредитировать и уничтожить бог знает для чего, традиционное и представительное искусство.

Они продолжают существовать не потому, что они приемлемы для всех — фактически девяносто процентов считают их подчас нелепыми и смешными, — а потому что, как это случается в области политики и промышленности, достаточно нескольких организованных и направленных людей, чтобы вызвать страшный хаос в изобразительном искусстве.

Они добились своего, но это пройдет».

Хорошо запомнился привлекший наше внимание оригинальной внутренней отделкой зал заседаний Совета Безопасности. Просто не верилось, что одна из стен этого зала была столь изящно, мастерски-тонко отделана золотистой соломой, а две боковых — не менее изящной декоративной шелковой тканью — даром народа Норвегии.

В зале Совета по опеке бросается в глаза работа датского скульптора Генрика Старке — реалистическое изображение женщины, держащей в руках синюю птицу, как символ надежды на счастье, на мир всего человечества. Здесь же выставлена написанная в реалистической манере картина доминиканского художника Вела Занетти, посвященная изображению борьбы за мир народов земного шара.

Зал Социально-экономического совета украшает огромный — во всю противоположную застекленную стену — роскошный декоративный занавес ручной работы — произведение талантливой, не по годам, видать, трудолюбивой шведской школьницы!

В коридорах и фойе этих залов здания ООН можно увидеть бразильские панно и бельгийские гобелены, персидский ковер пятисотлетней давности и мраморную статую Зевса, подаренную Грецией.

Японский народ прислал в дар дворцу ООН древний буддийский колокол — символ вечного мира. Канадцы украсили одни из дверей фойе национальным своим орнаментом. Американские дети вложили свою мечту о человеческом счастье в построенный их руками фонтан, от мерного безмятежного журчания которого веет благодатным покоем...

— Чем конкретно занимается, например, Совет по опеке? — спросили мы нашего юного гида во время осмотра зала Совета опеки.

— Не так давно, — отвечала Наташа, — он разбирал жалобу десятилетней девочки из Южной Африки. Девочка эта написала в Совет по опеке просьбу, чтобы с нее не брали по двадцать франков за проход на базар. Совет, рассмотрев эту детскую жалобу, отменил закон Южно-Африканского правительства о взимании с местного населения платы за проход на базар...

О том же, чем заняты на тридцати девяти этажах

здания Секретариата ООН три тысячи триста его сотрудников, мы уже спрашивать Наташу не стали. Вряд ли она могла дать нам толковый ответ на этот вопрос. И чем мы больше бродили по залам и фойе этого огромного, переполненного экскурсантами и туристами здания, тем ощутимее становилась для нас та атмосфера показной парадной шумихи, которая царила здесь, под крышей дворца, возведенного народами во имя идеи всеобщего мира. Было похоже, что многие тут давным-давно позабыли о том, ради чего сооружен этот строгий и внушительный небоскреб миротвория у берегов полноводной Ист-ривер.

В вестибюле торговали сувенирами — безделушками многих стран мира. Продавщица — пышная дама, признав в нас русских, пожаловалась по-русски:

— Самый ходкий товар у нас — российские сувениры. Знаменитые изделия Палеха. Они всегда нарасхват. Очень жаль, господа, что мы так редко их получаем. Передайте, пожалуйста, об этом в России.

— О'кэй. Передадим, мадам.

Американские девицы в нейлоновых трусиках, в тапках на босу ногу, позевывая, слонялись по фойе, толкались возле киосков с сувенирами, около автоматов с прохладительными напитками кока-кола и пепси-кола.

Плавно движущиеся эскалаторы поднимали и опускали с этажа на этаж людские потоки. Звучала разноязыкая речь. Щелкали затворы туристских фотоаппаратов. Гудели, как молотильные барабаны, установки кондиционированного воздуха, и было похоже, что мы находились в каком-то солидном музее, среди праздной толпы зевак, искавшей в нем лишь убежища от тропической жары.

Мы знали, конечно, что во время очередных сессий Генеральной Ассамблеи под шатровым куполом ее зала не перестают звучать речи о разоружении и мире. Но мы были и свидетелями того, как во время нашего пребывания в Соединенных Штатах творец американской водородной бомбы Берри Теллер ратовал на страницах газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» за продолжение подземных ядерных испытаний. А президент Дуайт Эйзенхауэр в своем послании конгрессу требовал на военные расходы в 1960—61 годах шестьдесят миллиардов пятьсот тридцать девять миллионов долларов, что составляет, по при-

знанию американской прессы, почти восемьдесят процентов всех бюджетных расходов страны.

В связи с оснащением американской армии ракетным оружием и баллистическими снарядами, а также созданием новых видов вооружений, военные расходы в Америке растут не по дням, а по часам. За некоторые виды современных бомбардировщиков, например, американское правительство платит сейчас столько, сколько весили бы эти бомбардировщики, если бы они были сделаны из чистого золота!

Бешеная гонка вооружений, которая ведется в Соединенных Штатах под шумок демагогических речей о мире американского представителя в ООН мистера Лоджа, ложатся тяжелым бременем на плечи американского народа, который, как и всякий другой народ нашей планеты, не хочет и не может хотеть войны, как ее хотят авантюристы из Пентагона и короли Уолл-стрита, наживающие на военных заказах миллиардные барыши.

Все это — истина. Но нам было грустно видеть в Америке, как иные из простых ее граждан, одурманенных антисоветской пропагандой злобствующих сторонников продолжения «холодной войны», хмуро отмалчивались, когда мы пытались поговорить с ними по душам об этом.

Не ахти как светло было у нас на душе и после посещения оригинального небоскреба на берегу Ист-ривер — дворца ООН. Он воздвигался и украшался руками многих народов земного шара, как символ мира. Однако есть еще в Америке силы, которые стремятся превратить это полное глубокого гуманного смысла общечеловеческое творение в Вавилонскую башню рухнувших однажды в пропасть людских надежд...

Тепло распрощавшись у подъезда здания ООН с нашим юным любезным гидом — девятнадцатилетней русской девушкой без отечества, мы подарили ей наш сувенир. Шестерку — одна в другой мал мала меньше — наших русских ярко раскрашенных матрешек.

Вспыхнув, как маков цвет, Наташа в очень сбивчивых от непритворного волнения запальчивых выражениях долго благодарила нас за подарок. А когда мы, усевшись в автомобили, тронулись в дальнейший путь, направляясь на этот раз в нью-йоркскую гавань, девушка — это было уже совсем на манер иных экспансивных американок — послала нам вслед на прощанье воздушный поцелуй!

Час спустя мы, покинув шумную, разноплеменно-многоязычную нью-йоркскую гавань, отправились на белоснежном туристском судне «Никкер Боккер» в созерцательное плавание по Гудзону.

Был в разгаре уже жаркий солнечный полдень. Над скалистым скопищем небоскребов Нью-Йорка, над голубовато-изумрудным заливом пылало голубым пламенем бездонно-высокое, словно отражавшееся в зеркальном космосе самого океана, знойное небо. Стаи чаек, купаясь в потоках света, провожали наш пароход в глубь залива.

Пассажиров на нашем судне оказалось немного. Десять два американцев. И немногим больше французов и англичан — туристов из Европы. Было тут и два семейства негров с детьми, отчужденно державшихся от тех и других в сторонке у левого борта палубы, не защищенной от палящего солнца.

Оглядевшись, мы облюбовали для себя довольно уединенное укромное место на корме палубы, усевшись компанией под тентом в удобные плетеные кресла.

Мистер Паркс, сопровождавший нас в этой прогулке, пристроился рядом с нами. Он, как наш гид, приготовился к привычной своей работе: рассказывать нам о тех или иных достопримечательностях, попадавшихся на нашем водном пути в его или наше поле зрения, и отвечать на наши вопросы.

— Мы пройдем, господа, по Гудзону под восемнадцатью цепными мостами. И в том числе — под знаменитым Бруклинским мостом — чудом инженерного сооружения Америки. Вы увидите со стороны залива грандиозную панораму небоскребов Манхэттена. И я смею заверить вас, будете потрясены их величием! — объявил нам для начала торжественным голосом мистер Паркс.

— Ну-ну. Давай. Поглядим... — довольно равнодушным тоном пробормотал Иракий Чхиквишвили, всегда подчеркнуто-иронически относившийся к любому слову не в меру прославлявшего все американское мистера Паркса. Но, впрочем, тут же с оживленной заинтересованностью он вдруг спросил у гида: — А что это за флотилия кораблей красуется вон там, на другом берегу Гудзона?

Мистер Паркс сделал вид, что он не сразу разглядел рельефные контуры кораблей, неподвижно маячив-

ших на далеком противоположном берегу широкой реки, подернутой призрачной знойной дымкой.

— Ах, это вот там? Однако у вас хорошее зрение, сэр!..— промолвил с плохо скрытым ехидством гид, косясь на Ираклия.— Это, господа, суда «Либерти», которыми во время второй мировой войны Соединенные Штаты одадживали своих союзников по ленд-лизу.

— Каково же их назначение теперь?

— Вот уже несколько лет они неподвижно стоят на причале. А в их трюмах хранятся продовольственные излишки Америки.

— Продовольственные излишки? И — много?

— Не могу знать, сэр.. Америка — богатая страна. Не бедна она, стало быть, и такими излишками...

— Для кого же берегутся эти излишки?

— Просто, видимо, правительство пока не знает, куда их девать.

— Недогадливое же у вас правительство, мистер Паркс!

— Допустим... А что бы вы предложили!

— Раздать эти излишки семьям четырех миллионов безработных Америки.

— Извините, сэр. Такого количества безработных у нас в Америке нет. Это пропаганда!

— Извините, мистер Паркс,— энергично вмешался в разговор наш знаток английского языка, редактор литовской республиканской газеты Генрих Зиманас.— Таковую цифру безработных в Соединенных Штатах публично называют ваши экономисты. Вот видите у меня в руках книгу? Она издана в Нью-Йорке. И называется «Сборник фактов о труде в США». Издание так называемой Рабочей исследовательской ассоциации Америки. И вот здесь, извольте взглянуть вот на эту страницу, тут черным по белому прямо сказано, что на протяжении 1958—1959 годов, согласно официальным подсчетам, число полностью безработных в Америке ни разу не опускалось ниже четырех миллионов, а в отдельные периоды оно достигало и шести миллионов. Таковы документальные данные об американской безработице. Что вы можете возразить против этого, мистер Паркс?

— Не всякая книга — документ,— хмуро отговорился Паркс.

— Хорошо. В таком случае я позволю себе сослаться

— С русскими матерями
мы всегда найдем общий язык!

— А мне холодное пиво кри-
вится больше, чем «холодная»
война!

— Я не отдам своих детей атомной бомбе!

— Русских я встречал на Эlobe. Это настоящие парни.

— Я, сами понимаете, не коммунист. Но почему бы нам не торговать с Россией? Ведь это отличный бизнес!

— Передайте привет Хрущеву!

еще на один пример,— продолжал наступать на гида Генрих Зиманас.— Вот вы прожужжали нам уши о высоком жизненном уровне так называемого среднего американца. Но кто он по-вашему этот «средний американец»?

— Рабочий, фермер. Рядовой служащий...

— Сегодня утром в нашем отеле я купил номер газеты «Вашингтон пост энд таймс геральд»,— сказал Генрих Зиманас, разворачивая газету.— И представьте себе, вот что я читаю в редакционной ее статье. Послушайте.

И Генрих Зиманас, прочитав абзац из этой статьи по-английски, затем перевел его и по-русски.

«Так много было сказано и написано об американском процветании,— писала эта газета,— что почти повсеместно как у нас в Соединенных Штатах, так и за рубежом,— многие полагают, будто каждый американец имеет двухэтажный дом, роскошный автомобиль, что он сыт, одет и пользуется медицинским обслуживанием. Однако многочисленные факты свидетельствуют о том, что очень много людей, занятых физическим трудом, не имеют даже представления обо всех этих материальных благах, о здравоохранении и отдыхе.

Кто же эти люди? — спрашивает далее газета.— Кто эти люди, которые не фигурируют ни в одной нашей кинокартине, ни в одном журнале, освещающем жизнь в Соединенных Штатах Америки? Это — рабочие. Это — мелкие фермеры. Словом, это — все те простые люди Америки, которые своим трудом создают материальные блага — национальное богатство страны».

— О чем это говорит? — спросил затем Генрих Зиманас Паркса, процитировав эти строки газеты.

— О том самом, господа, что в Америке можно писать все, что угодно. У нас — свобода! — заносчиво отозвался Паркс.

— Позвольте.— Вот вы, мистер Паркс, относите к числу этих самых «средних американцев» и заводского рабочего. Говорят, еженедельный заработок такого рабочего — девяносто долларов. Это верно?

— Да, это так. Примерно, девяносто — сто долларов.

— Вы что-нибудь слышали про комитет Геллера?

— Да. Есть такой исследовательский комитет у нас при Калифорнийском университете в Сан-Франциско.

— Вы знаете, чем занимается этот комитет?

— Знаю. Он ежегодно рассчитывает бюджет для аме-

рианской семьи в составе четырех человек — мужа, жены при двоих их детях: тринадцатилетнего мальчика и восьмилетней девочки. Такой бюджет Геллера считается у нас в Америке стандартным для всей страны. Он обеспечивает скромный уровень жизни для здорового существования, — категорично заявил мистер Паркс.

— Ясно, — удовлетворенно откликнулся на это Валентин Гольцев. — Но вот я читал в «Нью-Йорк таймс» на днях, что «бюджет Геллера» в августе этого года составлял шесть тысяч восемьдесят семь долларов в год. Это — сто семнадцать долларов в неделю. Так? Тогда как же будет сводить концы с концами такой «средний американец», как заводской рабочий при его стодолларовом заработке в неделю? Выходит, что заработок рабочего намного отстает от прожиточного минимума, предусмотренного комитетом Геллера?

— Бюджет Геллера — стандарт. Но не все в Америке семьи такого рода живут по стандарту, разработанному экономистами из Калифорнийского университета... — попробовал прикрыться туманной отговоркой мистер Паркс.

— В таком случае я вынужден вновь сослаться на «Сборник фактов», — сказал Генрих Зиманас, листая в руках книжку американского издания. — Вот здесь опубликован обзор американской компании «Пикон публ-кейшн»: В этом обзоре говорится о том, что бюджет семьи американца, зарабатывающего даже свыше ста долларов в неделю, не позволяет ему сводить концы с концами. На налог и квартирную плату, говорится тут, уходит пятьдесят долларов сорок центов. На транспорт — десять долларов. Это уже шестьдесят процентов бюджета. Львиная доля остающейся суммы идет на питание. А как быть с другими расходами?

— Расход, как везде — по доходу. Смотри, о каких расходах речь, — флегматично заметил Паркс.

— Проявите терпение. Здесь дальше все рассчитано. На приобретение, например, одежды такая семья может истратить не более шести с половиной долларов в неделю. На лечение — четыре с половиной доллара. Четыре доллара пятнадцать центов — на различные развлечения. И шесть долларов — на все остальное. Таким образом, выходит, что эта «процветающая» семья, чтобы купить мужской костюм среднего качества, стоящий сорок шесть

долларов, должна копить на него деньги в течение двух месяцев. Разве это не убедительно, мистер Паркс?!

— Для меня убедительнее всего вот все это! — заносчиво проговорил он, обращая наше внимание на панораму взмывших к огненно-голубому небу небоскребов Манхэттена.

Ясно!

Со стороны залива скопище этих небоскребов выглядело теперь более внушительным и грандиозным, чем с воздуха, когда мы впервые увидели Нью-Йорк, подлетая к нему, с борта американского воздушного лайнера. Нет, что там ни говори, но эти гранитные сверкающие в лучах жаркого солнца прямоугольные башни, точно вставшие над бирюзовой водой прямо со дна залива, — зрелище необычное, впечатляющее.

Мы долго, словно загипнотизированные, смотрим не отрывая глаз на эти скалистые гребни и пики.

И мистер Паркс, заметив, что мы поглощены этим непривычно для нас броским зрелищем, тщеславно восклицает, потирая руки:

— Вот, господа, что такое Америка! Колоссально?!

— Ол райт. Внушительно...

— Страна самого большого богатства в мире. Это — факт?

— Факт.

— Страна самого высокого в мире жизненного уровня. Это тоже факт, господа?

— Тоже факт.

— По размеру продукции, падающей в среднем на душу населения, Соединенные Штаты стоят на первом месте. В сельском хозяйстве наша душевая норма выше вашей, господа, ровно наполовину.

— Немного преувеличили, мистер Паркс. Если говорить точнее, — на сорок процентов, — деликатно поправил его Ираклий Чхиквишвили.

— А в промышленности у нас эта душевая норма выше вашей в два с лишним раза. Вы и против этого станете возражать, господа? — с вызовом спросил Паркс, переключаясь из оборонного тона в наступательный.

— Нет. Не возразим. Америка действительно богата. В противном случае зачем бы нам ее догонять?

— А вы что же, всерьез, говоря между нами, рассчитываете догнать нас? — спросил с ехидной ухмылкой на

тонких бескровных губах гид, глядя на нас округленными стекловидно-студеными глазами.

— Весьма серьезно, говоря между нами. Догоним, сэр. В начале тридцатых годов мы отставали, например, по производству чугуна от Соединенных Штатов в десять раз. Теперь — только наполовину. Но к концу нашей семилетки догоним вас и по чугуну. А кое в чем, скажем вам доверительно, мы уже вас и сейчас перегнали, мистер Паркс!

— В запуске спутников? Тут вы сильны. В ракетостроении. И вообще в науке. В постановке образования в стране. Согласен. Но у нас — пятьдесят пять миллионов автомобилей, господа!

— Знаем. Это ваш сильный козырь. Но вот беда. Говорят, большинство американцев ездят на этих автомобилях в долг. Есть данные, что шестьдесят миллиардов долларов должны они за эти самые автомобили!

— Вполне возможно! На то у нас и широкий кредит во всем. В кредит в Америке можно купить все. Дом. Автомобиль. Телевизор. Холодильник. Стиральную машину. Механизированную кухню. И многие другие товары.

— Да, но продажей этих товаров в рассрочку вы превгли миллионы людей в неоплатный долг. Чем же станут расплачиваться за автомобили, телевизоры и холодильники, взятые в кредит, семьи, живущие по «бюджету Геллера», так называемые средние ваши американцы? Не станем говорить уже о людях, лишившихся работы, — им-то уж не до автомобилей и телевизоров! — веско заметил Николай Александрович Абалкин, как бы заключая тем самым эту вспыхнувшую на борту парохода между нами и нашим строптивым гидом очередную дискуссию.

Все вдруг умолкли. В это самое время наш пароход проходил мимо Элис-Айленда — «острова слез», на котором отбывают невеселый свой, иногда очень затяжной карантин иные малозадачливые искатели призрачного счастья за океаном.

Затем мы увидели в непосредственной близости монументальную, подернувшуюся зеленоватой плесенью статую Свободы с чадным ее светильником в простертой к небу руке. В тяжелой, ниспадающей с мужеподобных плеч гранитной тоге, увенчанная похжей на терновый

венец короной, равнодушно взирала она на окрестный мир окаменело бесстрастными, давно, видать, ко всему на свете привыкшими глазами...

От парного дыхания Атлантики воздух был горяч и влажен. Глаза ломило от обилия света, от сияния огненно-голубого неба, от бирюзовой, пронизанной солнечными лучами воды. Мимо нашего судна — и справа и слева по борту — сновали туда и сюда такие же белоснежные, как и наш, туристские пароходы с пассажирами на прикрытых тентами палубах. Стремительно пронеслись быстроходные катера, спортивные яхты, моторные лодки. Плыли, подталкиваемые буксирами, лесные плоты. Вдали, над нью-йоркской гаванью, забитой океанскими судами под флагами многих стран мира, видны были парящие над портом, стрекотавшие, как стрекозы, вертолеты — воздушные посты портовой нью-йоркской полиции.

После долгого молчания мистер Паркс, вспомнив, видно, о прямых своих обязанностях нашего гида, сказал:

— Прошу, господа, запомнить, что нью-йоркский порт — самый большой порт в мире. А через весь его рейд будет сооружен в скором времени гигантский висячий мост — тоже самый длинный мост на земном шаре!

Ну, конечно. В Америке все — самое большое. Или самое высокое. Или самое длинное. Как все здесь «проблема номер один». Безработица. Детская преступность. Гангстеризм. Высокие налоги. Трущобы. Негритянский вопрос. Инфляция. Все это — «проблемы номер один»!

Когда наш пароход, огибая Манхэттен, проходил под Бруклинским мостом на обратном пути в портовую гавань Нью-Йорка, к нам подошел высокий седоволосый человек, по внешнему облику — типичный американец.

— Я слышу русскую речь. Здесь можно присесть? Благодарю вас. Вы из России? Очень приятно встретиться. Очень приятно для меня поговорить на русском языке с русскими людьми из России,— небыстро заговорил он, произнося подчеркнуто правильно каждое слово по-русски.

Затем он тотчас представился нам. Рассуэл Фримэн. Инженер-экономист из Буффало. Служит в управлении сталелитейных заводов Дюпона. Сносным знанием русского языка более всего обязан своей супруге Марии

Муравьевой, русской по происхождению. Она — учительница русского языка в одном из колледжей Буффало. Впрочем, изучать русский язык он начал тоже еще сначала в колледже, а затем позднее — в Колумбийском университете. Тогда он, конечно, еще не думал, что придет такое время, когда изучение русского языка станет, как теперь, модным занятием в Америке. Ведь сейчас введено даже час русского языка по телевидению. И тысячи американцев ведут себя во время этих уроков, как весьма примерные во всех отношениях, старательные и прилежные школьники...

Он — участник второй мировой войны. Служил в чине лейтенанта американской морской пехоты. Встречался на Эльбе с офицерами и солдатами великой русской армии. О, замечательный это народ — русские солдаты и офицеры! Широкая душа. Открытое сердце. Храбры. Великодушны. На всю жизнь сохранит он в душе самые теплые, светлые воспоминания об этой памятной своей встрече с русскими воинами на земле побежденной фашистской Германии!

Что мы можем сказать в общих чертах об Америке? О, он очень хорошо понимает нас. Страна, разумеется, очень противоречивая. Очень. Все — на кричащих контрастах. Неслыханное богатство и изобилие — это да. Но в трущобах жизнь на грани полного обнищания — это тоже одна из величайших социальных проблем американского государства, нации. Сенатор Дуглас не был голословным, когда утверждал, что в Америке имеются мужчины, женщины и дети, которые медленно умирают с голоду.

Да, он, Рассуэл Фримэн, знает такие семьи. Они есть и в рабочих кварталах Буффало — города сталелитейщиков, которые третью неделю бастуют сейчас, требуя повышения заработной платы. Конечно, помимо династии архимиллионеров материально живут хорошо и некоторые прочие работающие люди. Государственные служащие или преуспевающие фермеры, рабочие высокой квалификации или люди интеллектуального труда, ловкие бизнесмены или удачливые торговцы. Но и материальное благополучие всех этих людей нестойко. Оно катастрофически может рухнуть от любого экономического потрясения, которые неизбежны в этой стране.

Тут Рассуэл Фримэн процитировал нам в переводе на

русский язык один абзац из статьи известного американского публициста Рестона, опубликованной в «Нью-Йорк таймс». «В стране с невероятным личным ежегодным доходом в триста девяносто три миллиарда долларов,— писал Рестон,— все еще имеется тридцать два миллиона двести тысяч человек, живущих меньше чем на пятьдесят долларов в неделю с семьей в четыре человека. В эти тридцать два миллиона двести тысяч людей включена одна пятая детей нации и восемь миллионов человек старше шестидесяти пяти лет».

Такова, как говорится по-русски, обратная сторона золотой медали капитализма. Нет, он, Рассуэл Фримэн, не коммунист. Он очень далек от политики. Но он и не из тех его соотечественников, которые не любят говорить про неприглядную сторону этой золотой американской медали. Хотя он не меньше этих людей любит свою страну. И гордится многими деяниями американской нации. Превосходными автострадами и мостами. Высокой строительной техникой. Широким внедрением автоматизации в промышленности, в быту, в торговле. Блеском технической культуры. Изобретательностью в рекламном деле. Личным комфортом тех, у кого имеются для этого доллары. Знаменитым американским сервисом. Наконец, трудолюбием простых американских людей — создателей всего национального богатства Соединенных Штатов Америки.

Мистер Фримэн читал, что советский премьер Никита Хрущев собирается в Америку с открытой душой и сердцем. И мистер Фримэн верит в искренность мистера Хрущева — русского человека! Простой американский народ так же искренне рад этому историческому визиту главы Советского государства в Соединенные Штаты, где ему будет оказано, несомненно, самое радушное, самое широкое гостеприимство, которым отличаются все простые люди Америки к гостям их дома, а таким высоким гостям, как мистер Никита Хрущев,— в особенности!

— Кстати, не собираетесь ли вы, господа, побывать в нашем Буффало? — спросил нас мистер Фримэн.

— Да. После Чикаго в нашем маршруте — Буффало. Ниагарский водопад.

— О, очень хорошо. Ниагарский водопад — великое чудо света. Это — национальная святыня Америки. Наш народ совершает туда паломничество, как народы Азии

в Мекку... Я полагаю, что вы остановитесь в лучшем отеле Буффало — «Найагара»? Это всего в полумиле от нашей квартиры. Позвольте оставить вам мой телефон. Я запишу его на своей визитной карточке. Мы с женой были бы очень рады видеть своими гостями людей из России. Вы знаете, у нас даже есть настоящий русский самовар. Старый никелированный самовар. Весь в медалях. Из Тулы. Это — приданое моей жены. Семейная собственность ее родителей — выходцев из России. Приезжайте, господа, в Буффало. Мы будем пить у нас в доме настоящий цейлонский чай из настоящего русского самовара!

Все это время, пока словоохотливый и общительный Рассуэл Фримэн оживленно разговаривал с нами по-русски, мистер Паркс заметно нервничал. Углубясь для близиру в чтение какого-то американского произведения в глянцевиной обложке, он то и дело бросал на разговорчивого инженера из Буффало косые, недобрые взгляды. Было видно, что речи Фримэна нашему гиду не по нутру. А наши встречи с такими американцами, видимо, выходили за рамки программы нашего знакомства с Америкой и ее народом, — программы, разработанной госдепартаментом. И это не могло не раздражать мистера Паркса — официального представителя «Американ экспресс компани» и неофициального бдительного госдепартаментского ока над нами...

Однако помешать таким случайным нашим встречам с такого рода американцами было все же не в силах мистера Паркса. Узнав о том, что мы из Советской России, такие люди тотчас же охотно сами завязывали разговор с нами, не проявляя к нам при этом сколько-нибудь недружелюбного отношения. Наоборот. Все эти люди не только просто вежливы и любезны с нами, но и доверительно-откровенны, радушны. Чувствовалось, что не ради одного простого любопытства тянулись они к нам. Многие из них искали в этом общении большего — душевных контактов, взаимопонимания, простой человеческой дружбы.

И было очевидно, что мутные волны массивированной антисоветской пропаганды сторонников «холодной войны» далеко не всегда достигали прямой своей цели в Америке. Они не затмили, не погасили в душе простых, честных американских людей их живого интереса к на-

шей великой стране, их сердечных порывов к дружбе с нашим народом, их страстного желания жить в мире с нами.

Когда наше судно, возвращаясь из плавания по Гудзону, уже подходило к яркой, пестрой и шумной нью-йоркской гавани, к нам подошел капитан парохода Фрэнк Мартинас в сопровождении молодой белокурой американки Нормы Холлинг — гида американских туристов, ехавших вместе с нами.

Представившись нам, капитан сказал:

— Я был в России. В Архангельске. Это было в годы войны. Мы сопровождали в Архангельск наши суда с грузом, предназначенным для России по ленд-лизу. Я тогда служил в американском военном флоте. Мы были в то время с вами союзниками. Мы очень дружили с русскими моряками. Хорошие парни — русские ваши матросы!.. И с тех пор я всегда рад видеть у нас в Америке людей из России. Но, к сожалению, я вижу их очень редко. И вот когда нам с мисс Холлинг сказали, что на палубе нашего парохода находятся писатели и журналисты из России, нам захотелось пожать вам руки. Это — в знак нашей хорошей дружбы, господа, с Россией!

— А еще нам с мистером Мартинас охъен хотели сниймать на фотография всех нас с вами, господа из России! — неожиданно заговорила с нами по-русски белокурая Норма Холлинг.

— Мисс Холлинг знает русский язык?! Однако нам сегодня везет на американцев, говорящих по-русски! Это очень приятно.

— О, я знаю тоже одьин хороший маленький русский поэма, господа! — весело воскликнула просиявшая Норма Холлинг.

— Даже целую русскую поэму?! Наизусть?! Это уж совсем восхитительно, мисс Холлинг!

— Коньечно, наизуст, господа. Этот русский поэма я хорошо запомнила, когда училась в колледж.

— Может быть, вы прочтете ее нам, мисс Холлинг?

— О да, с удовольствий, господа! — сказала она, задорно сверкая бирюзовыми юными глазами. И тут же, не переводя дыхания, выпалила:

Чижик-пъижик, где ты был?
На Фонтанка водку пьлл.
Выпьлл рюмка, выпьлл два,
Закрутъилась колова!

Все мы тут дружно наградили Норму Холлинг за бесподобное исполнение ею этой «маленькой русской поэмы» не только горячими аплодисментами, но и нашими отечественными сувенирами, привезенными нами из далекой родной Москвы, — изящными, красочными русскими безделушками. Тут были все те же наши, приводившие американцев в восторг матрешки, расписные деревянные ложки, различные эмблемные значки. А Марина Бугаева, сняв с себя красивую брошку, прицепила ее к груди Нормы, и этим щедрым даром своим совсем уже потрясла сияющую от восторга юную американку.

Наши фотографы Генрих Зиманас и Марина Бугаева, чередуясь, сняли всю нашу группу в сообществе с капитаном Фрэнком Мартинасом и Нормой Холлинг на борту уже пришвартовавшегося к пирсу нью-йоркской гавани туристского судна. И, тепло распрощавшись с новыми нашими американскими друзьями этого дня, мы покинули порт в самом отличном расположении духа.

И капитан Фрэнк Мартинас и юная Норма Холлинг, пленившая нас не только знанием русского языка, а еще вдобавок и «маленькой русской поэмы», — оба они, стоя рядом на палубе своего судна, долго приветливо махали нам вслед руками. А Норма Холлинг, конечно, посылала нам свои воздушные поцелуи.

Самый старший из нас по возрасту — Виктор Осипович Перцов, не преминул в шутку заметить при этом:

— Полагаю, что воздушные поцелуи прелестной Нормы относятся не ко всем нам, дорогие мои товарищи!

— А к кому же из нас, вы думаете, персонально? — с тревогой спросил пожилого профессора доктор литературоведения критик Владимир Владимирович Ермилов — коллега В. О. Перцова, почти равный ему по возрасту.

— Ну, разумеется, к самому молодому и самому красивому из мужчин нашей группы — Ираклию Чхиквишвили. Как вы думаете, друзья? — спросил нас В. О. Перцов.

И все мы, скрепя сердце, вынуждены были признать:

— Факт — Ираклию...

— Наверняка ему...

— Определенно ему, понимаешь!

И это несколько развеселило тут даже до сих пор

мрачно отмалчивающегося мистера Паркса. Заметно оживясь, он сказал:

— А что, господа, мистеру Чхиквишвили при его внешних данных — прямая дорога в Голливуд у нас в Америке!

— Сколько дадите? — деловито, без намека на шутку, осведомился Ираклий.

— Наедине с вами мы могли бы договориться, сэр, — не поймешь в шутку или всерьез, быстро ответил Паркс.

— Только учтите — я дорого запрошу! — строго, почти угрожающе сказал Ираклий.

— Понимаю вас, сэр. Но в Голливуде умеют ценить фотогеничные лица... — многозначительно произнес мистер Паркс, видимо, уже вовсе не в шутку надеясь в душе, что из такого разговора, если его повести в иной обстановке наиболее умело и тонко, может, и выйдет толк.

Глубоко убежденный в том, что на свете все продается и покупается за узкие зеленоватые бумажки долларов, растленный моралью капитализма гид без родины не понимал, что над ним издеваются, чем и доставлял нам всем немалое в таких случаях удовольствие!

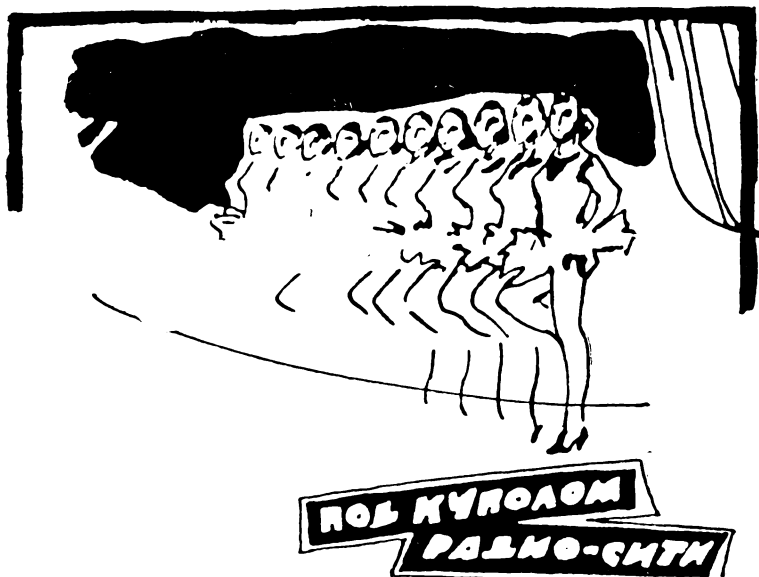
— Ол райт, мистер Паркс. Мы еще с вами об этом поговорим на досуге... — пообещал ему в заключение вкрадчивой скороговоркой Ираклий, когда мы рассаживались по автомобилям, возвращаясь с прогулки по Гудзону в отель.

Паркс сел в другую машину. И когда мы остались в нашем автомобиле одни, Ираклий сказал:

— А все-таки я как-нибудь разыграю, ребята, при вас эту шкуру. Поторгуюсь с ним. А потом — без свидетелей с его стороны — в морду!

— Не вздумай связываться. Ведь шкура-то эта к тому же паршивая. Паркс по-литовски — паршивый. Поэтому я с особым всегда удовольствием и произношу его фамилию, — сказал наш степенный литовец Генрих Зиманас.

С тех пор и мы все вслед за Генрихом Зиманасом с таким же подчеркнутым удовольствием произносили имя нашего гида — мистера Паркса!

Вечером после очень приятной памятной для всех нас паровой прогулки по Гудзону и Ист-ривер мы попали, что называется, с корабля на бал — в мюзик-холл знаменитого Радио-сити. Нам предстояло посмотреть «шоу» — характернейшее эстрадное зрелище, названное в громадной красочной афише «национальным американским представлением».

По пылкому утверждению многих не в меру наивных в своем тщеславии, приученных все мерять на свой аршин американцев Радио-сити — это самый, конечно, большой, самый роскошный и самый, разумеется, знаменитый театр в мире, театр, расположенный на Рокфеллер-плас. Скопище гигантских окрестных зданий из гранита, дюрала, стекла и стали безраздельно принадлежат здесь только одному своему равному и всевластному человеку — губернатору штата Нью-Йорк миллиардеру Рокфеллеру.

Откуда в цепких руках этого, некоронованного властителя Америки взялось такое неслыханное богатство, чуть не равное национальным доходам всей Канады? Ответ на этот вопрос можно найти, в частности, в книге известного американского публициста Харвея О'Коннора — «Империя нефти». Рассказывая в этой книге о нефтяной промышленности Соединенных Штатов, Харвей О'Коннор посвящает основателю этой «империи» Джону Рокфеллеру следующие строки:

«Все соперники Джона Рокфеллера либо покупались им, либо он разорял их. Официальные лица и лица, связанные с законом, точно так же были или закуплены им или разорены. Джон Рокфеллер был именно так жесток и безжалостен, как его рисуют самые непримиримые его враги — конкуренты. В то же самое время он умел, однако, ценить содружество и он не был одиноким волком, а вожаком хищной волчьей стаи. Как правило, Джон Рокфеллер предлагал обычно своему возможному сопернику свою цену, а если тот не принимал этой цены, требуя большего, Джон Рокфеллер безжалостно разорял его. Но были и такие соперники, купленные Рокфеллером, которые, войдя в подвластную ему «империю» на правах крупных держателей ее акций, стремительно богатели потом так, как они и мечтать бы не смели, если бы оставались владельцами былых своих мелких компаний».

Таков облик вожака волчьей стаи в нефтяной «империи» Америки — Джона Рокфеллера, наградившего династию Рокфеллеров-младших богатством, воплощенным в небоскребах Рокфеллер-плас.

В этих скалистых пиках Рокфеллер-центра — города в городе, как и в гранитных башнях Уолл-стрита, никто не живет. Сооружаются все эти небоскребы вовсе не для ликвидации невероятного огромного жилищного кризиса в Нью-Йорке, как и во всей Америке, а сдаются они их владельцами не под жилье — под конторы. Это — выгоднее. Между тем рядом с Рокфеллер-центром ютится немало старых, невзрачных, пришедших в ветхость домов, в которых живут люди. Нам говорили, что владельцы таких старых домов в Нью-Йорке перестали в последние годы ремонтировать их, выжидая подходящего случая, когда дома эти можно будет продать на слом или под площадку для нового небоскреба, или под место для платной стоянки автомобилей. В обоих случаях владелец

такого проданного на снос дома получит неизмеримо больше дохода, учитывая, что стоимость одного квадратного метра земли в центре этого исполинского города перевалила уже в наши дни за сорок тысяч долларов!

Понаслышке мы уже кое-что знали и прежде о Радио-сити — грандиозном и фешенебельном нью-йоркском театре, храме техники и искусства. Так, по крайней мере, величают его все красочные заокеанские проспекты и путеводители. Вот почему все мы с девятью моими соотечественниками весьма и весьма охотно, с непритворно живым интересом приняли приглашение администрации Радио-сити посетить их знаменитый театр.

Нам хотелось увидеть не только само «уникальное», как тростили нам все время американцы, здание оригинального небоскреба, этого «самого громадного на земном шаре театра», посмотреть на неслыханную, как уверяли нас в один голос те же американцы, роскошь его внутреннего убранства, но главное — увидеть своими глазами, что же представляет из себя то «национальное американское представление — шоу», о котором говорилось в красочной театральной афише.

И вот, очутившись в седьмом часу жаркого августовского вечера в преддверии этого театрального небоскреба на Рокфеллер-плас, и не имея еще пока никакого понятия о программе «шоу», которую нам предстояло увидеть в этом театре, мы тотчас же, как говорится, прямо с ходу были поражены, огорошены, ошарашены монументальностью здания, а затем — масштабностью и крикливой парадностью лестничных его маршей и фойе — огромных, утопающих в роскоши залов стометровой высоты!

Здесь все норовило сразить, ошеломить вас неправдоподобной объемностью, броским великолепием убранства, расточительством и весомостью. Стадцатипятипудовые хрустальные люстры под потолками, покрытыми листами червонного золота, и пышные, как атлантические закаты, нейлоновые ковры на полу. Небоскребообразные зеркала в обрамлении тяжелых парчовых портьер и нарядный зрительный зал с ярусами шести с половиной тысяч обитых бархатом кресел.

Нас пригласили в этот вместительный роскошный зал во время короткого перерыва программного представления, которое изо дня в день продолжается здесь с утра

до полуночи. Сидя вразвалку в широких удобных креслах американские зрители вели себя в этом храме «Желтого идола» довольно непринужденно — как дома или в каком-нибудь изысканном кабаре, малодоступном для прочей, потусторонней, публики. Они дружно дымили дорогими гаванскими сигарами, пеньковыми трубками и сигаретами, бросая погашенные о подошвы своих ботинок окурки на нейлоновые ковры под креслами. Многие расторопно работали челюстями, пережевывая тягучую и липкую отечественную резину.

В зале вибрировал глухой гул людской речи, напоминавшей о ропоте волн шумящего в ночи океанского прилива. Мой сосед по креслу — седовласый, пышноусый американец, скорбно посвистывая ноздрями, видел, должно быть, уже далеко не первые сны. Присмотревшись к громадному залу, я заметил, что в плену томительных сновидений был не только один мой сосед. Клевали носами, а то и пускали с отвислых губ откровенные пузыри и некоторые из прочих нестойких зрителей. И вспомнив о том, что люди эти находятся здесь, возможно, с утра, я не очень удивился их, как будто бы и не совсем уместной под золотой кровлей такого дворца, апатии и сонливости...

А между тем неотвязный, всегда настороженно-бдительный и словоохотливый спутник наш мистер Паркс возбужденно говорил о необыкновенных достопримечательностях Радио-сити.

— Прошу обратить внимание на занавес, господа! — не переставал верещать в ушах металлический, голос мистера Паркса. — В его складках ловко припрятана электропроводка, которой управляет целая армия дюжина моторов. Все световое оформление театра контролируется автоматическими выключателями — их здесь свыше четырех тысяч штук. А вообще той электроэнергии, что расходует мюзик-холл, с избытком хватило бы для снабжения такого среднего городка у нас в Америке, как, скажем, Принстон.

— Техники тут много.

— А сцена — ахнете, господа! — не унимался пылкий наш проводник. — Во-первых, она колоссальна. На ней было где разгуляться феерическому ансамблю вашего Игоря Моисеева и русским волшебницам из «Березки»!..

— Большой был успех, говорят?

— О!.. Американцы походили с ума. В этом зале пылали тысячи зажигалок в знак салюта русским артистам. Моя мама плакала от восторга... Но я хотел бы закончить о сцене, господа. Несмотря на уникальные размеры этой крупнейшей в мире сценической площади, гидравлические подъемники шутя вращают, поднимают или же опускают ее на заданный уровень, как игрушку!..

— Все это — отлично. Но нам бы хотелось ахнуть не только от техники, но и от искусства...— мечтательно проговорил один из наших спутников.

— Если вы не станете, господа, судить об американском искусстве предвзято...— сказал с ехидной ухмылкой на бескровно-тонких губах мистер Паркс, нервозно заерзав при этом в кресле.

— Предвзято? О настоящем искусстве? Помилуй бог, мы — объективны!

— Вы — русские. А в России судят предвзято об искусстве Америки,— уже с заметным злобным упорством настаивал на своем русский по матери отщепенец с англо-саксонской фамилией.

— Но не наша ли страна открыла превосходного пианиста Вана Клиберна — сына Америки?! — резонно заметили мы тут малоучтивому, не по годам слабонервному нашему переводчику.

Легко взвинчиваемый мистер Паркс не нашелся сразу чем возразить на это. А тут как раз с величавой медлительностью разверзся перед нами гигантский вишневый занавес, царственно раскрывая не менее гигантскую, щедро залитую потоками ясного полуденного света сценическую площадку, на которой разместился уже среди частокола топиров большой симфонический оркестр.

Слитный, вибрирующий гул людской речи в зрительном зале заметно пошел на убыль. И только откуда-то снизу доносился сюда, в полутемный зал небоскреба на Рокфеллер-плас, глуховатый рокот бурлящих уличных потоков вечернего Нью-Йорка. И рокот этот тоже напоминал об угрюмо шумящем в ночной дали океанском приливе, о вечном движении скитальческих зыбких волн.

Но вот наконец все как будто затихло. И после магического рывка дирижерской палочки хлынули вал за валом из раструба сценической раковины в зрительный зал новые светлые волны патетически-страстных, тре-

петных, искрящихся, как дорогое вино в хрустальных бокалах при свечном мерцании, жизнеутверждающе-бурных звуков концерта для фортепиано с оркестром Сергея Рахманинова!

Не один раз слышал я этот окрыляющий душу концерт у себя на родине. Слыхивал в блестящем исполнении превосходных наших отечественных симфонических оркестров и солировавших в них прославленных пианистов — моих соотечественников, имена которых ведомы всему миру. Но с особым душевным взлетом, с тревожно и радостно бьющимся сердцем вслушивался я в это, глубоко-национальное наше, русское, произведение великого сына России там, на чужбине, за тридцать земель от родной земли, под золотой кровлей роскошного театрального дворца Радио-сити!

И слушая этот страстный рахманиновский гимн жизни, я не мог в эти минуты не помнить о знаменательной встрече с верным другом Сергея Рахманинова, двоюродной сестрой его Софьей Алексеевной Рахманиновой, — встрече, которая произошла у нас накануне в отеле «Говерно Клинтон». Меня познакомил с Софьей Алексеевной Валентин Петрович Гольцев, привезший супруге знаменитого композитора дружеское письмо от одной старейшей советской писательницы из Москвы. Это было письмо от женщины, в далекой юности близко знавшей Сергея Рахманинова, преклонявшей перед его именем со времен девической пылкости до стойкого душевного равновесия в старости, увенчанной теперь серебряной короной давным-давно поседевших волос...

И вот я в гольцевском номере нью-йоркского отеля увидел пожилую женщину с ясными, живыми глазами. В старомодной соломенной шляпе, в скромном — под русский ситец — платье в горошинку, перехваченном в неполной талии узким, потускневшим лакированным кушачком, она напомнила мне Марию Павловну Чехову, которую видел я однажды в белом ялтинском доме брата ее — великого русского писателя. А впрочем, может быть, она, при первом знакомстве на мгновение воскресила в памяти и какой-то иной, чисто чеховский женский образ... Во всяком случае в облике этой далеко уже не молодой женщины было столько характерных самобытно-русских черт, что она не могла затеряться в пото-

ках стандартных американок на нью-йоркских улицах, не выдав своей ярко выраженной национальности!

По словам Софьи Алексеевны очутилась за океаном девочкой, еще накануне мировой войны. Потом, позднее, став женой Сергея Рахманинова, она осталась верным другом ему и помощником на протяжении всей его многолетней, сложной творческой жизни вдаль от свято чтимой обеими ими России.

— Судьбе угодно было, чтобы вся моя сознательная жизнь протекла в Америке. Но сердцем я осталась навеки в России. Так и Сергей... Мы оба мечтали всю жизнь воротиться когда-нибудь на нашу родину. Не сбылось... А теперь — не мне покидать его могилу в чужой земле! — говорила скорбно вздыхавшая старая женщина на чистом, певучем московском наречии. И было очевидно, что долголетняя жизнь на чужбине не погасила, не вытравила в открытой душе российской аристократки ее впитанной с молоком деревенской кормилицы врожденной любви к великому русскому языку!

— Как же сейчас относятся в Америке к музыке Рахманинова? — спросил я супругу композитора.

— Лучше, чем при жизни Сергея Васильевича... Популярность его теперь велика не только в России, но и здесь — за океаном. Неверно полагать, будто у американцев есть только рок-н-ролл. Здесь много людей, умеющих понимать и ценить и великую симфоническую музыку. И в этом лучше всего убедитесь вы по приезде в Филадельфию — самый музыкальный город Америки! — последовал убежденный ответ нашей собеседницы.

Про многое припомнили, о многом переговорили мы за эту памятную встречу в нью-йоркском отеле с Софьей Алексеевной Рахманиновой. И немало волнующих подробностей было ею рассказано нам из творческой жизни блестящего русского пианиста и композитора. О Федоре Ивановиче Шаляпине — близком друге рахманиновской семьи. Об одаренном шаляпинском сыне — художнике, ныне проживающем в Нью-Йорке. О внуке гениального русского артиста, поразительно похожем на деда, девятилетнем русском богатыренке — Федьке Шаляпине!...

Но больше всего смутил сердце, задел за душу рассказ Софьи Алексеевны о последних днях жизни Сергея

Рахманинова. Мне же теперь осталось только пересказать эту недолгую печальную повесть, как сумею, своими словами.

Уже смертельно больной и хорошо знавший, что дни его сочтены, поехал Сергей Рахманинов навестить, быть может, в последний раз, Филадельфию. С этим городом — центром интеллектуальной и музыкальной жизни Америки — у композитора было связано немало близких сердцу воспоминаний об активной в прошлом и сочинительской и исполнительской деятельности. В концертных залах этого города нередко звучала в изумительном исполнении Сергея Васильевича знаменитая его «Элегия», горькая и светлая, как журавлиный клекот в прозрачном осеннем небе, песня о прожитой на чужбине жизни...

Прибыв в Филадельфию, больной композитор, не желая попадаться на глаза всегда атаковавшим его репортерам, решил проникнуть в отель «Вениамин Франклин» через бар, минуя холл, где пронырливые филадельфийские газетчики подкарауливали со своими фотоаппаратами тех или иных знаменитостей. Войдя в бар, Рахманинов присел на минутку у стойки, спросив себе бокал легкого французского вина. Но не успев пригубить этого бокала, он заметил поодаль от себя фото-репортера, нацеливающего на него объектив своего аппарата. И тотчас же спохватившись, Сергей Васильевич мгновенно прикрыл свое лицо ладонью, своеобразно растопыренными длинными, упругими пальцами.

А наутро в одной из крупнейших филадельфийских газет появилась последняя в жизни композитора его фотография — фотография характерной рахманиновской руки, прикрывшей узкое страдальческое лицо. И фотография эта была снабжена бесцеремонной редакцией следующей столько же лаконичной, сколько и чисто по-американски циничной подписью: «Вот рука мистера Сергея Рахманинова, — гласил текст подписи, — которая могла бы зарабатывать миллионы!»

Что ж, все ясно. Для американских идолопоклонников доллара то была не рука великого русского артиста-творца, а всего-навсего лишь веер цепких пальцев преуспевающего в жизни бизнесмена!

Я не мог не вспомнить обо всем этом, слушая рахманиновский концерт в безупречном исполнении нью-йорк-

ского симфонического оркестра, звучавшего под золотым куполом мюзик-холла Радио-сити.

Оркестр был хорош. Исполнительская техника артистов его нас восхитила. И все мои спутники, к великому изумлению мистера Паркса, очень бурно и горячо — от всей порывистой русской души — долго рукоплескали отличным американским музыкантам, покоровшим нас великолепным исполнением замечательного произведения нашего соотечественника.

Но не успели мы прийти в себя от пережитого сложного чувства грусти и радости, близкой к восторгу, при столь неожиданной для нас встрече в этом театре с Рахманиновым, как вдруг вишневый занавес вновь разверзся, обнажая уже опустевшую сцену. И тут — для этого я уже иных слов не найду — началось черт знает что!

Дня за два до этого вечера мы познакомились на одном из приемов с Арнольдом Стангом — очень популярным комическим актером Америки. Этот тихий человек с грустными большими глазами и печальной улыбкой сильно напоминал молодого Чарли Чаплина и произвел на нас весьма приятное впечатление. Он был скромен до застенчивости, и одаренность его была для нас очевидной даже по этим, чисто внешним признакам незаурядного и не стандартного американца. Мы с Валентином Петровичем Гольцевым и Мариной Бугаевой охотно снялись на память с Арнольдом Стангом. И теперь, когда в мюзик-холле Радио-сити было сказано нам, что мы сейчас увидим пьесу с участием Арнольда Станга, мы были искренне обрадованы новой нашей встречей со знаменитым американским актером, увидев на этот раз его уже в роли — на сцене.

Представление началось. И прежде Арнольда Станга на сцене появилась длинноногая белокурая девица, не пожелавшая припрятать от дорогих зрителей небезгрешное свое тело, полуприкрытое прозрачной нейлоновой тканью. С разбегу брякнувшись плашмя на кушетку, эта евоподобная мисс, болтая задранными кверху ногами, понесла какую-то околесицу в трубку белого телефонного аппарата. Но тут на сцену пожаловал дядя атлетического сложения, с лицом не проспавшегося после ночных налетов и кутежей гангстера, с шикарным полотенцем через плечо, с засученными по локоть рукавами. Ни

слова не говоря, звероподобный дядя сгреб за ноги белокурую красавицу и принялся яростно массировать ее икры...

Мой сосед по креслу при этом проснулся и, как с печки упав, провопил, потирая руки:

— О'кей!

Тут со слов нашего переводчика мистера Паркса выяснилось, что малоодетая американская барышня исполняет по ходу пьесы роль голливудской кинозвезды, а атлетический дядя с замашками душегуба — должность придворного ее массажиста. Что же касается вздора, который несла в телефонную трубку покорная свирепому массажисту мисс, то монолог ее этот, судя по вялому переводу мистера Паркса, состоял из таких плосковатых острот, которые пока не очень смешили американских зрителей, а нашего брата и совсем довели до уныния... Впрочем, дело тут было, похоже, вовсе не в монологе стандартной голливудской красавицы, а в добросовестной работе свирепого массажиста, за расторопными движениями фук которого жадно следили совсем не слушавшие болтовни актрисы некоторые американцы!

Но вот наконец появился на сцене и Арнольд Станг. Он был в роли робкого репортера провинциальной газеты, прибывшего в Голливуд за интервью к прославленной киноактрисе. И еще не произнеся ни одного слова, а лишь через скупые характерные жесты, через внешнюю пришибленность и кротость начинающего провинциального журналиста, впервые очутившегося в апартаментах кинозвезды первой величины, — через все эти выразительные актерские средства Арнольд Станг сразу же показал себя талантливым комиком, вызвав тем самым не у одних у нас добрую улыбку и желание поаплодировать ему!

А между тем, как потом стало ясно, ничтожная, вздорная пьеска эта не стоила самобытного дарования большого артиста. И содержание ее укладывается в простое русское присловье: жили-были два гуся, — вот и сказка вся! Сумасбродная, как гангстерская пуля, кинозвезда, конечно, влюбляется с первого хищного взгляда в ошарашенного репортера Арнольда Станга. Вырвав свои ноги из цепких железных рук массажиста, она хватает в объятия обалдевшего от неожиданности

провинциального журналиста и в мгновение ока подминает его под себя, укладывая на обе лопатки.

Здесь пора бы, разумеется, и опуститься роскошному вишневому занавесу. Но хотя до занавеса от этой рискованной мизансцены по ходу пьесы было еще не близко, я прерву свой рассказ о дальнейшем развитии действия. Оно столь же банально, сколь и малоприсойно. Скажу только коротко о финале. Он завершился кулачным поединком между внезапно ворвавшимся на сцену прежним кумиром кинозвезды — богатырем подстать массажисту — и низкорослым, но ловким и вертким, как черт, репортером, которого, однако, более проворный соперник выбрасывает с помощью массажиста из небоскреба в распахнутое окно. За этот подвиг храбрый верзила был награжден градом поцелуев истерически-визгливой красавицы, и они, к удовольствию американских зрителей, поладили миром под занавес!

На этот раз у нас не поднялись руки аплодировать артистам. И было обидно за Арнольда Станга, вынужденного растрчивать незаурядное свое дарование, участвуя в подобном, бесконечно далеком от подлинного искусства спектакле, ничтожность которого особенно выделялась на фоне роскоши и масштабности грандиозного театра Радио-сити.

После такого безрадостного, раздражающего спектакля увидели мы на этой же чудо-сцене и тех сорок с лишним «герлс», которые необычайно пышно и ярко разрекламированы не только в одном Нью-Йорке, но и во всех прочих городах Америки. Поразили нас эти танцовщицы их стандартом, доведенным до грани циркового фокуса. Все они выглядели, как близнецы, и немислимо было, даже пристально присмотревшись к ним, отличить одну от другой. Белокурые, с одинаковыми прическами, одинаково сложенные и полураздетые, они, при неправдоподобном портретном сходстве их, походили на заводных кукол с фаянсово-синими глазами и механическими застывшими улыбками.

Таково было первое впечатление от внешности прославленных «герлс». Когда же они, сомкнув взаимно друг с дружкой крест-накрест оголенные руки, начали свой так называемый танец, то этим только усилили первое впечатление от их механичности. Даже и мало сведущему в балете зрителю трудно было принять

за танец автоматически-точные, размеренные движения этих хорошо натренированных режиссером прытких девиц, скорее похожих на цирковых акробатов, чем на тех восхитительных танцовщиц, о которых трубила на всю страну американская реклама. Все эти «герлс» — двоюродная родня одаренным представителям классического балета — очень синхронно с тактами музыки, ритмично раскачиваясь из стороны в сторону, ловко касались правыми ногами левых своих ушей и, наоборот, левыми — правых. В этом автоматически-лихом выбросе ног было много математического расчета и навыка, и очень мало грации, ощущения невесомости подлинных, легких на взлет танцовщиц, душевных порывов их к красоте, к поэзии!

Все это, сдавалось нам, понимал даже и мистер Паркс. В смущении признался он:

— Конечно, это не балет вашего Большого театра, господа, от которого недавно была в восхищении Америка. И, к сожалению, среди наших прелестных «герлс» нет пока Галины Улановой!..

Спорить на этот раз со строптивым слугой госдепартамента — нашим телохранителем, — вопреки нашему правилу, не приходилось. В акробатических упражнениях все эти стандартные американские красавицы были так же недосыгаемо далеки от вдохновенного мастерства Галины Улановой, как далека была от истинного творчества и искусства почти вся эта театрализованная программа мюзик-холла, увиденная нами под золотым куполом Радио-сити!

После автоматически-четких механических упражнений полураздетых девиц на сцену снова откуда-то из-под пола выплыли музыканты. На этот раз уже нечто вроде джазового оркестра. Бросался в глаза свирепокий, прыткий дирижер. Дирижуя своим шумным оркестром, он так метался перед музыкантами из стороны в сторону, размахивая своей дирижерской палочкой, точно готов был переколотить их всех на глазах у шеститысячных, довольно-таки равнодушных к их музыке зрителей.

Оркестр под управлением этого агрессивного дирижера исполнил «Негритянскую рапсодию». В бурном звучании синкопических, порой очень четко-ритмичных

звуков угадывались характерные мелодии скорбных, хватавших за душу негритянских народных песен.

Когда же музыканты, исполнив свой номер, медленно опустились вместе с воинственным своим дирижером в разверзнувшуюся перед ними преисподнюю огромной сцены, мистер Паркс сказал:

— Приготовиться, господа, к гвоздю программы. Сейчас вы увидите шедевры мировой живописи!

— Что, подлинники?

— О, разумеется!

— Откуда же они попали в Радио-сити?

— Взятые напрокат из Музея современного искусства в Нью-Йорке, из Института искусства в Минеаполисе и из Национальной галереи в Вашингтоне. Так сказано в программе.

Сначала мы увидели панно «Мадонна с младенцем» и услышали негромкий голос радиокомментатора:

— Леди и джентльмены! Это — произведение неизвестного византийского художника. Оно создано безымянным живописцем тысяча двести лет тому назад. Собственность Национальной галереи в Вашингтоне.

Затем были показаны полотна итальянской и голландской живописи. И в завершение всего этого необыкновенного вернисажа — абстрактное полотно Пикассо. Картина так и называлась — «Абстракция».

Демонстрация произведений византийской, французской, голландской живописи сопровождалась музыкой незримого симфонического оркестра и фривольными танцами герлс — танянок с экзотически красочными набедренниками на обнаженных телах.

«Абстракция» Пикассо сопровождалась диалогом двух молодых людей. Один из них, стремясь выяснить, что же в конце концов изображает эта картина французского художника, допытывался:

— Сэр, тут есть какое-то содержание?

— Говорить о содержании искусства — значит лаять не на те ворота! — следовал лаконичный ответ.

После всего этого мы спросили мистера Паркса:

— В программе сказано, что «шоу» в Радио-сити — национальное американское представление?

— О да. Разумеется!

— Но музыка здесь звучала главным образом русская и французская. Живопись была представлена тоже

западноевропейскими мастерами. Что же в этом «шоу» глубоко-национального, американского?

— А оформление сцены?! А световые эффекты?! А костюмы?! — заносчиво повысил голос мистер Паркс.

— Костюмы? Вы имеете в виду набедренные повязки таитянок?

— Что ж, это экзотика, господа!..

— Но мы говорим о содержании, а не о форме, мистер Паркс.

— Однако форма-то в «шоу» все же чисто американская. Это вы признаете?

Форма — да. Американская. Но национального искусства мы в этой программе, говоря откровенно, почти не заметили.

— У вас предубежденная точка зрения. Вы не хотите по достоинству оценить даже великолепной акустики этого несравненного зала Радио-сити, — сказал обидчивым тоном мистер Паркс.

— Неправда. Акустику мы оценили. Она превосходна. Но мы с вами говорим совершенно о разных вещах, мистер Паркс.

— У нас с вами разный язык, господа. Разное поле зрения. Разные вкусы... А если уж вам угодно увидеть в этом «шоу» нечто чисто американское, национальное, то сейчас вы это увидите, — заявил нам гид, кивая в сторону сцены.

Мы насторожились.

Под золотым куполом Радио-сити начал медленно меркнуть шафранный рассеянный свет. Полилась очень мелодичная, очень тихая, завораживающая музыка.

И тут мы увидели широкоэкранный цветной фильм — «Погоня во мраке». То был действительно типичный американский боевик с междуусобным мордобитием каких-то ресторанных шалопаев-кутил и гангстерским ограблением банка, с кровопролитиями в будуарах неверной миллиардерши и с ужасными, превосходно, впрочем, снятыми автомобильными катастрофами на превосходных американских дорогах...

Оглушенные взрывами, пистолетной пальбой и воем сирен полицейских автомобилей прославлявшего гангстеризм кинофильма, мы охотно покинули в первом часу пополудни театральный небоскреб на Рокфеллер-плас — уникальный дворец или храм, где действительно было

много великолепной техники и неслыханной роскоши внутреннего убранства гигантского зрительного зала и огромных фойе. Но при всем этом так ничтожно мало было там главного — искусства, и тем более искусства национального, американского!

На другой день мы побывали в синераме на Таймс-сквер. Как и в театральном дворце Радио-сити, вестибюль синерамы устлан мягкими — тонет нога — нейлоновыми коврами темно-вишневого цвета. Стены тоже такой же темновато-красной окраски. Здесь, как во всех прочих увеселительно-зрелищных заведениях Америки — в кабаре, в ресторанах, в барах, в холлах отелей, — мягкий свет, мелодичная тихая музыка радио, полумрак, столь очевидно, любимый американцами.

Шел приключенческо-видовой фильм «Под небом южных морей». И за полтора с небольшим часа мы успели побывать на многих экзотических островах Тихого океана, в Бразилии, в Новой Зеландии, в Австралии, на Гавайях.

Мы совершили это увлекательное путешествие, находясь на борту самолета или же на палубах кораблей, испытав при всем этом полное физическое ощущение полета и плавания по океану.

Перед нами раскрывались пейзажи — один красочнее и ярче другого. Мы впервые в жизни познакомились воочию с народами, населяющими далекие южные острова и материки, с их нравами и обычаями, культурой и бытом. Дух захватывало от необыкновенно яркого спортивного зрелища — состязания отважных гонщиков на водных лыжах, с бешеной скоростью мчавшихся к берегу на пенистых гребнях волн рокочущего океанского прибоя!

Пленили хоровые напевы гавайских девушек. Нельзя было наглядеться на самобытные темпераментные народные пляски ново-зеландцев, на загорелых австралийских ребятишек, резвящихся под жемчужными брызгами прибоя.

Технически безупречно сделанный, превосходно снятый операторами фильм этот имел бесспорно большую познавательную ценность. Несколько раздражала только его сквозная сюжетная линия — сердечные терзания

обворожительных красавиц из-за некоего не менее красивого джентльмена в форме морского офицера. Но эта чисто американская приправа — дань занимательности — к этнографически видовой картине отходила на задний план перед чудесными кадрами натуральных съемок природы, народных гуляний и празднеств жителей островов, затерянных в Атлантическом океане. И белокурые красавицы с морским офицером были нами тотчас же позабыты. Все же остальное, что было прекрасного в этом синерамном фильме, осталось в памяти, словно виденное не в кинематографе — наяву!

Мистер Паркс, приставленный к нам бдительным госдепартаментом в качестве нашего гида и переводчика от «Американ экспресс компании», нес свою довольно-таки хлопотливую и обременительную службу на таком высоком профессиональном уровне, что двойные его хозяева были, надо полагать, вполне им довольны. С изысканной предупредительностью и учливой любезностью встретил он нас у распахнутых перед советскими туристами парадных дверей Америки — в нью-йоркском отеле «Гouverнор Клинтон». И после первых же его слов нам тотчас стало ясно, что такой расторопный, тертый и настороженный проводник никогда, разумеется, не допустит, чтобы подопечные ему иностранные писатели и журналисты вдруг заглянули бы в сложную, противо-

речивую жизнь той обширной и богатой страны с черно-го, так сказать, ее хода...

Так оно и было до той поры, пока вскоре не надоумили нас и не помогли нам практически добрые люди уметь иногда, уловив случай, обходиться и без этого вездесущего шустрого проводника при нашем знакомстве с американским образом жизни. Сделать это, находясь под надзором зоркоокого нашего телохранителя и толмача, было не так уж легко и просто. Но, повторяю, с помощью добрых друзей, обретенных нами в Соединенных Штатах, нам удалось все же побывать урывками там, куда никогда не попали бы мы с госдепартаментским поведением.

Стойко сопровождая нас с утра до вечера в автомобильных наших разъездах и пеших прогулках по Нью-Йорку, мистер Паркс прожужжал нам все уши про высокий жизненный уровень всего, по категоричному его утверждению, американского народа. Он любил нам рассказывать трогательные сказки про демократичных и сердобольных миллионеров. Хвастался наличием автомобилей, холодильников и тому подобных вещей якобы в любой рядовой американской семье. Клятвенно заверял, что с неграми в Нью-Йорке американцы живут душа в душу, и ссылаясь при этом на тот факт, что известной негритянской певице Марион Андерсон дозволено петь на открытой площадке центрального нью-йоркского парка Хагар-сквера, а не только в Гарлеме!.. Он пересказывал нам заученные побаски про внезапно разбогатевших рабочих, ставших владельцами акций нефтяной компании «Техас» или автомобильных заводов Форда в Детройте. И вообще плел и плел без умолку всякие прочие присказки про земной рай под безмятежным приатлантическим небом.

Наигранно-оживленный и притворно словоохотливый гид натренированным, хорошо подвешанным языком говорил про достопримечательности Манхэттена — деловую часть Нью-Йорка, про Бруклин — жилой его центр с лихорадочно пульсирующими артериями недоступных для солнечных лучей улиц.

Гид болтал по служебной, казенной надобности, с усердием отрабатывая перед хозяевами сто своих долларов в неделю. А мы, хорошо зная цену его рассказам, себе на уме помалкивали. И без особого уже удивления,

заметил я, поглядывали мои соотечественники сквозь зеркальные стекла вместительных автомобилей. «Американ экспресс» на примелькавшиеся гранитные башни банков, контор и оффисов архимиллионеров. Не переставали только удивлять нас и нравиться нам — как не могли не удивлять и не нравиться огни Бродвея — небоскребы современной конструкции. Они покоряли воображение не только их грандиозностью, но и наглядным примером высокой строительной техники, доведенной до грани подлинного искусства. В строгом архитектурном облике этих оригинальных зданий воплощены были смелые творческие замыслы и расчеты одаренных американских зодчих, практически решенные при помощи золотых рабочих рук — главных творцов и создателей всего богатства современной Америки!

День уже был на исходе, когда мы, вдосталь надышавшись угарным чадом бензиновых паров, накружась в автомобилях, как на карусели, по бурлящим бруклинским улицам, увидели Пятую авеню. И вот мистер Паркс вдвойне оживился. Это была самая знаменитая после Бродвея улица в Нью-Йорке. Улица фешенебельных магазинов и жилых кварталов диктаторов с Уолл-стрит, роскошных квартир прославленных в прошлом, а быть может, и нынешних, королей гангстеризма, и дворцовых будуаров королей современного американского экрана.

Американцы называют Пятую авеню скользкой дорогой сбывшихся упований и рухнувших прахом надежд. Тому есть у них веские доказательства. Ибо им-то уж досконально известна вся мрачная хроника нередких самоубийств среди чем-нибудь да знаменитых обитателей этой улицы. Не держит в секрете нью-йоркская пресса и другие не менее угрюмые факты катастрофических падений некоторых некоронованных королей и малоустойчивых королей с головокружительных вершин Пятой авеню в зловеще бездонную пропасть Бауэри — величайшее в мире трущобное дно, прочно прижившееся по соседству с небоскребами Манхэттена.

Мы знали, что эта сверкающая зеркальными витринами и огнями неоновых реклам улица длиною в тридцать шесть километров проходит невдалеке от трущоб Бауэри. Взяв свое пышное начало с высот делового центра Нью-Йорка, она уходит по наклонной плоскости, неприметно спускаясь все ниже и ниже, к черным негри-

тянским кварталам города, прижавшимся к берегу невзрачной реки Гарлем. И зная об этом, мы, откровенно сказать, наивно думали, что разговорчивый и не в меру любезный наш проводник, уважив на этот раз давнишнее наше желание, доставит нас прямехонькой этой дорогой в район не очень жалуемых американцами темнокожих гарлемовских обитателей.

Но мистер Паркс, помалкивая про Гарлем, а тем более про Бауэри, восторженно тараторил про достопримечательности Пятой авеню:

— Прошу обратить внимание, господа, вот на этот дом справа. Здесь живет знаменитая королева экрана Мэрилин Монро. Запомните, у нее в квартире четырнадцать ванных комнат!

— Только-то?!

— Клянусь честью. Четырнадцать ванных комнат. Об этом вся Америка знает.

— Глупо. Зачем ей четырнадцать ванных комнат?

— А зачем понадобилось одному человеку пройтись на руках от Филадельфии до Вашингтона? — живо спросил в ответ мистер Паркс.

— Если такой случай был, то это, пожалуй, еще глупее...

— Странно, вы, кажется, опять мне не верите? Но этого парня теперь знает вся Америка. Зовут его Боб Бромли. После такой междугородней прогулки вниз головой парень этот, как говорится по-русски, вышел в люди. Он стал чертовски популярен. И теперь ежедневно выступает по тринадцатой программе нью-йоркского телевидения.

— Он что — актер?

— Нет, просто популярная личность... Он рекламируем в куплетах под переложенную для джаза музыку Брамса, или там Шуберта, виски «Кентукки», коктейль «Атомный гриб», мыло красоты «Шарлотта», зажигалки «Ронсон» или парижские духи «Шанель». Такой бизнес приносит Бобу по тысяче долларов от каждой фирмы в неделю. Ради этого стоило, черт возьми, парню прогуляться на ладонках, кверху ногами из Филадельфии в Вашингтон!.. А вы говорите: «Зачем ей четырнадцать ванных комнат?!» Реклама — вот зачем, господа! Если нас в Америке перестать говорить про товар, то его никакой дурак покупать не станет. Что там и как гово-

рять — это в конце концов даже не имеет значения. Лишь бы говорить и говорить. И лишь бы говорила популярная личность. Ясно вам, господа?

— Почти...

— Или вот еще один примечательный дом. Теперь — слева. В этом доме занимает двадцатикомнатную квартиру бывший король чикагских гангстеров мистер Кастело!

— Такому мистеру, на наш взгляд, более бы пристало занимать надежную одиночную камеру в Син-синге... — робко заметили мы нашему гиду.

— О, вы даже знаете, что у нас есть такая тюрьма?!

— Слышали...

— Впрочем, ничего удивительного. Син-синг — это же самая знаменитая тюрьма в Америке!

— И самая, конечно, большая в мире?

— Вполне возможно, господа. В Америке все — самое большое... Во всяком случае из этой тюрьмы не удалось убежать еще ни одному преступнику.

— За исключением Кастело?

— Мистер Кастело вышел в свое время из нее по решению Верховного судьи Соединенных Штатов. А уж какой ценой было добыто такое решение, за это я не ответчик...

— Чем же занят теперь этот бывший король?

— Он — в годах. Ушел на покой. Застраховал свою жизнь на сто тысяч долларов. Нанял личную охрану из полицейских. И пишет мемуары...

— Мемуары или теоретический курс организованного гангстеризма в государстве — учебное пособие для подрастающего поколения громил? Говорят, что только в одном Нью-Йорке пятьсот шаек малолетних убийц!

— Говорят, что у вас в Москве кур доят... — окрысился мистер Паркс, любивший щегольнуть при нас русскими поговорками.

— Не только говорят, но и пишут об этом черным по белому в ваших же справочниках-путеводителях.

— В Америке можно писать и печатать все что угодно, господа. У нас — свобода!.. — проговорил с вызовом задетый за живое огнеопасный гид, нервозно передергивая плечами.

И разговор наш начал было обретать уже характер той привычной обоюдоострой перепалки между нами и

нашим переводчиком, при которой мистер Паркс мгновенно утрачивал душевное равновесие. Вступая в дискуссии об американском образе жизни и нашей советской действительности, он, часто припираемый нами к стене, не в силах был уже скрывать под благопристойной маской внешней учтивости и лойяльности хорошо вымуштрованного госдепартаментского разведчика своей лютой злобы против всего советского, которая таилась, свернувшись в змеяный клубок, на дне холодной и мрачной, как полуобвалившийся колодец, его души...

На этот раз мы не приняли боя. И мистер Паркс, зябко подергивая плечами, долго молчал. Он уже не обращал больше нашего внимания на достопримечательности самой фешенебельной в Нью-Йорке улицы. То ли оттого, что им овладело вдруг то, уже знакомое нам беспричинно мрачное настроение, в которое нередко впадал он внезапно. То ли по той простой причине, что ничего больше примечательного, кроме квартир бывших королей разбоя и сумасбродных королей экрана, на этом жилом и торговом проспекте не было.

На углу Сорок третьей стрит мы, по предложению мистера Паркса, вышли из автомобилей для того, чтобы посмотреть на необычайное архитектурное сооружение Нью-Йорка — стеклянное здание нового банка. Прикnuв к толпе нью-йоркских зевак, мы увидели это прозрачное золотистое здание, сквозь стеклянные стены которого было с улицы видно все, что делалось внутри. Банковские служащие, не обращая никакого внимания на толпившихся зевак, углублены были в привычные свои операции. Перед каждым из них на рабочих столах красовались живые цветы в модернистских вазах. Стены банковских оффисов были украшены картинами — произведениями абстрактной живописи.

Поглядев на это оригинальное творение современной американской архитектуры, мы на этот раз согласились с мистером Парксом, что перед нами был рекламный шедевр капитализма.

На углу Сорок второй стрит и Пятой авеню бросилось в глаза закопченное, как бы приплюснутое к земле соседними небоскребами старое гранитное здание с колоннами и пилястрами классического архитектурного стиля. На ступенях широкой парадной лестницы этого приземистого инородного среди окружающих его железобе-

тонных башен здания сидели молодые люди, углубленные в чтение книг. То была Нью-Йоркская публичная библиотека. А молодые люди с книгами в руках, прильнувшие к ступеням парадного ее входа, были, по словам нашего гида, учащимися колледжей и студентами Колумбийского университета.

Затем наши машины остановились возле великолепного особняка — картинной галереи «Фрик-коллекшн».

— Этот особняк принадлежал королю стали Фрику, — говорил нам наш гид. Мистер Фрик был замечательным меценатом — большим знатоком и ценителем классической живописи. Он всю жизнь коллекционировал картины. А потом оставил эту свою картинную галерею в дар городу.

— Что ж, спасибо и на этом бывшему стальному магнату.

В галерее — ни одного посетителя. Коллекция — не из бедных. Рембрандт. Рубенс. Ван-Гог. Гоген. Ван-Дейк. Гойя. Ренуар. Вато.

— Все это великолепно. Но отчего здесь не видно ни одного полотна американских художников? — спрашиваем мы нашего гида.

Пожимает плечами:

— Это дело вкуса покойного мистера Фрика.

— В вашей прекрасной галерее, кроме нас, не видно других посетителей. Это что — случайность? — поинтересовались мы у почтенновозрастного, седого как лунь американца — служителя «Фрик-коллекшн».

— Американцы — поклонники всего модного. А модной считается в наше время другая нью-йоркская картинная галерея, где собраны творения современных американских абстракционистов, — ответил нам старый служитель хранилища шедевров мировой живописи в роскошном особняке Фрика.

— Но разве в Америке никогда не было прежде и нет теперь никаких иных художников, кроме абстракционистов и модернистов? — допытывались мы у седовласого американца.

— Были и есть, конечно, другие художники — реалисты. Стюарт. Гомер. Белоус Марина. Работы этих больших художников Америки вы, господа, можете увидеть в Национальной галерее Вашингтона, если вы там будете и захотите посетить эту галерею.

— Будем в Вашингтоне. И непременно посетим,— пообещали мы на прощанье любезному хранителю мировых художественных ценностей.

По дороге к Эмпайр стейт билдингу проехали мимо «Колизея» — громадного здания, половина которого была без окон. Здесь проходила с огромным успехом наша, только что закрывшаяся Советская выставка. В этом же здании устраиваются и другие прочие выставки, устраиваемые американцами в залах с внутренним люминисцентным освещением. Видели по соседству с «Колизеем» и памятник Христофору Колумбу.

Памятник Колумбу натолкнул нас на разговор с Парксом о том, кто же открыл Америку? Сперва наш настроженный гид воспринял этот неожиданный для него вопрос за шутку. Но потом, когда мы сказали ему о том, что современная историческая наука располагает цепью довольно веских доказательств того, что Колумб, отправляясь в первое свое плавание по Атлантическому океану, знал уже о существовании Нового Света и располагал картами, составленными иными путешественниками, побывавшими там до него еще в 80-х годах XV века,— то тут мистер Паркс, побледнев, угрожающе проговорил:

— Господа, вы — в свободной стране. И я решительно прошу вас прекратить эту советскую пропаганду!

— В пользу этого доказательства говорит многое. Например, старая испанская хроника. Письмо к Колумбу испанского короля и королевы — Фердинанда и Изабеллы. Надеемся, эти исторические документы нельзя отнести к советской пропаганде? — возразили мы гиду.

— Но вы успокойтесь, мистер Паркс. Как бы там ни было, но все это, однако, не умаляет исторического значения плавания Колумба к берегам Нового Света,— примирительно сказал Николай Александрович Абалкин.

И мы, чтобы не доводить до белого каления нашего проводника и переводчика, прекратили этот случайно возникший, навеянный бронзовой фигурой великого мореплавателя, разговор.

Кстати, тут мы завернули, согласно нашей программе этого нью-йоркского дня, еще в один музей — музей естественной истории. Здесь уже не было так безлюдно, как во «Фрик-коллекшн». Посетителей много. Большин-

ство — учащиеся колледжей, попросту школьники со своими учителями.

Музей нам понравился. В стенах огромного зала — ниши с панорамами вон земного шара. В них на фоне рельефных ландшафтов всякие звери. Чучела в натуральную величину. Тут можно даже услышать трубный голос слонов, грозное рычание львов, тигров и леопардов.

Все посетители ходят по залу с гидрофонами, надетыми на уши. Они слушают голос диктора, рассказывающего о жизни зверей и птиц, о нравах их и повадках.

Из множества прочих весьма интересных экспонатов этого музея запомнились сани Амундсена, на которых совершил он одновременно с Пири один из своих арктических походов.

Заметив против одного из внушительных домов монументальный памятник — бронзового всадника на сварливом коне, мы спросили помрачневшего гида:

— Скажите, пожалуйста, чей это монумент?

— Прошу извинить мне мою рассеянность, господа. У меня случается иногда нечто вроде короткого замыкания... Это — памятник Франклину Рузвельту. За памятником на заднем плане дом бывшего президента, — сказал гид довольно равнодушным голосом.

Заглядевшись на бронзовый монумент покойного президента Соединенных Штатов, уважительную память о котором хранит наш советский народ со времен Великой Отечественной войны, мы толком как-то даже и не сразу заметили, когда повернули с Пятой авеню на поперечную стрит, такую же чадную от бензинного перегара, запруженную автомобилями улицу, которая вскоре вывела нас к замечательному инженерному сооружению Нью-Йорка — Бруклинскому мосту через Гудзон.

И тут вдруг выяснилось, что Гарлем, который мы надеялись увидеть, был уже позади. Мы проехали мимо негритянских кварталов почти впритирку, пребывая в полном о том неведении. А мистер Паркс глубокомысленно отмолчался и на этот раз, ни словом не обмолвившись про эти малоприглядные нью-йоркские задворки, милостиво отведенные американцами для инородных, чернокожих их обитателей. Гид не сделал этого, как видно, по той же странной его «рассеянности от короткого замыкания», которая помешала ему предупреди-

тельно обратить наше внимание и на памятник Франк-лину Рузвельту...

День меркнул. И программа нашего знакомства с Нью-Йорком завершилась на этот раз посещением Эмпайр стейт билдинга — самого громадного, стодвухэтажного здания в мире. Почти молниеносно, с двумя, правда, пересадками, взмыли мы в огромных кабинках скоростных лифтов на зыбкую вершину этого упершегося в облака небоскреба, вмиг очутившись возле круглого гранитного парапета просторной «площадки осмотра», венчающей это необычайное здание.

Я видел Нью-Йорк с борта американского самолета днем, когда мы подлетали к нему из Канады. Видел я с воздуха незабываемо-впечатляющий, бескрайний, кипящий и мерцающий золотыми брызгами и ночной Нью-Йорк, когда возвращались мы позднее из Чикаго. И в том и в другом случаях — зрелище близкое к неправдоподобному сновидению!

Но вечерний Нью-Йорк, увиденный мною с вершин Эмпайр стейт билдинга, поразил не только ярко зримой отсюда грандиозностью небоскребов Манхэттена, но и своеобразной их красотой, чего нельзя было ощутить, глядя на них снизу, с земли, или даже со стороны Гудзона залива. Там они подавляли угрюмой масштабностью, тяжеловесным, безрадостным однообразием их архитектурного облика, когда ты, задрав голову, пытаешься разглядеть их подоблачные вершины, находясь вблизи этих зданий. Или их можно было принять за хаотическое нагромождение гигантских элеваторных башен и отвесных скал, когда глядишь на них издали — с Бруклинского, например, моста или из нью-йоркской гавани. Здесь же, с пика царствующего над ними Эмпайра, меньшие собратья его выглядели совсем по-иному. Сверкая озаренными зеркальными окнами, они властвовали над всей панорамой громадного глухо грохотававшего города. И это было, без обиняков, очень красиво!

Облокотясь на бруствер гранитного парапета, я, как заколдованный, долго смотрел в подернутую сиреневой дымкой бездну. Там, на дне бесконечно глубоких нью-йоркских стрит и авеню, текли и текли бурлящие потоки автомобилей, роились по тротуарам людские муравейники, и трепетали, мерцали, брызгали, били каскадами, а то и бушевали подобно кострам на шквальном

ветру неоновые и электрические огни реклам. И в этих крылатых огнях, трепещущих, как стаи пылающих птиц, над лихорадочно пульсирующими улицами вечернего Нью-Йорка было тоже немало своеобразной красоты.

Между тем мистер Паркс без умолку тараторил:

— В Эмпайре шесть с половиной тысяч окон. Стекломой их моют дважды в месяц. При сильных ветрах вершина небоскреба начинает качаться так, что это можно заметить по колебаниям воды в стаканах на столиках. Стоимость билета для подъема на вышку — один доллар тридцать центов. Ежедневное количество посетителей — пятьдесят тысяч. В небоскребе размещено свыше ста различных оффисов и контор. Вращающийся прожектор над вершиной этого короля небоскребов виден по ночам за триста с лишним миль. А шпиль вышки работает теперь как антенна для семи нью-йоркских телевизионных станций. Что же еще? Ах, да, служащие вышки осмотра Эмпайра говорят на семи языках.

— А на русском?

— О, разумеется, и на русском. Кстати, позвольте представить — мисс Эвелин. В совершенстве владеет русским, — сказал Паркс, знакомя нас с высокой голубоглазой девушкой.

— Да, я к вашим услугам, господа. Вы из России?

— Из Советской России, мисс Эвелин.

— О, прекрасно... У вас прелестная прическа, мадам. В России все женщины носят такие короткие волосы? — спросила Эвелин у нашей Марины Бугаевой.

— Нет, далеко не все — как кому нравится. Многие наши девушки носят и пышные косы.

— Косы? Так старомодно?.. У вас оригинальная сумочка, мадам. Такие вещи тоже делают в России? О! Фотоаппарат у вас русский? Ах, это тот самый «Киев»? Я слышала, что у вас делают очень хорошие фотоаппараты.

— Очень хорошие. Лучше американских. И фотоаппараты и бинокли. Вообще, оптика у нас превосходная, мисс Эвелин. Недаром ваши американцы, бывая у нас в Москве, так жадно набрасываются на такие вещи. Перед отъездом в Америку я видела в одном оптическом магазине Москвы американца, купившего больше двух десятков советских биноклей, — сказала Марина Бугаева.

— Вполне возможно, мадам. Кроме всего прочего, у нас в Америке такие вещи очень дороги, — призналась

Эвелин, завистливо поглядывая на фотоаппарат Марины.

— Да, совсем забыл сообщить вам одну интересную деталь, господа, связанную с Эмпайром,— сказал, спохватившись, мистер Паркс.— Лет девять тому назад в вершину этого небоскреба врезался четырехмоторный пассажирский самолет. При этой катастрофе погиб весь экипаж и двадцать пять пассажиров. Сорвался один из лифтов Эмпайра. Но находившаяся в кабине этого лифта очаровательная лифтерша Бетти осталась живой. Хотя и была серьезно ранена. Однако ее скоро вылечили. И долгое еще время Бетти оставалась одной из самых популярных девушек Америки. Наравне с кинозвездами!

Слушая болтовню мистера Паркса и бойкий русский говор мисс Эвелин, мы то простым глазом, то прильнув к трубам оптических аппаратов, в изобилии установленных на крыше Эмпайра, озирали огромный, лежавший в глубокой пропасти город, рассеченный узкими бирюзовыми лентами рек — Ист-ривер и Гудзона. И трудно было оторвать глаз от бесконечных, мерцающих голубых далей океана.

Приметив, что я заносу какие-то беглые наблюдения в мою записную книжку, мистер Паркс, пристроившись рядом со мной у парапета, полуиронически спросил, улыбаясь:

— Все пишете, мистер Шухов?

— Все пишу, мистер Паркс...

— И все, небось, про язвы капитализма?

— Пишу и про язвы...

— Я знаю, что вернувшись в Россию, вы о нас ничего хорошего не напишете. Это — факт.

— О ком о вас?

— Об американцах.

— А вы — американец!

— По паспорту — да...

— Я видел американцев, о которых хочется написать хорошо.

— Это — про негров и безработных?

— Представьте себе, даже и о некоторых ваших миллионерах!

— О!.. Вы шутите?

— Нисколько. Пример тому — мистер Доунинг, на приеме у которого вы вчера изволили быть вместе с нами. Мистер Доунинг — один из тех, как вы видели, прогрес-

сивно настроенных деловых людей Америки, которые не являются поборниками «холодной войны». Он стремится к экономическому и культурному сближению двух наших великих стран. И не только стремится. Но и многое делает, затевая, например, организацию Общества американо-советской дружбы в Нью-Йорке. А вспомните, как он горячо приветствовал предстоящий обмен визитами между Никитой Сергеевичем Хрущевым и Эйзенхауэром, или как уважительно говорил он о науке, о культуре нашей страны! Нам было приятно слушать все это из уст мистера Доунинга — очень влиятельного, как вы сами заметили, человека в Америке. Отчего же мне не вспомнить такого миллионера при случае добрым словом на нашей родине?! А потом, я надеюсь, что увижу еще немало хороших, честных людей в Америке!

— Ол райт!.. А теперь скажите, между нами, вполне откровенно, вам нравится все это отсюда — с Эмпайра? — заговорщически спросил меня переводчик, кивая вниз, на бурлящую и сверкающую огненной россыпью бездну распростершегося у подножья небоскреба вечернего Нью-Йорка.

— Очень. Это — красиво.

— Да, но это вы признаете только со мной, в Америке. Но писать, что это действительно красивое зрелище, вы, вернувшись в Россию, не станете.

— Непременно напишу.

— Вы бы, может, и написали. Только этого у вас там никто не напечатает.

— Откуда, черт знает, вы все это только берете?!

— Мне все известно. У вас в России запрещено писать что-либо хорошее про Америку.

— Вздор вы городите, сударь. Чепуху. Тошно слушать!

Но мистер Паркс закусил удила и, как иная строптивая пристяжная, понес со злобным упорством в сторону, норовя при этом сбить с дороги и стойкого коренника. Змея, дремавшая на дне пустого холодного колодца, вдруг очнувшись, подняла голову, и злобное шипение ядовитого жала ее засквозило в мутном потоке антисоветского блудословия поджарого госдепартаментского сыщика с изящной визитной карточкой гида и переводчика «Америкен экспресс»...

Достаточно хорошо уже изучив сварливый нрав и злопахательское нутро вышколенного разведчика, мы в

таких случаях или всем нашим косым десятком соотечественников переходили в дружную против него контратаку, в результате которой у него мгновенно наступало «короткое замыкание» и он умолкал, или же прерывали клеветнические его речения какими-нибудь простыми, но малоожиданными для него в такую минуту расспросами. Так в данном случае поступил и я, бесцеремонно прервав распутившего язык гида на полуслове.

— Погодите. Один вопрос...— остановил я его.— Вы бы лучше вот объяснили мне, что это за странная решетка сооружена над крышей Эмпайра, похожая на громадную тигриную клетку?

— Предупредительная мера против самоубийц,— сухо ответил он, мельком взглянув на пикообразные железные прутья.

— То есть? — не понял я.

— До недавнего прошлого эта крыша Эмпайра была излюбленным местом для нью-йоркских и всяких прочих самоубийц. Без этой решетки они лихо ныряли за борт парашюта вниз головой, падая в гранитную бездну... А теперь, как видите, это уже почти невозможно. Из такой клетки не враз вырвешься! Вы меня поняли?

— Ол райт... Но как же теперь обходятся без Эмпайра современные американские самоубийцы? — спросил я почти бесхитростно.

— О, для этого у них есть еще более колоссально-эффектное место. Я говорю про Ниагарский водопад. Когда будем с вами на Ниагаре, вы можете там легко вообразить, что ждет человека, сброшенного бешеным водопадом с отвесной скалы в чертову пропасть кипящей пучины!..

Заметив, как мистер Паркс зябко запередергивал при этих словах плечами, я уже не стал допытываться у него о том, что доводило в недавнем прошлом некоторых американских граждан до трагических бросков в гранитную бездну вниз головой с вершины этого небоскреба, которым так гордится Америка, и что приводит иных из них теперь, в наше время, к роковым полетам в небытие под грозную отходную музыку Ниагарского водопада!

А поздней ночью, завершившей этот очередной, предельно насыщенный сложными впечатлениями день, проведенный нами в скитаниях по Нью-Йорку, получил я не один наглядный, правдиво-горький ответ на те вопросы,

которых преднамеренно не задал на вершине башни былых самоубийц мистеру Парксу. Было очевидно, что он все равно не сказал бы ни слова правды про оборотную сторону золотой медали так называемого американского образа жизни.

Правду же эту увидели мы под покровом глубокой ночи уже без участия прозевавшего нас разведчика. Нам рассказали ее обитатели трущобных кварталов угрюмого Бауэри и ночные пассажиры метро — этой грязной, смрадной трубы нью-йоркской подземки — колыбели бездомных людей. И неприглядную жестокую наготу этой правды разглядели мы даже сквозь золотую мишуру рекламных огней Бродвея на залитой световыми волнами площади Таймс-сквера — красоты и гордости Нью-Йорка.

Вечером, собравшись в номере Валентина Петровича Гольцева, занялись изучением книжицы некоего Г. Коппа «Проводник по Нью-Йорку». Вместе с библией на английском языке, изданной в Нью-Йорке, сочинение мистера Коппа имелось, видимо, во всех номерах отеля «Гouverнор Клинтон». По крайней мере в наших номерах копповские «проводники» хранились в ящиках письменных столов рядом со стопками изящных конвертов и почтовой бумаги с грифом нашего отеля.

В вводной статье, которой открывается «Проводник», мистер Копп сообщает любезным читателям-путешественникам, прибывшим в Америку из-за океана, что Нью-Йорк не только самый огромный город в мире, но и самый приветливый. Здесь же автор сравнивает этот город с Ноевым ковчегом, потому что тут живут все на свете национальности, и добавляет, что Нью-Йорк это еще не настоящая Америка. Где же настоящая, об этом почему-то ничего не говорит. И что такое настоящая Америка, этого мы тоже из вводной статьи мистера Коппа так и не узнали...

— В нашем городе вы можете располагаться и чувствовать себя, как дома, — говорит мистер Копп. — В Нью-Йорке все вентилируется с помощью аппаратов эркондишн — охлажденного воздуха, начиная с отелей и кабаре и кончая церквями. Здесь вы можете упражняться в фигурном катании на коньках летом и плавать в роскошных бассейнах зимой. В Центре развлечений на Бродвее и в театре национальных представлений — Радио-сити на Рокфеллер-плас вы можете круглые сутки получать удовольствия, равные миллиону долларов!

Ознакомившись с патетическим вступлением сочинения мистера Коппа, мы пришли к единодушному выводу, что все тринадцатимиллионное население Нью-Йорка, наверное, только и занято тем, что резвится в эти жаркие дни — было девяносто восемь градусов по Фаренгейту — на фигурных коньках, получает удовольствия круглые сутки под золотым шатром Радио-сити или в «Центре развлечений» на ярком, как наша русская ярмарочная карусель, Бродвее.

Упившись сладостным гимном мистера Коппа — одой в прозе в честь самого большого и самого праздного города на земном шаре, мы дошли наконец до самого главного в этом сочинении — до практических советов автора о том, как надо вести себя иностранцам в Нью-Йорке. И тут дальнейшее наше ознакомление с книжкой-проводником обрело характер следующего диалога с ее автором.

— По прибытии в Нью-Йорк первым долгом сходите в церковь! — начинает свои практические наставления мистер Копп.

— Ну, это мы пропустим мимо ушей. Что дальше?

— Если при вас имеется солидная сумма денег, то вы никогда никому и нигде ни в коем случае их не показывайте! — категорично настаивает мистер Копп.

Мы кротко вздохнули. Солидных сумм при нас не было. Однако сказали:

— Спасибо, сэр, и за такое предупреждение.

— Не носите своих кошельков в задних карманах брюк!

— Ага. Ясно. Переложим свои кошельки в более надежное место...

— Никогда не уходите, не проверив, правильно ли вручили вам сдачу!

— Хорошо, что предупредили, сэр. Придется проверить, раз уж такие у вас порядки...

— Не ходите в Центральный парк — Хагар-сквер даже днем в одиночку. Там вас могут ограбить!

— Не пойдем, сэр. Об этом мы еще в Москве знали!

— Не садитесь в автомобили незнакомых людей, если они вдруг вам предложат свою машину. Знайте, у этих людей недобрые намерения!

— Намотаем на ус и это дело...

— Избегайте знакомств с женщинами на улице, и

тем более не ходите с ними в первый попавшийся ресторан!

— Тоже все ясно, сэр.

— Если вздумаете выпить в баре виски или коктейль, то не затевайте ссоры с соседом по буфетной стойке!

— Лучше мы совсем не пойдем в бар, сэр.

— В ресторанах почаще оглядывайтесь на ваш пиджак, если вы повесите его на спинку своего стула!

— Ого, даже в ресторане?!

— Остерегайтесь слушать уличных проповедников. Там дело чаще всего кончается дракой!

— Ол райт, сэр.

— Никогда не задерживайтесь на улицах возле трупов — жертв движения или разбоя. Подоспевшая полиция может привлечь вас в свидетели!

— Черт знает что, сэр!

— Не верьте прохожему, если он охотно согласится проводить вас до вашего отеля, если вы вдруг заблудились в нашем городе!

— Вот это здорово! А как же в таком случае быть? Обратиться за помощью к полисмену?

— Уклоняйтесь от встреч с полисменами. Может случайно вспыхнуть крутой разговор. А за оскорбление полицейского, по законам нашей страны, — тюрьма. За нанесение ему увечий — электрический стул!

— Совсем ловко! Но кому же здесь верить тогда?

В своих наставлениях иностранцам, прибывшим в Нью-Йорк, мистер Копп с категоричной краткостью говорит:

— Не верьте никому!

— Вот это приехали!

Тут бы, собственно, можно было и закрыть сочинение мистера Коппа. Нам уже стало предельно ясно, как себя вести в этом самом радостном и прекрасном на земном шаре городе, где можно было получить наслаждения, равные ста миллионам долларов.

Но заботливый наш попечитель преподнес нам в конце своего печатного труда, так сказать, под занавес, еще и такой сюрприз.

«Иностранец, внимание! — взывал мистер Копп на последней странице своего опуса. — Гражданская оборона в настоящее время является делом всех. Корпус граждан-

ской обороны Нью-Йорка организован теперь таким образом, чтобы с одинаковой тщательностью заботиться как о местных жителях, так и об иностранцах. Как только вы, прибыв в отель, распакуете ваш чемодан, тотчас же поспешите узнать у слуг или у портье, где находится бомбоубежище вашего отеля и постарайтесь хорошенько запомнить точное его расположение. На улицах Нью-Йорка прежде всего обращайтесь внимание на то где, в каких общественных зданиях нашего города находятся общедоступные бомбоубежища, и в случае тревоги идите, идите, но не бегите — запомните это — в ближайшее бомбоубежище. И да поможет вам бог!»

Не успели мы еще как следует толком осмыслить это последнее наставление мистера Коппа, как вдруг в номере, где собрались мы с некоторыми из наших спутников, неожиданно погас свет. Приняв это явление за простую случайность, мы продолжали, спокойно посиживая в темноте, комментировать между собой только что прочитанный нами «Проводник по Нью-Йорку».

Спустя что-то около четверти часа, к нам постучали. В дверях показалась молодая, явно встревоженная чем-то негритянка — служанка отеля. В бархатисто-черных руках ее мерцали свечи, и слабые, неверные отблески этих огней отражались в больших ее, широко раскрытых, темных, как осенняя ночь, глазах.

— Джентльмены знают, как попасть в наше бомбоубежище? — ставя один из подсвечников на письменный стол в номере, торопливо спросила служанка.

— В Нью-Йорке, видимо, объявлена очередная учебная воздушная тревога, мисс?

— Нет, сэр. Тревоги пока еще не было. Но ее можно ждать в любую минуту. В Нью-Йорке произошло нечто невероятное. Погас свет.

— Как — во всем Нью-Йорке?

— Да, сэр. Замолчало радио. Не работают телевизоры. Остановилась подземка. Говорят, на улицах началась уже паника... О, как это все ужасно, джентльмены! Вполне возможно, что это уже началось! Возможно, они уже где-то совсем близко...

— Кто они, мисс?

— Ракеты, сэр.

— Какие ракеты?

— Русские, сэр.

— Не говорите глупостей, мисс
— Извините, сэр.
— Все что угодно, только не ракеты. И тем более — не русские, сударыня!
— Возможно, сэр... Но Нью-Йорк во мгле. Бездействуют даже лифты.
— Бездействуют лифты? А как же в таком случае мы бы стали спускаться в бомбоубежище?
— В нашем отеле есть запасные лестницы, сэр.
— По лестницам? Это с тридцать девятого-то этажа?!
— Что ж делать, сэр... Но извините, я так спешу. Мне надо подать свечи еще в другие многие номера, — скороговоркой пробормотала, скрываясь за дверью, охваченная паническим страхом служанка.

Прислушиваясь к почти непрерывному реву сирен полицейских автомобилей в погрузившемся во мглу, тревожно-глухо бурлящем, рокочущем городе, мы долго прикидывали, что же в конце концов могло произойти в эту августовскую ночь в лишенном электроэнергии Нью-Йорке?

Ясность внесли утренние выпуски нью-йоркских газет. Из них мы узнали причины затяжного затемнения центральной части Нью-Йорка — Манхэттена. В газетах было опубликовано официальное сообщение электрической компании «Консолидейтед Эдисон», в котором говорилось о том, что всю минувшую ночь Манхэттен с его полумиллионным населением был лишен электроэнергии. Произошло это, по словам компании, от внезапного перегорания шести кабелей высокого напряжения. Опасаясь чрезмерной перегрузки остальных четырнадцати кабелей, питающих этот центральный район Нью-Йорка электрическим током, компания вынуждена была отключить и их. В результате этого обитатели Манхэттена были лишены не только света, но и воды, не говоря уже о радио и телевидении.

Все газеты были заполнены подробными репортажами о происшествии, вызвавшем среди отравленных военным психозом нью-йоркцев неслыханный переполох, граничащий с паникой, и принесли за одну ночь громадный ущерб многим торговым фирмам. Так, фирма «Ритэйл Фрутс Ассошиэйшн», торгующая фруктами и овощами, понесла за это время в ста пятидесяти своих магазинах

Нью-Йорка прямого убытка от порчи товаров на двести пятьдесят тысяч долларов.

Некоторые банки Манхэттена, сообщали газеты, не могли закрыть своих сейфов, замковые механизмы которых приходили в действие только при электрическом токе. Поэтому вся нью-йоркская полиция, вместе с армией тайных детективов и вооруженных мотоциклистов была поставлена в эту ночь на ноги. И операциями по усиленной охране банков с незакрытыми сейфами руководил лично сам шеф полицейских сил Нью-Йорка Кеннеди.

«К великому моему удивлению,—заявил наутро репортерам газет шеф нью-йоркской полиции,—преступность в эту ужасную ночь в Нью-Йорке не была выше обычной. Видимо, гангстерские волки прозевали момент и не успели подготовиться к налетам на раскрытые сейфы. Другие не решились принять на этот раз открытый бой с числом превосходящей их шайки полицией».

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» писал в утреннем выпуске этой газеты о панике, охватившей многих жителей центрального Нью-Йорка, заполнивших в эту ночь бомбоубежища, и ставил в прямую связь с этим рекордное число самоубийств, свершившихся за минувшие сутки в Нью-Йорке. Двумя же днями позднее другая нью-йоркская газета существенно дополнила сообщение корреспондента «Нью-Йорк таймс», заметив, что во время «блэкаута» — так называла американская пресса происшествие с затемнением центрального Нью-Йорка — достигло рекордной цифры не только количество самоубийств в районе Манхэттена, но и рекордным было количество душевнобольных нью-йоркцев, зарегистрированных наутро психоневрологическими клиниками и лечебницами.

Нет, теперь мы лучше понимали то душевное состояние бедной негритянской служанки из отеля «Говернор Клинтон», в котором находилась она в памятную ночь «блэкаута», приняв аварию с проводами высокого напряжения электрической компании «Консолидейтед Эдисон» за роковой час того самого внезапного атомного нападения на Нью-Йорк, о котором в течение многих лет затяжной «холодной войны» прожужжали здешние газеты все уши простым людям Америки!

Чтобы завершить уже рассказ о пережитом Нью-Йорком «блэкауте», приведу еще одну запомнившуюся деталь, относящуюся к памятной ночи. На другой день мы прочли

в одной из американских газет, между прочим, и о таком случае, когда слепые люди пришли на помощь зрячим, вывели их из беды. А дело это, по словам газеты, обстояло так. Когда погас свет, умолкло вдруг радио и померкли разом экраны телевизоров, то панический страх охватил и более двухсот служащих «Дома еврейских слепых» на углу Бродвея и Шестьдесят пятой стрит.

Паника среди зрячих служащих в Доме слепых на Бродвее усилилась еще и тем, что в доме этом не было окон, и освещался он электрическим светом. К тому же внутреннее расположение его многочисленных комнат представляет, в сущности, целый лабиринт с его бесконечными коридорными поворотами, закоулками, неожиданными спусками или подъемами. Словом, зрячие служащие этого дома могли свободно ориентироваться в нем только при свете.

А тут вдруг — глаз выколи — тьма. И охваченные паническим страхом зрячие люди оказались совершенно беспомощными, потеряв какую-бы то ни было ориентировку в этой лабиринтной, кромешно-темной коробке.

В эту-то трагическую, как пишет нью-йоркский репортер, минуту и пришли на помощь зрячим их слепые подопечные — поводыри. Властно взяв их за руки, как перепуганных насмерть детей, они без всяких затруднений тотчас же вывели все двести человек на улицу.

Таковы гримасы военного психоза и истерии, невольными свидетелями которых оказались мы однажды в памятную августовскую ночь в Нью-Йорке!

До поездки в Америку Бродвей представлялся мне самой грандиозной, самой яркой и красочной улицей в Нью-Йорке. Но представление это совпало с реальным обликом знаменитой нью-йоркской улицы разве только наполовину. Если даже не меньше. Бродвей, действительно, громаден. Пролегая как бы по меридиану через сорок вторую параллель, на котором полтора столетия тому назад властно утвердился заросший теперь гранитными джунглями нынешний Нью-Йорк, эта его бурно пульсирующая главная городская артерия пересекает более полутора сотен улиц Манхэттена — сердцевины неизмеримо огромного города. Однако далеко не везде на всем своем тридцативерстном протяжении так одинаково многолюден, ослепительно ярок и празднично красен этот торгово-рекламный проспект, как в районе площади,

Таймс-сквер, на сравнительно небольшом отрезке — между, примерно, Сороковой и Шестидесятой улицами.

Вне пределов этого нарядного, как новогодняя елка, отрезка Бродвей ничем не отличается от большинства прочих, скупо освещенных и малопривлекательных улиц Нью-Йорка. Но зато в районе Таймс-сквера творится круглые сутки такое, что с непривычки ослепляет, ошарашивает до головокружения, а порою едва ли не валит с ног!

Я, конечно, немало читывал ранее про Бродвей и знал о нем от бывалых людей понаслышке. Но то, что впервые увиделось в жаркую августовскую ночь с площади Таймс-сквера, бесконечно далеко от прежних моих умозрительных представлений об этой точно залитой звездным ливнем, неповторимо своеобразной и, видимо, все-таки единственной в мире улице. И если уж говорить о первом своем впечатлении, как наиболее верном и непосредственном, то впечатление это было связано с возникшим во мне в те минуты мимолетным воспоминанием об огненном урагане, под который ненароком угадал я как-то раз в детстве.

Мне было около девяти лет отроду, когда настигнутый однажды ночной июльской грозой в открытой степи, увидел я вдруг разверзшуюся над головой, пронзенную ослепительным светом небесную бездну. Расколотое на косые хрупкие глыбы, рассеченное вкривь и вкось крылатыми молниями небо бушевало, плавилось и кипело в багряном смерчеподобном вихре. Оторопев от такого пленительно-жуткого зрелища, не страшась даже в те минуты и чудовищной, содрогавшей земную твердь грозы, глядел я во все глаза на искрометные, сверкавшие над моей головой мечи, на раскаленные добела копыя и жаркие пернатые стрелы, скрестившиеся в этой яростной огненной перепалке...

И вот, спустя многие годы, живые отблески неземного зрелища этого вновь на мгновение затрепетали в душе в ту самую минуту, когда я впервые увидел с Таймс-сквера ночной Бродвей, полоненный неоновыми огнями!

Здесь все пылает и трепещет. Кипит и бушует. Крутится и кувыркается. Искрится. Брызжет. Плавится. Переливается. И бурно пульсирующие струи непрерывных, как цепные молнии, конвульсивных огней текут и текут, играя всеми цветами радуги. Они текут вдоль гранитных фронтонов фирменных торговых контор, венчая вершины

новейших небоскребов «Левел бразерс» и «Сиграм виски». Цепные звенья и ожерелья, цветные гирлянды и фейерверковые веера этих огней озаряют своим завораживающим, гипнотическим светом парадные входы, фасады, карнизы и крыши дорогих отелей, кабаре, фешенебельных ресторанов и мюзик-холлов, кинотеатров и универсальных магазинов.

Таковы похожие на феерический проливной звездный ливень огни знаменитой бродвейской рекламы. Они не только жарко пылают. Они — звенят и поют. Трубят в золотые рога. Бьют в набат. Вывают и внушают. Они прославляют в этих огненных гимнах королей мыловаренных фирм и нейлоновые подвязки на обнаженных ногах кинозвезд. Они заклинают вас пить только виски «Кентукки», пиво «Буггенхейм», коктейль «Сани Брук» и прохладительные шедевры национального американского квасоварения — «кока-кола» и «пепси-кола»!

И взирая на все эти цирковые акробатические трюки жонглирующего огня, ты не мог уже быть равнодушным к тому, что творилось вокруг на этих широтах Бродвея. И каждый вечер тебя влекли к себе, манили эти ливневые огни. И не было никакой охоты возвращаться в отель в глухую полночь, а то и под утро, с этой неправдоподобной улицы!

И мы бродили по ней каждую ночь напролет до раннего рассвета, позабыв о сне и усталости. Так любили бродить мы потом с вечера до утра по ночному Парижу, встречая сентябрьские зори у гранитных парапетов набережной розовой от солнцевосхода Сены или близ дворцовых покоев Лувра в саду Тюильри, или у Триумфальной арки на незабываемых Елисейских полях, преисполненных неповторимого очарования!

Первые наши встречи на Бродвее состоялись в книжном магазине. То был типичный, как мы потом убедились, книжный магазин Америки. Расфасованный по прилавкам и полкам цветной, ярко-пестрый его товар излучал такое же радужное сияние, как и рекламные огни Бродвея. Формат у всех американских книг почти одинаковый. Узкий, изящный. Плотно сброшюрованный. Карманный.

Глянцевитые, отполированные до зеркального блеска обложки, мерцающая в лучах электрического света, играют заманчивыми красками. Заглядишься в омутный этот глянец иных таких обложек и увидишь то кровоточа-

щую кинжальную или огнестрельную рану на обнаженной женской груди, то искаженное предсмертной гримасой лицо гангстера, падающего под выстрелом, то порочно полуткрытые, пылающие пухлые губы стандартной заокеанской красавицы. И названия этих книг — одно краше другого. «Роковые страсти тигрицы». «Тело и кровь». «Душегуб из Чикаго». «Трагедия брачной ночи». И еще черт знает что!

Зато не только в этом магазине Бродвея, но и во всех прочих книжных магазинах Америкы мы почти не видели на прилавках книготорговцев книг Эрнста Хемингуэя и Митчелла Уилсона, Эрскина Колдуэлла и Карла Сандберга, Теодора Драйзера и Джона Стейнбока — прогрессивных, признанных мастеров современной американской литературы, столь широко популярных у нас в России и во всех наших союзных республиках.

— Отчего же книг этих авторов не видно у вас в продаже? — спросили мы у владельца книжного магазина на Бродвее.

— Все зависит от спроса, господа. Таков железный закон бизнеса. Вот список бестселлеров. В нем самые знаменитые авторы самых знаменитых книг сегодняшней Америки, — ответил нам с улыбкой лукавого царедворца бродвейский книготорговец.

Просматривая врученный нам список бестселлеров — книг, раскупаемых в Америке нарасхват, мы убедились, что к бестселлерам относятся главным образом так называемые проблемные романы на уголовно-сексуальные темы. И первое место среди бестселлеров 1959 года принадлежало порнографическому роману Владимира Набокова «Лолита». Роман этот, написанный по-английски русским эмигрантом — сыном малозадачливого кадетского министра при Временном правительстве России 1917 года — выходил в Нью-Йорке огромными тиражами. Издан он был здесь впоследствии и на русском языке в собственноручном переводе преуспевающего автора. И в канун нашего отлета из Нью-Йорка в Париж на «Лолиту», по словам газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», шла пятьдесят девятая неделя непрерывного, все возрастающего спроса.

Кроме бестселлеров такими же громадными тиражами издаются тут и те карманные, двадцатицентовые, с позволения сказать, повести и романы, про эротико-криминалистические названия которых я уже говорил. Это — раст-

ленная стряпня крупнейших издательских акул, наживающих миллионные барыши на белиберде дешевых, подчас даже и совсем безымянных авторов.

Такие же миллионные доходы наживают и владельцы многочисленных кинозабегаловок на Бродвее и на примыкающих к нему улицах. В этих, как правило, небольших и невзрачных кинозальцах-клетушках можно смотреть с утра и до глубокой ночи — и опять-таки всего за те же двадцать центов — гангстерские и ковбойские фильмы — наглядные пособия по технике грабежа, насилия, зверских убийств, разбоя, садизма.

И ныне оравы нью-йоркских подростков, отравленных чумным чадом этих пропитанных кровью и пороховым дымом фильмов, уходят порою из таких вертепных киноклетушек прямым маршем с Бродвея в парк Хаген-сквер. Уходят сколачиваться там в новые банды малолетних грабителей-душегубов. Это тот самый прославленный Хагар-сквер — единственный зеленый массив центрального Нью-Йорка, куда даже среди бела дня не рискуют жители этого города заглядывать в одиночку!

В Нью-Йорке, по признанию самого Эдгара Гувера — директора Федерального бюро расследований Соединенных Штатов, насчитывается около пятисот уличных банд малолетних преступников. Непрерывно враждующая между собой, эти вооруженные пистолетами шайки то и дело затевают междоусобные кровавые битвы, терроризируя в таких случаях весь город.

В передовой статье «Убийства, совершенные молодыми гангстерами» газета «Нью-Йорк таймс» приводила однажды — это было в дни нашего пребывания в Чикаго — свыше дюжины взятых за день из местных газет заголовков, рассказывавших о чудовищных преступлениях подростков. И все эти заголовки в голос вопили об одном и том же. То о малолетнем гангстере, задушившем женщину за один доллар и десять центов. То о кровавой расправе одной банды несовершеннолетних громил со своими недругами. То об убийстве одного юноши и пулевых ранениях трех девочек при схватке молодых бандитов с полицией.

«Это, разумеется, далеко не полный список заголовков, — говорится в передовице газеты. — Есть еще другие, ярко рисующие картину жизни Нью-Йорка. Во многих случаях замешаны расовые конфликты. Другие случаи

представляют собой просто-напросто беспричинную, бессмысленную звериную жестокость. Убийства на улице стали столь обычным явлением, что присутствующие, может быть, в силу того, что они парализованы страхом, даже не пытаются вмешиваться, когда преступление совершается у них на глазах».

Рассказывая обо всем этом, «Нью-Йорк таймс» ни словом не обмолвилась о причинах, порождающих все возрастающее число несовершеннолетних преступников. Но дело тут, видимо, зашло уже так далеко, что даже сам Эдгар Гувер — шеф американской охраны — вынужден был публично заявить недавно следующее.

«Как служитель закона я призван сдерживать свои собственные чувства и эмоции. Но, честно говоря, бывают моменты, когда я с трудом охлаждаю кипящую во мне кровь, — клятвенно утверждает шеф американской охраны. — Это бывает, когда я вижу, как взрослые умышленно развращают детей... Я говорю о людях, которые любопытство и незрелые суждения молодежи превратили в источник дохода. В эту категорию распространителей чумы я включаю торговцев порнографией, торговцев наркотиками и других, кто обогащается путем развращения юношей и девушек. Руки развратителей протянуты к школам, к площадкам для спортивных игр, ко всем местам, где собираются молодые люди... Одна лишь торговля порнографией приносит миллионные доходы».

Уж кому-кому, а Эдгару Гуверу, возглавляющему сыскную империю Америки, тут и все карты в руки. Уж он-то доподлинно знает о чем говорит!

«Как лицо ответственное перед государством за соблюдение законов, и как американский гражданин, — продолжает шеф американских жандармов, — я считаю прямым своим долгом публично выступить против бурного мутного потока наших кинофильмов и телевизионных передач, которые повседневно афишируют непристойность и приветствуют беззаконность».

Что же, справедливые слова. Но вот беда. Америка — страна частной инициативы. И плевать хотели на «кипящую кровь» шефа охраны мистера Гувера издатели порнографической литературы и фабриканты гангстерских фильмов, если тем и другим бойкая торговля всей этой мерзостью приносит баснословные миллионные барыши!

Нельзя сказать, что в Америке нет настоящего, боль-

шого искусства и, в частности, талантливых, прогрессивных по идейной направленности, высокохудожественных произведений американской кинематографии. Есть. Буквально через несколько часов после нашего приезда в Нью-Йорк мы приглашены были редактором журнала «Саттэрдэй ревью» Норманом Казенс на просмотр только что законченного и еще не вышедшего на экраны Соединенных Штатов фильма «На берегу», поставленного режиссером Стенли Крамером по нашумевшему в Европе и в Америке роману австралийского писателя Невила Шюта.

Все мы, за исключением Александра Чаковского, знали об этом романе Невила Шюта только понаслышке. Александр Чаковский читал его в английском издании и сказал нам, что был потрясен сюжетом этой книги — описанием тотальной гибели всего человечества в результате атомной войны, вспыхнувшей на нашей планете.

— Невил Шют — писатель бесспорного дарования. Но роман его — дань «холодной войне» — ужасен по безысходному пессимизму авторских выводов. А вот какую картину создали американцы по этой страшной книге, давайте, товарищи, поглядим. Игра стоит свеч! — многозначительно сказал нам Чаковский, когда мы входили по приглашению Нормана Казенса в небольшой просмотровый зал кинофирмы «Юнайтед артистс», производству которой принадлежала эта картина.

Скажу и я сразу. Не один день бродили мы потом по Нью-Йорку и по иным городам Америки под тревожным впечатлением от этого оглушающего грозного фильма, трубящего человечеству о бдительности! Да и по сей день не могу я не вспоминать без душевного волнения о памятной этой картине, посвященной ужасному действию ядерного оружия, якобы примененного кем-то в свершившейся на земле войне...

Да. Война свершилась.

Все было кончено.

Все живое погибло.

И на четырех из пяти континентах — ни души. Жизнь сохранилась только в одной Австралии. Но и то ненадолго. Об этом все уже знают тут точно. Через пять месяцев океанские волны и ветры донесут и до этого последнего континента страшные продукты радиоактивного распада и радиации лучевой болезни.

Небольшая команда матросов во главе с командиром подводной лодки морским капитаном Холмсом — вот все, что осталось в живых от многомиллионного населения четырех частей света. И страшен был пустынный, тускло сверкающей под солнцем безжизненный океан с одинокой, вышедшей в рискованный разведывательный рейс этой лодкой. Она идет к берегам Америки для того, чтобы выяснить происхождение странных радиосигналов, принятых в Австралии с мертвого американского континента.

Но вот лодка подходит к калифорнийскому побережью, и командир ее видит через перископ панораму огромного, живописно раскинувшегося на океанском берегу залитого ярким солнцем города. В нем тихо. Очень тихо. В нем ни души. В этом убеждаются вслед за командиром поочередно смотрящие в перископ все матросы команды. Город невредим. Ни малейших следов войны. Ни пожаров. Ни трупов. Ни разрушений. Но в нем нет самого дорогого его украшения — жизни. О, как зловеще-жутки были среди этой страшной неземной тишины настойчиво трубящие, тоненькие металлические звуки позывных радиосигналов, идущих из недр этого города, и как странны были пустые, покачивающиеся на причалах, никому теперь уже не нужные лодки!

С острой, шемящей сердце болью смотрели мы с моими товарищами на нежилые, пустынные улицы невыразимо-печального прекрасного города, подвергшегося катастрофической радиации, — города, в своеобразном пленительном облике которого мы все потом угадали неповторимые черты Сан-Франциско. Трагически прекрасен и страшен был этот город теперь в роковом, грозном безмолвии обезлюдивших его площадей, пышных парков, садов, бульваров и скверов. И вдвойне страшен был появившийся в нем одинокий человек в капюшоне, похожем на саван, — мрачном одеянии воина, которое должно было защитить его от смертоносных лучей.

Страшен был полуобреченный путь этого отважного человека по мертвому, облученному лучевой болезнью городу, а потом — настороженно-робкое продвижение его, как лунатика, через анфиладу пустых комнат громадного делового здания. Время как бы остановилось. А человек в саване шел и шел на зов скорбных, хватавших за душу, настойчивых звуков — позывных сигналов таинствен-

ного радиопередатчика, трубящего среди гробовой тишины угрюмого без людей здания.

Установив по прибытии к побережью Калифорнии, что позывные радиосигналы, принимаемые на борту подводной лодки, исходят именно из этого города, похожего на Сан-Франциско, экипаж судна, рискуя занести к себе на борт лучевую болезнь, все же принимает решение отправить на берег героического матроса-добровольца — уроженца этого города. Там он должен был разыскать и проверить откуда и кем подавались в эфир эти угнетающе-монотонные молитвенные взывания о помощи, упорно твердившие о невероятном: о признаках чьей-то теплейшей еще там человеческой жизни, там, в пронизанном роковыми лучами начисто вымершем городе!

Поиски радиопередатчика длились долго. Около суток. И вот чем они завершились. Матрос набрал на источник звуковых сигналов. И был потрясен увиденным. Порожняя бутылочка из-под кока-кола, упавшая с канцелярской полки, нажала горлышком на рычажок радиопередатчика. И аппарат работал. Он работал, посылая в пространство из этого мертвого царства металлический, ледянящий душу голос техники. И жуткий голос этот звучал и звучал, как реквием о погибшей жизни на этой земле, недавно еще цветущей под жарким калифорнийским солнцем и нынче превращенной в пустыню!

И затем еще более страшный по психологической точности, по предельной простоте выражения кадр. Мы видим матроса на следующее утро уже без савана. Прелестное летнее утро. Изумительное синее калифорнийское небо. Безмятежный голубой океан. Матрос сидит на берегу этого океана в лодке с удочкой в руках. Сидит — мирный, беспечный, почти счастливый, как всякий рыбак. И вдруг перед ним вырастают из воды рога перископа покинутой им вчера подводной лодки, и командир ее откуда-то из водной глуби спросил матроса:

— Как вы себя чувствуете?

— О, превосходно, сэр.

— Вы, вероятно, голодны?

— Нет. Я съел один порошок и запил его морской водой, сэр.

Голос командира умолкает.

Томительная пауза.

Там, в лодке, поняли, что матрос уже заражен и его

уже нельзя взять на судно. Помешкав, командир спросил затем матроса, намекая о яде для самоубийства:

— Не нуждается ли вы в нашей помощи?

— Благодарю вас. В этом городе много аптек, сэр...

— Ол райт!

И перископ исчез под водой.

Лодка возвратилась в Австралию. И мы видим город Мельбурн. Живописный. Богатый. Пышный. В огне неоновых реклам. Поражает он только необычным уличным движением — скопищем старинных экипажей и кабриолетов с мирными лошадьми в запряжках и почти полным отсутствием автомобилей. Все понятно. В стране нет бензина. Нет, оказывается, и кофе. Исчезли с рынка еще кой-какие импортные продукты, завозимые в Австралию из других, ныне уже не существующих стран. А как ведут себя обреченные жители этого города в канун неминуемой катастрофы? Внешне спокойно. Матери прогуливаются с детьми по бульварам. Садоводы поливают цветы. И только в ресторанах дым коромыслом. Люди пьют дорогое вино, озабоченные тем, что не успеют допить всех наличных запасов до недалекого уже рокового дня. Тревожит их и еще одно обстоятельство. Появились в продаже весьма, говорят, приятные на вкус порошки для мгновенного самоубийства, но их почти невозможно достать — столь велик спрос на вновь изобретенное фармацевтами средство!

Но самое поразительное и страшное в жизни этой агонизирующей страны — это автомобильные гонки. Цель их участников — добиться звания чемпиона Австралии по скоростному вождению автомобиля. Мы видели в Америке немало автомобильных катастроф, превосходно заснятых операторами в художественных и документальных картинах. Но автомобильные гонки в этом фильме — зрелище из ряда вон выходящее, потрясающее безумной, трагической бессмысленностью игры со смертью, затеянной ее участниками. И зловещая игра эта началась за каких-то две недели до всеобщей катастрофы на этом последнем в мире, еще пока населенном людьми материке!

С невероятной, вихревой скоростью мчатся и мчатся по трекам лавины роскошных автомобилей. И со всей бездной скорости они, срываясь с треков, летят кувырком в какие-то горные бездны. Они, сшибаясь на поворотах лбами сверкающих радиаторных облицовок, разбиваются

вдребезги. Горят. Взлетают, взрываясь, на воздух. И нет числа их обезумевшему смерчевому потоку навстречу смерти. И всем существом своим, всеми своими предельно напряженными нервами ты хочешь закричать этим одержимым людям во весь голос: «Остановитесь, безумцы! Остановитесь!»

Именно такой вот душераздирающий крик и звучит, в сущности, в насыщенном подтекстом финале оглушающей этой картины. Уже по свершении трагических автомобильных гонок — беговых состязаний со смертью, мы видим толпу обреченных людей — горожан Мельбурна, собравшихся на одной из городских площадей, и читающего им проповедь священника. Опустив в покорном смирении головы, люди внимают последнему напуганному присутствию служителя церкви. Священник читает проповедь, а над его головой колышется на ветру полотнище с начертанными на нем словами: «Есть еще время, братья!»

— Для чего есть у этих людей еще время? Для покаяния в земных грехах перед обрушившейся и на их континент атомной бурей? — невольно спрашиваешь себя в эту минуту.

И только последний, заключительный кадр фильма раскрывает перед зрителем веший смысл этой фразы, начертанной на огромном полотнище, протянутом через площадь. Но теперь площадь эта уже пуста. На ней — ни души. Ни толпы. Ни проповедника. Час пробил. Все было кончено и здесь, в Австралии. И Мельбурн так же пуст, как и Сан-Франциско. Ветер гонит по пустынным его улицам, по обезлюдившей площади обрывки австралийских газет, пыль, мусор. И перед тем как погаснуть киноэкрану, зрители еще раз читают под занавес на протянутом через мертвую площадь полотнище обращенные теперь уже к ним слова: «Есть еще время, братья!» Еще не поздно. Остановитесь! Именно так звучит в финале этого фильма грозный, предостерегающий голос разума, обращенный ко всем народам нашей планеты, жаждущим простого земного счастья и мира.

Я пишу здесь не рецензию на эту виденную мной в Нью-Йорке картину, а всего лишь делюсь с читателем непосредственным своим впечатлением от наиболее сильных, волнующих, а порой и просто ошеломляющих ее кадров, не касаясь слабых, уязвимых, с точки зрения советского человека, ее сторон. Бесспорно одно. Фильм

создан высокопрофессиональными мастерами американского кинематографа, поднявшими свой взволнованный творческий голос против угрозы всему человечеству истребительной ядерной войны.

Нет, и в этой небедной непреходящими культурными ценностями и талантливыми людьми стране есть немало ревностных ценителей и поборников настоящего, подлинно прогрессивного искусства во всех его проявлениях. В театре. В музыке. В живописи. В кинодраматургии. В художественной литературе. Здесь есть восторженные почитатели такого превосходного мастера современной американской прозы, каким является Эрнст Хемингуэй. Есть и поклонники самобытно-яркого дарования старейшего, глубоко национального поэта Америки Карла Сендберга. (Буквально за день до нашего отъезда из Москвы в Соединенные Штаты мы имели удовольствие лично познакомиться с Сендбергом на приеме, устроенном в его честь Правлением Союза писателей СССР, где знаменитый поэт читал стихи, аккомпанируя при этом на гитаре).

Очень большой популярностью пользуется в современной Америке драматургия и проза А. П. Чехова. Любят здесь музыку Д. Шостаковича, не говоря уже о Сергее Рахманинове. В дни нашего пребывания в Нью-Йорке в театре Рената на Бликер-стрит шел чеховский «Иванов». Мы видели на углу Восьмой авеню и Сорок четвертой стрит кинематограф «Камес», в котором демонстрировались только наши советские фильмы. Американцы нам говорили, что наши кинокартины очень популярны не только в одном Нью-Йорке, но и в Сан-Франциско, в Вашингтоне и в Филадельфии, словом — везде, где они демонстрируются, и всегда идут при полных аншлагах. При нас в кино «Камес» шла наша «Баллада о солдате».

В программах фортепианных и симфонических концертов популярного в Нью-Йорке концертного зала Корнеги-холл значились произведения Мусоргского и Бородина, Глазунова и Прокофьева, Рахманинова и Шостаковича, и чаще всех этих блистательных имен значилось там имя Петра Ильича Чайковского — самого популярного в Америке русского композитора.

Часто звучит классическая русская музыка и по американскому радио. Так в Нью-Йорке мы слушали однажды «Седьмую симфонию» Глазунова в исполнении знаме-

нитого филладельфийского симфонического оркестра. В Вашингтоне, сидя в холле отеля «Вениамин Франклин», мы взволнованы были волшебными звуками бессмертного «Сентиментального вальса» Глинки. Впрочем, родные, хватавшие за душу мелодии русской симфонической оперной и камерной музыки нередко звучали по радио и в других городах Америки, сопутствуя нам в наших странствиях по далекой заокеанской земле, согревая и окрыляя душу.

Редактор еженедельного журнала «Саттэрдэй ревью» Норман Казенс говорил нам во время приема, устроенного в честь нашей группы, после просмотра фильма «На берегу»:

— В Нью-Йорке есть такая радиостанция, которая передает только серьезную музыку. Это говорит о том, что у нас в Америке далеко не все увлекаются рок-н-роллом, хула-хупом и прочей додекафонией. Если бы дело обстояло только так, мы не имели бы Вана Клиберна, хотя и открыла его нам Россия!

А побывав в Вашингтонской национальной галерее и в знаменитом Музее науки и искусств в Чикаго, мы заметили, что абстрактная живопись не занимает главенствующего положения среди реалистических полотен современного американских художников. Но обо всем этом я намерен поподробнее рассказать в иной главе путевой моей книги.

Да. Есть такие люди в современной Америке. И среди интеллигенции. И среди простого трудового народа. Но есть здесь и поколение потерянной для прогрессивного общества молодежи. Мы видели этих растленных комиксами, грошовой литературой, сумбурными программами американского телевидения и гангстерско-ковбойской копеечной кинематографией, нестриженных, нечесаных молодых людей. Все они—в расстегнутых до пупа, дикарски раскрашенных распашонках. В узеньких полутрусиках — полубрючишках чуть пониже колен. В расхлыстанных тапках на босу ногу. И девицы с ними — ничуть не краше, не чище своих спутников — дикобразов. Тоже не чесаны, кажется, отроду и не мыты. Потусторонние. С помутневшим блуждающим взглядом. И тоже — в затасканных тапках на босу ногу. Помела только этим барышням не хватает, а то — ведьмы!

Это так называемые битники. Они — вне всяких норм,

правил, приличий. Они не признают ни господ бога ни сатаны. Не верят ни воде, ни огню. Стыд для них — понятие весьма отвлеченное. Они — «за свободу любви», против всякой морали. Вот так!

Не один раз видели мы этих современных американских дикарей и дикарок в потоках густой бродвейской толпы. Мы видели их и в одном из подонских кабачков на Гринвич Виллидж — сбегованном районе всей нью-йоркской богемы. Кабак этот, именуемый кафе, походил внутри на древний могильный склеп. Траурно-черные стены его были украшены намалеванными белилами человеческими черепами со скрещенными под ними берцовыми костями. Стол же посреди склепа, за которым предавались по ночам мрачному разгулу эти заросшие, как бездомные псы, выродки, изображал огромный гроб.

Наши нью-йоркские друзья, сопровождавшие нас в этих ночных прогулках по достопримечательным местам Бродвея и Гринвич Виллидж, говорили нам, что «битники», собираясь вот в таких зловещих своих притонах, не только хлещут коньяк, ром или виски, но и читают с волчьим подвывом бредовые свои стихи.

Стихов мы в их вертепе не слышали. Но густой частокोल опорожненных и полупустых винных бутылок на гробовой крышке — видели. Осоловелых ублюдков в измызганных распашонках и полувменяемых от перепоя подружек их с мочальными лохмами тоже наблюдали, что называется, в естественной их обстановке. И те и другие настолько уже не вязали лыка, что даже и не удивились внезапному нашему появлению в их логове. Мы, разумеется, сделали вид, что ошиблись дверью. И особо не мешкая, постарались вовремя убраться подобру-поздорову из могильного убежища этих прохвостов на относительно чистой воздух ночной нью-йоркской улицы.

В тот же вечер удосужились мы побывать с добровольными нашими нью-йоркскими гидами и в некоторых других примечательных местах Грэт Уайт Уэя. А в том числе и одном из молодежных клубов приверженцев рок-н-ролла и хула-хупа. В этом клубе, сравнительно просторном, щедро залитом ярким светом зале, мы не сразу пришли в себя и долго не могли дать толку тому: куда попали? Прежде всего нас огорошила, оглушила в буквальном смысле здешняя джазовая музыка. Впрочем, музыки не было. Был чудовищный металлический грохот и скрежет.

Лязг и визг: Лай и рычание. Душераздирающий вой саксофонов, похожий на рев сирен полицейских автомобилей в ночном Нью-Йорке. Мороз шел по коже от истерического хохота и садистских воплей фигурных сверкающих труб. Громобой в этом зале стоял такой, что порой нельзя было разобрать слов о чем-то кричавшего тебе твоего соседа. И в лавинном извержении этих диких, сумасбродно-сумбурных звуков было немыслимо уловить какую-нибудь гармонию или признаки какого-то бы там ни было ритма. Я уже не говорю о мелодии. Угадывать ее во всей этой какофонии было бы так же нелепо, как ожидать что-либо путного от выступления самодеятельного оркестра душевнобольных в сумасшедшем доме, случайно завладевших, по недосмотру администрации, попавшими им под руку музыкальными инструментами.

Таковой, порожденная Америкой, так называемая додекафонная музыка — бред, переложенный на ноты гангстерами от композиции — духовными растлителями современной американской молодежи. Под такой вот вой никелированных труб и грозоподобный рокот раскатистых барабанов и танцевали на наших глазах в этом клубе пресловутый рок-н-ролл узкогрудые нью-йоркские сопляки и желторотые их подружки.

С первого раза не вдруг и определишь, что из этих двух зол неприятней и омерзительней — музыка или танец? Одно совершенно бесспорно: как и вся эта вакханалия рычащих, скрежещущих, ревуших и лающих звуков не имеет решительно ничего общего с подлинной музыкой, так и рок-н-ролл или хула-хуп — с танцем.

Говорят, что еще сравнительно недавно этот самый хула-хуп был всего-навсего только невинным детским спортом. Просунувшись сквозь большой нейлоновый, ярко раскрашенный обруч, ребятишки прыгали, вращая этот обруч вокруг себя энергичным движением тела. Приглядевшись к этой детской забаве, взрослые поняли, что веселая ребячья игра имеет большой практический смысл и для тех людей, которым пора было задумываться о сохранении стандартной талии. Попробовали — о райт! Не только весело, но и полезно...

А теперь в иных ночных клубах даже и рок-н-ролл почитается уже старомодным танцем. Хула-хуп — вот это да! Это — ультрасовременно! И от некогда безобидного веселого спорта ныне уже ничего не осталось. Кон-

вульсивные выверты талий и непристойное дергание бедер в нынешнем хула-хупе так же бесконечно далеки от былого здорового спорта, как не были сколько-либо схожи они и с тем, что принято понимать под даже самым экстравагантным танцем!

Мы недолго смотрели на конвульсивные извивания тшедушных парнишек и шустрых девиц, точно пронизанных электрическим током. Было такое впечатление, что озверевшие от садистского экстаза кавалеры норовили переломать к чертовой матери своим прытким барышням руки и ноги, а то и попутно свернуть им набок и шею. Судорожно отбрыкиваясь от агрессивных своих кавалеров, барышни, однако, то и дело кувыркались через их головы. Причем каждая из этих девиц позволяла при этом наглядно убеждаться зрителям в том, что она не приучена мамой носить кроме легкомысленного нейлонового платица и еще какие-то там трусики...

Покинув вскоре и этот вертеп, мы вышли вновь на Бродвей, натываясь тут на каждом шагу на стаи черных воронов — католических монахинь с ханжески-постными лицами, или на проповедниц и проповедников, ораторствовавших почти на всех поперечных улицах. Трибунами для таких здешних уличных ораторов служат, как правило, прихваченные с собой из дому какие-нибудь деревянные ящички. Задумчиво опершись на древко национального звездно-полосатого флага, престарелый оратор в ухарски заломленной набекрень сизой соломенной шляпе призывает с невысокой своей трибунки американских сограждан к спасению души, к смирению, к покорности богу. Свои призывы он то и дело подкрепляет цитатами из библии. Небольшая толпа зевак слушает его по-разному. Те, что постарше — с угрюмой вдумчивостью. Молодежь — со смешками, с озорными, а то и с язвительно-оскорбительными репликами в адрес оратора.

Через какой-нибудь квартал отсюда, на другой пересекающей Бродвей улице — длинная и костлявая, как сухостойная осина, леди в элегантном пепельно-сером платье долодонит в помятый рупор из белой жести тоже что-то о вере в создателя, о братстве и равенстве. Но эта уже без библии и без звездного флага. Зато в жилисто-цепких руках у нее — фанерный щит, похожий на снегоуборочную лопату. На щите надпись, свидетельствующая

о том, что эта леди проповедует истину божью от имени женской лиги борьбы за мораль.

Одна из таких сухопарых проповедниц — это была представительница уже другой религиозной ассоциации — трубила в картонный рупор о любви к ближнему, стоя, как памятник, на деревянном своем пьедестале посреди Таймс-сквера. Мимо стекла и текла бурлящая, как вода Ниагары, равнодушная и к добру и к злу бродвейская толпа. И среди этой толпы я вдруг увидел одного из тех «ближних», о любви к которым призывала сограждан сухопарая американка. То был пожилой, седоволосый слепой негр с собакой-поводырем. Настороженно-робким шагом брел он за умной своей овчаркой и печально-виноватая улыбка озаряла скульптурное, точно вылитое из бронзы, выразительное его лицо. Он шел по Бродвею с протянутой впереди себя алюминиевой кружкой, меланхолично позвякивая одинокой монеткой, перекатывающейся по ее дну.

Пройдет время. Забудется многое из иного, что виделось в дни моих странствий по этой далекой заокеанской земле. Но никогда не забуду я этого старого негра с собакой-поводырем на Бродвее и виновато-кроткой, печальной улыбки на незрячем, равнодушном окаменелобесстрастном его лице!

Мы проследовали за этим слепым нью-йоркским нищим через весь парадный Бродвей — от Пятьдесят девятой до Сорок второй улицы. И на всем этом пышном и ярком пути ни один человек из потока праздной толпы не бросил в кружку слепца ни цента...

— Что вас больше всего поразило в ночном Бродвее? — спросил меня во время приема, устроенного в честь нашей группы в Вашингтоне Национальным клубом печати, корреспондент газеты «Нью-Йорк джорнэл Америкен» мистер Ритчелл.

— Позы спящих людей на Таймс-сквере, — искренне ответил я Ритчеллу. — Сидя спать при таком ослепительном свете — это, по моему, пытка. Не так ли?

— Ко всему можно привыкнуть, сэр...

— Странная, однако, привычка! Но кто ж эти люди? Говорят, что — бездомные. Это верно?

— Вполне возможно, сударь... Но скорее всего это «хобо». Так у нас называют бродячих людей в Америке. В строгом смысле слова я бы лично не назвал их бездом-

ными. Потому что они — всегда в движении. Всегда в пути,— невесело пошутил Ритчелл.

— Но что же вынуждает их к этим скитаниям? — допытывался я у моего соседа по столу.

— Вероятно, естественное для каждого человека стремление найти лучшее место под солнцем...

По окольным уклончивым ответам мистера Ригчелла на мои вопросы было понятно, что он уходил от неугодного ему, случайно возникшего между нами разговора про бездомных скитальцев «хобо» с Бродвея. Корреспондент не хотел говорить за банкетным столом про многочисленное племя типичных американских бродяг, безнадежно потерявших некогда не только работу, но и свой угол, а то и семью.

Про таких людей в Америке говорят, что они «катастрофически теряют в весе». Это, оказывается, значит, что лишившись пособия по безработице, люди эти живут еще кое-как на последние гроши невеликих трудовых своих сбережений. Но приходит день, когда «вес их становится равным нулю», и тогда иные из них или ныряют с Бруклинского моста вниз головой в Гудзон, или продолжают скитаться по градам и весям великой, богатой страны, засыпая как где придется и питаясь у мусорных ям кухонными отбросами.

Таких «катастрофически теряющих в весе» людей и видели мы спящими вблизи невысокой садовой решетки Тамс-сквера в ночном Бродвее. Примостившись на узком ее гранитном фундаменте, они спали сидя, уронив в колени обреченно-понурые головы, заслонясь от жаркого бродвейского света клятвенно скрещенными перед лицом руками. Видимо, в какие-то радужно-иллюзорные сновидения погружены были они, обретя ненадежный ночной приют на этом сверкающем острове Бродвея — символа богатства Америки!

А богатство это выпирает здесь на каждом шагу — весомо, грубо, зримо. И соблазнительных товаров в зеркальных витринах торговых кварталов Грэг Уайт Уэя — невпроворот. Недаром же хвастают с наивным тщеславием американцы, что тут у них можно будто бы купить решительно все на свете, не исключая живой и мертвой воды. Петр Павленко, побывавший в Нью-Йорке вместе с А. А. Фадеевым в 1948 году, писал после, что на Бродвее, как его уверяли нью-йоркцы, можно было

действительно купить почти что угодно, за исключением только чистого воздуха. Теперь же, спустя десятилетие, оказалось, что здесь можно уже купить нынче и чистый воздух, сконденсированный в изящных, похожих на радиоприемники ящичках — глухо рокочущих аппаратах эр-кондишена!

Американцы шутят, что если вы, к примеру, не нашли какой-то до зарезу необходимой вам вещи в магазинах Бродвея, не огорчайтесь. Зайдите в любую аптеку и там вы найдете все. Драгстор — таково название этих аптек. В них продается и в самом деле решительно все. Горячие сосиски и нейлоновые дождевики. Зонтики и ячница. Порции свиной тушонки и штучные сигареты. Кукурузные хлопья и брезентовые башмаки. Порнографические сочинения в лакированных обложках и жевательная резинка. А иногда, как опять же острят сами американцы, здесь можно приобрести и таблетки от головной боли, или снотворные порошки — самое ходовое лекарство при чрезвычайно распространенной, как говорили нам, среди нью-йоркцев бессоннице!

Драгстор — явление типично американское. Заведение это здесь весьма популярно среди рабочего люда и мелких конторских служащих. Такие аптеки-закусочные сравнивают тут с заправочными бензоколонками. Второпях, впопыхах, с ходу здесь можно «заправиться» чашкой горячего кофе, проглотить сдобренную горчицей сосиску, или пожевать салат из морской капусты. Людям некогда. Времени у всех — в обрез. И хотя почти все эти люди, как и большинство прочих американцев, с ребяческой наивностью верят в то, что умрут миллионерами, однако пока что завтраки и обеды в кафе им не по карману. И подгоняемые вприхлест галопными темпами нью-йоркской жизни, резко разбегаются они на рысях в часы пик по этим аптекам...

Но не только бездомными людьми, ночующими на Таймс-сквере, поразил меня ночной Бродвей, но и равнодушием быстротекучей его толпы к уличным происшествиям и несчастным случаям, столь частым в этом грохочущем день и ночь городе.

Однажды, возвращаясь во второй половине ночи из бродвейского «Центра развлечений» — есть и такое тут заведение — к себе в отель, мы увидели на углу Сорок девятой улицы труп человека. Это был юноша с пышной

шевелюрой жгуче-черных волос, в веселой цветной ковбойке с засученными по локоть рукавами. Лежал он шагах в трех от тротуара навзничь, словно распятый на асфальте, с доверительно распростертыми на мостовой молодыми мускулистыми руками. И в изумленно раскрытых на мир глазах его мерцали тусклыми отблесками зарницы огней бушевавшей над непокрытой его головой бродвейской рекламы.

Был ли этот молодой человек обыденной жертвой бешеного здешнего потока разноцветных автомобилей, или же был он распят на горячем бродвейском асфальте мстительной гангстерской пулей,— этого мы не узнали от встречаемых прохожих, да и не могли бы, наверно, узнать при желании. Прошло примерно около четверти часа пока подоспевший полицейский автомобиль не подобрал с мостовой и не умчал затем невесту куда при неистовом вое грозной своей сирены тело этого юноши. И в течение всей четверти часа ни один человек из торопливой бродвейской толпы не замедлил поспешного шага, минуя труп юноши в веселой ковбойке.

Нью-йоркцы спешат. Одни — в ночные увеселительные заведения, в мюзик-холлы, в бары и в кабаре, другие — домой, и до убитого кем-то парня не было тут никому никакого дела. Люди шли и шли, пробегали мимо, будто вовсе даже и не замечая случившегося.

Равнодушия этой бурлящей бродвейской толпы к чужой беде нельзя позабыть, как никогда не забыть обреченно-понурых голов бездомных людей, нашедших ночью свой приют на ослепляюще ярком Таймс-сквере!

За сверкающим, зыбким гигантским занавесом рекламных огней Бродвея скрыто немало роскоши и предельного убожества, ослепительных дворцовых чертогов и жалких хижин, сказочного богатства и трущобной нищеты нью-йоркского «дна», соседствующего с Манхэттеном.

На Бродвее много всего. Великолепных универсальных магазинов с маршами эскалаторных лестниц и тесноватых, по провинциальному малопривлекательных лавчонок мелких предпринимателей. Утопающих в нейлоновых коврах дорогих кабаре, мюзик-холлов, дансингов и скромных танцевальных подвальчиков под дешевыми кинематографами, где посетители выбирают по фототеке партнерш, согласно предъявляемым контролерам ярлычкам-билети-

кам. По ярлычку за танец. При входе в один из таких подвальчиков мы видели черно-желтый плакатик над кассой, строго предупреждавший молодых людей, чтобы те вели себя со здешними барышнями вполне пристойно, не допуская никаких с ними вольностей, потому что девушки тут все порядочные, а потом — они на работе!

Есть на Бродвее такие солидные театры, как, например, «Винтер гарден», где играют драмы Шекспира, слегка переделанные применительно к современной американской жизни. Люди вполне объективные нам говорили, что в таких театрах есть интересные постановки, талантливые актеры и режиссеры, очень хорошая музыка, сопровождающая спектакли. Однако стоимость билетов на такие спектакли здесь довольно высокая — от 8 до 12 долларов. Но тут же рядом есть театры и совсем бесплатные. И в этих театрах есть интересные представления и одаренные актеры.

Здесь зрители знают и любят своих актеров и по окончании бесплатных представлений охотно вознаграждают их не только горячими рукоплесканиями, но и добровольными гонорарами. Покинув невеликий зрительный зал такого театра, посетители втихомолку расплачиваются в укромном месте за полученное ими удовольствие. Расплачиваются с доверенным лицом этого театра кто как может. Одни — долларовыми бумажками, другие — металлическими центами. Вознаграждать таким добровольным гонораром любимых артистов в помещении театра нельзя. В противном случае актерская труппа должна платить налоги.

Немало праздных зевак привлекает на Бродвее и так называемый «Центр развлечений». Это — помесь галантерейно-ювелирного магазина со спортивными зрелищами и увеселительными заведениями. Здесь большой выбор броских, чисто американских сувениров — от кровавадно рычащих, грозно вращающих огненными глазами нейлоновых львов, леопардов и тигров до стреляющих, или действующих как зажигалки, перочинных ножей, вдобавок опрыскивающих вас еще и дурными духами. Тут можно вдоволь налюбоваться собственной персоной, запечатленной на экране цветного телевизора — дорогой редкости, к стати сказать, еще пока и в Америке. Можно сфотографировать самого себя на макетном фо-

не Эмпайр стейт билдинг и тотчас же получить свою фотографию.

Под крышей Центра развлечений можно поупражняться в стрельбе из полуигрушечных пистолетов по прыгающим мишеням, или поиграть в настольный теннис. Механизированные американские оракулы — автоматы предскажут вам по дешевке — всего за полдоллара — самую радужную отныне и вовеки вашу судьбу. Жаждущих лучшей судьбы тут так много, что у никелированных кудесников очереди — не пробьешься. Но венцом всех здешних развлечений служит, конечно, газета, целиком посвященная только лично вашей персоне. Таковую газету, решительно ничем не отличающуюся по внешнему виду от всех прочих американских газет, вам отпечатают по заказу. И вы найдете на страницах этой личной газеты и свой портрет и уйму всяких дурацких советов о том, как преуспеть вам в бизнесе, в жизни, а еще больше — штампованных шуток и остроумия!

Таков Бродвей с его гигантским сверкающим занавесом рекламной феерии в районе Таймс-сквера — роскошного неоновом ковра у парадного нью-йоркского входа. Но и этот пышный ковер не прикрыл мрачно зияющих дыр на бродвейском асфальте — крутых лестничных спусков к захламленным, худо освещенным платформам нью-йоркского метро — кольцевой подземной дороги во круг Манхэттена.

Здесьняя подземка — самый дешевый, самый дряхлый и самый грязный вид транспорта в Нью-Йорке. Получив за десятицентовую монету в автомате металлический жетончик, ты предъявляешь его автоматическому контролеру при выходе на перрон, спуская этот жетончик в прорезь преградившей тебе дорогу вертушки. И вертушка, честно сработав, автоматически повернувшись вполоборота, пропускает тебя на платформу.

Вот тут тебе уже не Бродвей! Здесь — полумрак. Цементный пол перрона — в сигаретных окурках, в обрывках газет, в ворохах прочего мусора. Чудовищная смесь запахов. Пахнет многим. Жевательной резинкой. Чесноком. Гнилыми яблоками. Горячим асфальтом. Машинным маслом. Все тут скорее похоже на обшарпанный, мрачный, никогда не проветриваемый подвал, чем на станцию метрополитена. И мы, дивясь на это «дно» Бродвея, только кротко вздыхали, вспоминая с пощипывающей душу

тоской про подземные чертоги нашего московского метро, про нарядное блистание щедрых его огней в просторных, овеванных свеженьким ветерочком мраморных залах...

Но вот подошел к платформе невероятно грохочущий поезд с такими же малопривлекательными, похожими на допотопные наши трамвайчики старомодными вагонами нью-йоркской подземки. И в вагонах — не чище. Та же духота, что и на платформе. Пассажиров — битком. И странное дело, большинство из них, сидя по лавкам, запертво спят, — одни, ткнувшись головами в колени, другие, откинувшись на спинки сидений. Вагон на ходу грохочет, как шлакодробилка. Временами — как бы стонет. Его раскачивает, как в лихорадке. И единственным внутренним украшением его служат яркие рекламные плакаты, вприценку наклеенные на потолок. Но ночным пассажирам этих скрежещущих тряских вагонов, как видно, не до плакатов!

Набравшись терпения, мы завершили полный круг по кольцу огибающей Манхэттен подземки. И за все это время ни один из спящих в нашем вагоне людей не проснулся и не покинул вагон на очередной остановке.

— В чем дело? Кто эти люди? — спросили мы у сопровождавшего нас советского нью-йоркского старожилы.

— Одни из тех самых, которых мы видели с вами спящими у садовой решетки Таймс-сквера. Бездомные. Их тысячи. И местное метро — их общая колыбель. Там, наверху, их может спугнуть полиция. Здесь спокойнее. За свои десять центов ты можешь кружиться на этой чертовой карусели вокруг Манхэттена все двадцать четыре часа в сутки в полное свое удовольствие!.. — последовал невеселый ответ нашего спутника.

Покинув наконец с немалой душевной отрадой грелее подземное логово нью-йоркского метрополитена на одной из его трущобоподобных станций на Пяльдесят шестой улице, мы нашли здесь в заранее обусловленном месте поджидавшего нас на автомобиле корреспондента «Правды» в Нью-Йорке Бориса Стрельникова и поехали с ним туда, куда никогда бы не попали с бдительным нашим гидом мистером Парксом. Через несколько минут — это было совсем по-соседству с Бродвеем — оказались мы на глухой, малоосвещенной улице. То была знаменитая «Улица пьяных» в Бауэри — самом смрадном трущобном «дне» Нью-Йорка.

Прежде всего поразила нас эта улица странным, совершенно непривычным для этого города явлением — отсутствием на ней автомобилей, а затем — обилием фериически пьяных людей. Они бродили тут, как тени, пошатываясь, и небольшими артелями и в одиночку. Вели себя эти люди на своей улице довольно непринужденно. Одни возвращались из подонских баров Гарлема с дикими песнями, другие — с бранью. А третьи, так и не дотянув до своих берложьих ночлежек в окрестных трущобных кварталах, валялись посреди тротуаров или на мостовой.

— Вот вам, товарищи, Бауэри и его обитатели — нью-йоркские «бывшие люди».

— Кто в прошлом они?

— Бывшие писатели и знаменитые киноартисты, биржевые маклеры и адвокаты, прогоревшие бизнесмены и профессора, навсегда потерявшие свои колледжи. Говорят, что в Бауэри и ныне здравствует знаменитый в двадцатых годах актер немого кино Америки Джон Фицджеральд, — рассказал нам Борис Стрельников.

— Что же случилось с ним? Что привело его в Бауэри?

— Век звукового кино. Джон, утверждают, был великим мастером мимики. Но у него никуда не годился голос — он шепелявил. И вот — падение за падением. С вершины Голливуда — в богемные кабаки Гринвич Виллидж. Оттуда — в эти страшные трущобы Бауэри. А тут уж конец. Отсюда еще никто и никогда не возвращался к былой более или менее нормальной жизни. Так говорят о трущобах Бауэри сами американцы, — заключил нью-йоркский старожил — наш соотечественник.

Затем мы проехали в Гарлем. Таким голландским словом — здесь некогда жили голландцы, называвшие Нью-Йорк Новым Амстердамом, — называется район, примыкающий к Центральному парку, где живут негры. Их здесь около полумиллиона. Это — три четверти всего негритянского населения Нью-Йорка. Говорят, что если все население Америки поселить только в одной любой половине Нью-Йорка, то тогда образуется скученность Гарлема.

Неопрятные обшарпанные дома со множеством металлических лестниц на фасадах, выходящих на улицы.

Интересуемся:

— Почему здесь так много пожарных лестниц?

— Потому что ни в какой другой части Нью-Йорка не возникает столь частых пожаров, как в Гарлеме.

— А это чем объяснить?

— Невероятной скученностью Гарлема.

После фешенебельной Пятой авеню — улицы архимиллионеров, гангстеров, кинозвезд, с ее роскошными универсальными магазинами (тоже примыкающей к Центральному парку) улицы Гарлема поражают захламленной нечистоплотностью, хотя район этот находится в центре Нью-Йорка. Тротуары захламлены бумажными обрывками, пустыми консервными банками, разодранными картонными коробками и прочим мусором. По всему видно, — живут тут люди впритирку. Белых совсем не видно. Хозяева скромных магазинов, аптек, ресторанчиков, кафе — негры, чего не увидишь в Нью-Йорке нигде больше, кроме Гарлема.

А между тем мистер Паркс, да и некоторые другие американцы, как только возникал у нас разговор о неграх, уверяли нас, что не только в Нью-Йорке, но якобы и во всей стране не существует никакой дискриминации. При этом они не забывали подчеркивать, что Верховный суд Соединенных Штатов объявил, например, незаконной сегрегацию в государственных школах.

Однако такое решение Верховного Суда Америки, принятое под решительным нажимом американской общественности, писано, видимо, не для оголтелых расистов Юга, где по-прежнему закрываются по приказу губернатора школы совместного обучения белых и негров.

О событиях в Литл Роке, где по губернаторскому приказу были закрыты для негров школы, незадолго до нашей поездки в Америку много писала вся мировая пресса.

Изоляция негритянского населения Нью-Йорка в одной строго очерченной зоне этого города убедительно говорит о том, что негры не в чести у белых аборигенов Америки, как, впрочем, об этом говорят и многие другие факты.

Путешествуя по городам и дорогам Америки, мы вдоволь нагляделись на негров, занятых главным образом на черной физической работе. То были заправщики бензоколонок и мойщики автомобилей. Слуги в отелях или лакеи в барах. Носильщики или грузчики. Окномой

небоскребов или уличные подметалы. Продавцы газет и батраки на крупных сельскохозяйственных фермах.

Нам говорили, что немало среди негров и рабочих промышленных предприятий, но еще больше их среди людей, потерявших работу. К тому же труд негров, как и труд женщин, в Америке оплачивается вдвое меньше заработка белого рабочего.

В самом Нью-Йорке существуют места, куда запрещен вход неграм. Им не дозволено пользоваться общественными уборными на некоторых фешенебельных улицах. Они не могут снять номера ни в одном из отелей, где проживают белые. Правда, законом это не воспрещено ни в Нью-Йорке, ни в любом прочем американском городе. Но хозяин отеля никогда не рискнет сдать комнату негру, потому что некоторые белые могут тут же покинуть этот отель. Об этом тотчас же напишут в газетах. И тогда такой отель может навсегда лишиться белых постояльцев.

По такому же неписанному закону негр никогда не в праве забывать про слово «сэр» или «мистер» при разговоре с белым, как всегда, должен первым уступить дорогу белому.

К большому нашему огорчению, нам так и не удалось побывать ни в одной из негритянских квартир в Гарлеме. Зато в этот же вечер мы, благодаря неутомимому добровольному гиду, навестили квартиру американского рабочего Френа Рейдлоса, проживавшего в «Хау-зинг-проджект» — домах муниципального строительства. Эти многоэтажные стандартные дома из каленого кирпича строятся за счет благотворительных сборов и налогов в некоторых районах Нью-Йорка, правда, в весьма ограниченном количестве.

Френ Рейдлос был давнишним знакомым нашего советского проводника — нью-йоркского старожила.

— Так мы сразу можем убить двух зайцев,— сказал нам надежный наш гид, предложивший заехать к Френу Рейдлосу.— Во-первых, вы посмотрите на дома «Хау-зинг-проджект». Во-вторых, увидите, как живет американский рабочий, и мы сможем потолковать с ним в кругу его семьи по душам.

Френ — радиотехник. Это радушные гостеприимные люди. И Френ и жена его Хельди, как только мы встречались, без умолку наперебой расспрашивали меня о Со-

ветском Союзе. Оба очень страстно мечтали вслух о туристской поездке в Россию... Но вот уже минуло полгода, как мы не встречались. Словом, у меня есть повод навесить старого приятеля. Едем, — заключил наш проводник и водитель автомобиля.

Через полчаса мы остановились возле десятиэтажного кирпичного дома. Затем, поднявшись на девятый этаж, позвонили в квартиру. После того как наш провожаемый назвал себя, дверь нам открыла худенькая, похожая на подростка миловидная женщина. Это была миссис Хельди Рейдлос — супруга Френа. У нее был усталый взгляд, полуясная слабая улыбка, какая бывает у людей, недавно перенесших затяжную болезнь.

Квартирка невелика. Две комнаты. Кухня. В одной из этих комнат спали трое детей Рейдлосов, в другой, почти лишенной мебели, мисс Рейдлос принимала нас за круглым низеньким столиком со стульями дачного типа.

Встреча была не ахти веселой. Еще печальней — рассказ миссис Рейдлос о беде, так внезапно обрушившейся на голову ее мужа, на всю их семью.

— Ах, как все хорошо у нас складывалось полтора года тому назад, когда мы сняли эту квартиру. После трущобной дыры в Бруклине, где мы с Френом ютились, эта квартира в доме «Хаузинг-проджект» казалась мне раем. Ванная. Холодильник. Телефон. Телевизор. Чего же желать мне лучшего?!.. Но счастье это нам улыбалось недолго. Около пяти месяцев тому назад Френ потерял работу. А вы знаете, господа, что значит остаться у нас в Америке без работы? И вот Френ пятый месяц катастрофически «теряет в весе». Работы нет. И нет пока никакой надежды получить ее в ближайшее время.

— А как с пособием по безработице?

— Выплачивают. По законам нашего штата, безработные получают пособие в течение шести месяцев. Но что это за пособие? Да, мы и трое наших детей пока не можем умереть с голоду. У нас есть еще в доме и кофе и сэндвичи. Но нам нечем платить за обстановку, за вещи, взятые нами в кредит. У нас уже увезли не оплаченный нами холодильник. Давно отключен телефон. Через две недели я лишуюсь стиральной машины. Чуть попозже лишимся мы и телевизора. Ну, а там придется оставить и эту квартиру...

— Не стоит отчаиваться, миссис Рейдлос. Все еще может уладиться. У Френа — золотые руки, — стал успокаивать, как мог, молодую женщину наш проводник, давнишний знакомый семьи Рейдлосов.

— Да, но мы уже у порога нищеты. И что будет с нашими детьми завтра, этого я не знаю...

— Где же Френ? — спросил наконец наш гид у миссис Рейдлос.

— Как всегда с утра допоздна бродит по Нью-Йорку все с той же тщетной надеждой найти какую-нибудь работу. Все равно какую. И как всегда возвращается конечно ни с чем — угрюмый и раздражительный. О, вы теперь не узнали бы Френа!..

Мы понимали, что пора было уходить. Поднялись с жидких стульев. И молодая усталая женщина сказала нам с виноватой улыбкой:

— Жаль, что я не могу вам предложить, господа, по чашечке кофе...

С тяжелым сердцем покинули мы эту квартиру в «Хаузинг-проджект», тепло попрощавшись с хозяйкой, на хрупкие плечи которой свалился такой тяжелый груз лихой, редко поправимой беды, какая грозит в любую минуту обрушиться в этой стране на голову всякого рабочего человека — единственного кормильца семьи, лишенной иных средств к более-менее нормальному существованию.

На обратном пути в свой отель мы, подавленные всем тем, что увидели и услышали в Нью-Йорке за этот поздний августовский вечер, долго молчали. Мы увидели то запретное, чего не принято в Америке показывать иностранцам, а тем более нам — посланцам великой Советской страны, дерзновенным делам и свершениям которой не перестают изумляться простые, жаждущие мира и дружбы с нашим народом трудовые американцы.

Был поздний час.

Все глуше и глуше рокотали в ночном Нью-Йорке прибойные волны понемногу ненадолго затихавшего штормового уличного движения. И только все учащавшийся к ночи рев сирен полицейских автомобилей, то и дело пролетавших вихрем по разным стрит и авеню, напоминал нью-йоркцам о том, что в громадном, погружавшемся в тревожные сновидения городе, как всегда в эту пору, не дремали подлинные хозяева ночи — гангстеры!

А бредовые, падушие, конвульсивно вздрагивающие немеркнущие огни Бродвея продолжали пылать и пылать в глухой и душной нью-йоркской ночи, ослепляя людей привораживающим, колдовским, магическим своим светом.

В канун нашего отъезда из Нью-Йорка в Вашингтон наш спутник по заокеанскому путешествию Александр Чаковский выступал с рассказом о советской литературе по нью-йоркскому телевидению.

— Не забудьте, товарищи. Ровно в шесть часов. Тринадцатая программа,— напомнил нам еще раз Александр Борисович, уезжая в телестудию.

Мы собрались в одном из номеров отеля «Говернор Клинтон» и уселись около телевизора смотреть и слушать нашего товарища.

Дня за три до этого, прогуливаясь по Пятой авеню, мы заглянули в один из громадных магазинов, торгующих телевизорами. В магазине было множество телевизионных аппаратов различных размеров, форм и расцветок. Но больше всего таких телевизоров, какие украшали наши номера в отеле «Говернор Клинтон»,— квадратные ящики на низеньких ножках с очень большим экраном. В этом же магазине видели мы и переносные телевизоры, похожие на обыкновенные дорожные чемоданы, снабженные усиками антенн, которые, впрочем, нажатием кнопки тоже могут быть упрятаны в этот чемодан.

«Ти-ви» так называются телевизионные аппараты в Америке. И аппараты эти, надо сказать, нам понравились. Понравились они нам прежде всего их стабильностью. И на любую из тринадцати программ нью-йоркского телевидения можно переключаться без всяких подрегулировок простым поворотом кнопки.

Телевизионные передачи по всем программам ведутся с утра до позднего вечера. Обеспечить такое количество программ содержательными передачами — дело нелегкое, если бы даже к участию в телевизионных передачах были привлечены все лучшие интеллектуальные, творческие силы нации.

Но Соединенные Штаты, как известно, никогда не претендовали на мировое первенство в создании духовных ценностей. И величайшее творение электроники — телевидение превратилось в этой стране в орудие одурманивания, оглушения, оглупления людей. Извращенный

характер использования технических изобретений при капитализме особенно наглядно виден на примере американского телевидения.

В Америке — миллионы телевизоров. Вся страна опутана густой телевизионной сетью. А множество радиорелейных и кабельных линий позволяют городам, расположенным иногда и на тысячи миль один от другого, обмениваться своими телевизионными программами.

«Комната американца может быть без окна, но только не без телевизора!» — говорят американцы.

И эта крылатая в современной Америке формула свидетельствует о том, что телевизор прочно вошел в американский образ жизни, превратившись в самый необходимый предмет быта.

Все телевизионные станции Америки финансируются торговыми фирмами — поставщиками телевизионных реклам. И эти рекламы являются подлинным национальным бедствием американского телевидения, превращая его передачи в бурные потоки невероятного сумбура, вздора, пошлятины, уголовщины, чепухи, доходящей до полной бессмыслицы, до абсурда. Недаром же один из американских журналистов сказал как-то нам, когда у нас завязался разговор об американском телевидении:

— Смотреть телевизор — это неинтеллигентно!

Однако миллионы американцев все свое свободное время проводят у телевизоров, заменивших им окно в мир, в живую жизнь. Там, в мире, половина населения нашей планеты охвачена страстной борьбой за торжество мира во всем мире. Здесь, в окне американского телевизора, его зрителям с утра до вечера твердят одно и то же, внушают различными изобразительными средствами мысль о том, что главная цель современного человеческого существования заключается в азартной гонке вооружений. Подводные лодки и летающие снаряды, ракеты и танки, авианосцы и эскадры морского военного флота, марши десантных войск и ядовитые грибы атомных испытаний — вот неперменные кадры ежедневных передач всех многочисленных каналов американского телевидения.

И все это, лихо перетасованное с шулерски подобранными эпизодами и фактами, вырванными из жизни, подается вперемешку с густым месивом рекламных трюков и вывертов так, что оглушенный, ошарашенный, сби-

тый с толку американский телезритель видит сквозь нечистое окно своего телевизора, заменившего ему дневной божий свет, мир в искаженном виде.

Один из телевизионных каналов нью-йоркского телевидения забит серией непрерывных телеконкурсов. Приглашенных в телестудии прямо с улицы первых попавшихся под руку людей заставляют здесь разгадывать всякие ребусы и загадки, превращаться в канатоходцев, в жонглеров и акробатов, лаять по-собачьи, бегать на четвереньках, изображая разыгравшихся орангутанов, бросающихся на добычу тигров, расвирепевших дикобразов и прочих зверей, названия которых выпадает им изобразить в телелотерее. Победителей в этом конкурсе на глазах у зрителей премируют.

По другим каналам идут кинодрамы с поцелуями, мордобитием, автомобильными гонками-погонями, садистскими убийствами, ковбойскими скачками с худо замаскированной порнографией. Но ни по одному из телевизионных каналов нельзя просмотреть такой фильм от начала до конца, как скажем, в кинотеатре. Нет, здесь демонстрация этих фильмов то и дело прерывается не только в момент обострившегося действия, но и просто так — за здорово живешь — в любую секунду, на любом кадре.

Так произошло и во время выступления по нью-йоркскому телевидению Александра Чаковского.

Ровно в шесть вечера мы включили тринадцатую программу и почти тотчас же увидели сидящего за круглым столом телестудии нашего спутника. Затем к Чаковскому подсел молодой человек — журналист, сотрудник нью-йоркского телецентра. И между ними потекла мирная беседа в форме вопросов и ответов о советской литературе.

Но не успел на пятой минуте своего выступления открыть Александр Чаковский рта, чтобы ответить на очередной вопрос своего собеседника, как вдруг оба они мгновенно исчезли, как привидения. Стало похоже, что в этот момент в телестудию ворвалась гангстерская банда. Мы оторопели.

Замелькали озверелые, залитые кровью, искаженные сатанинской яростью лица полицейских верзил и проворных грабителей, ринувшихся в рукопашную схватку с преследователями. Трещали под увесистыми кулаками тех и других свороченные набок скулы. Кровоточили ра-

ны. Один поджарый джентльмен, на мгновение чем-то напомнивший нам Александра Чаковского, вдруг вынырнув откуда-то из-за стола, бычьим ударом головы в живот сбил другого джентльмена в роговых очках...

— Ол райт. Все ясно. На экране телевизора шел голливудовский боевик.

Рукопашная схватка между полицейскими и гангстерами перешла затем в погоню полицейских автомобилей за роскошным «кадиллаком», на котором улепетывал от них преступник — бесподобный красавец, похожий на лорда Байрона. Спасаясь от своих преследователей, герой мчался с ракетной скоростью в автомобиле по извилистой узкой дороге, чудом избегая на крутых виражах столкновений со встречными машинами. Но это нисколько не мешало лихому красавцу, сидя за рулем отстреливаться от наседавших полицейских и целоваться с сидящей рядом демонической женщиной — до предела декорированной дамой с мерцающими глазами.

Но вот после поцелуев гангстерского рыцаря с хищной своей красавицей в глубинах телевизионного экрана вновь показался печально сидевший за столиком Александр Чаковский.

Мы облегченно вздохнули.

И прерванная на полуслове внезапным вторжением гангстерского фильма беседа о советской литературе вновь зазвучала по тринадцатому каналу нью-йоркского телевидения.

Но и на этот раз звучала она недолго — опять что-то не более пяти-шести минут. Вновь, прервав свою речь на полупhrазе, Александр Чаковский вместе с его собеседником внезапно исчезли. Мы увидели теперь уже лощеного джентльмена с чаплинскими усиками. Выйдя на крупный план телевизионного экрана крадущейся походкой, он, жонглируя какими-то объемистыми склянками и флакончиками, принялся доверительно-вкрадчивым голосом рассказывать про колоссальные достоинства нового стопроцентного средства от пота под мышками (вот в этой скляночке) и такого же невероятно ошеломляющего нового состава жидкости от перхоти (вот в этом флакончике).

Снова появился Александр Чаковский со своим собеседником, и они вновь попытались довести до конца начатый разговор о современной советской литературе.

Но это им удалось опять-таки частично. Хоть на минуту, а беседа и под конец прерывалась. То предлагалась лучшая в мире зубная паста «Клинин». То — лучшие в мире сигареты «Филипп Морис», курение которых страхует вас на сто процентов от рака. То предлагали купить стопроцентный драклоновый костюм — не мнется и не нуждается после стирки в утюжке.

Тринадцатый канал нью-йоркского телевидения, по которому выступал Александр Чаковский, не являлся исключением в системе телевизионных передач Америки.

Как в американской прессе реклама занимает семьдесят пять процентов газетной площади, так и в телевидении Соединенных Штатов ею забиты все каналы телевизионных программ. Торговые фирмы платят телевизионным компаниям огромные деньги. Каждая минута рекламы обходится им от двадцати до сорока тысяч долларов! Дать рекламное объявление по телевидению — это значит размножить его в миллионы экземпляров, а таких тиражей не имеет ни одна из самых крупных и влиятельных американских газет. И все это привело к тому, что реклама превратилась в язву, в бич американского телевидения.

Путешествуя по Америке, мы в любом из отелей любого ее города, где нам пришлось побывать, находили телевизор и вольно или невольно тянулись в свободные минуты к нему. Щелкали кнопками. Переключались с канала на канал, с программы на программу. Но нам так и не удалось напасть на начало передававшихся по телевидению фильмов или спектаклей, как не хватало сил дожидаться и их конца. Тому мешала реклама.

И не только мешала. Это раздражало. Нервировало. Доводило до бешенства, когда ты, щелкая рукояткой стабильного американского телевизора, менял одну программу на другую, тщетно надеясь избавиться от этих рекламных трюков и фокусов, грубо разрушавших цельность восприятия некоторых интересных, содержательных передач.

Заглянув в широкие окна американских «ти-ви», мы убедились, что телевизионные компании Америки очень охотно, с подчеркнутым удовольствием показывают своим зрителям задворки нашей советской жизни, наши советские города, села, нарочито отснятые, так сказать, с черного хода, шулерски подтасовывая факты, искажая

светлый облик нашей страны, экономики, культуры и быта великого ее народа. Даже в те исторические памятные дни, когда простые люди Америки с непритворным душевным волнением и интересом ждали предстоящего визита в Соединенные Штаты главы Советского государства — Никиты Сергеевича Хрущева,— даже и тогда мутно-зеленоватая пена «холодной войны» нет-нет да и закипала в окнах американских телевизионных экранов.

«Смотреть телевизор — это неинтеллигентно!» Вспоминая об этой фразе, брошенной как-то в разговоре с нами одним американским журналистом, мы потом убедились в том, что телевизионные компании Америки превратили это великое деяние человечества в орудие духовного растрепывания американской нации. Американский телевизор не в состоянии, глядя в окно своего телевизора, воспринимать подлинное искусство. Помехой тому — серии грабежей, разбоев, налетов, убийств, сексуальных преступлений, предательств, которыми кишмя-кишат все идущие по телевидению гангстерские фильмы. А конвульсивные спазмы так называемой додекафонной музыки — рок-н-ролла и хула-хупов способны только лишь оглушить, одурманить утомленного, сбитого с толку всем этим вздором американских телепередач зрителя и привести его в конце концов к одному — к обострению неврастности, к психозу.

Недаром же Америка по количеству врачей-психиатров, так же как и по числу астрологов в этой стране,— занимает первое место в мире!

Безупречной чистотой и идеальным сервисом в номерах вашингтонский отель «Коммодор», где мы оставились, напоминает отель «Вениамин Франклин» в Филадельфии. Все стаканы стерилизованы — в целлофане. Толдюжина полотенец и стопки салфеток для бритья в герметической упаковке. Даже над унитазом ленточка с голубым крестом и надписью: «Это — для вашего здоровья!» В список сервиса помимо стирки и утюжки входит химическая сухая чистка верхнего платья. Администрация отеля уверяет при этом, что после чистки ваш костюм будет выглядеть лучше нового. Сдать в стирку и чистку вещи можно в любой час дня и ночи. Для этого надо только повесить эти вещи внутрь двойной входной двери

номера. Их возьмут служанки бесшумно, не беспокоя вас, как и вернут их, не стучась в номер.

Как и в филаделфийском отеле «Веннамин Франклин», так и здесь, в Вашингтоне, администрация отеля «Коммодор» утверждала в красочно изданных проспектах сервиса, что мы находимся в лучшем отеле американской столицы — это во-первых! Во-вторых, вы должны останавливаться здесь каждый раз! В-третьих, живя в этом отеле, вы будете чувствовать себя счастливейшим человеком на нашей планете!

Все это, разумеется, чрезвычайно приятно. И не так уж, видно, сложно и хлопотливо в смысле, так сказать, организационно-техническом, проявление такого внимания к постояльцам отеля со стороны его администрации. Однако стоит этот сервис недешево. Платить по двадцать долларов в сутки за номер в этом отеле не по карману даже и среднему американцу.

Американцы называют свою столицу городом-музеем. И Вашингтон по сравнению с Нью-Йорком действительно относительно тихий город, и тишина эта, похоже, близка к музейной... Правда, нередки в этом городе-музее и случаи нарушения его покоя бурными демонстрациями армии безработных, стекающихся время от времени к столице Соединенных Штатов со всех концов страны, а то и вспышками не менее бурных митингов протеста против политики правительства, поддерживающего сторонников «холодной войны», — митингов, происходящих на вашингтонских площадях, перед мемориальным памятником Линкольну, против Белого дома, в парках, на улицах...

Американцы очень гордятся вашингтонскими памятниками. А памятников здесь много. Чуть ли не каждое дерево в Вашингтоне — памятник. Потому что в течение многих лет делегации разных штатов сажали эти деревья в память американских солдат, павших на поле брани в годы гражданской войны Севера с Югом, в годы первой и второй мировых войн. И не только в память отдельных солдат, но и в память целых войсковых подразделений — отрядов, полков, дивизий.

Мы посетили в Вашингтоне знаменитое Арлингтонское кладбище, где покоятся останки американских солдат, погибших за время всех войн, которые вела в своей истории Америка. Кладбище это расположено невдалеке от города, по ту сторону реки Потомак, в парке, на геогра-

фической территории уже Южных Штатов. Оно ничем особо не примечательно. Все те же похожие на пни ровные шеренги гранитных надгробий без могильных холмов. Но на Арлингтонском кладбище находится Могила Неизвестного Солдата, у которого каждые сутки в три часа пополудни происходит торжественная церемония смены караула.

Мы наблюдали этот ритуал вместе с большой толпой американцев, прибывших сюда только для того, чтобы полюбоваться на обрядовую церемонию — смену караула. На небольшой площадке перед белой гробницей «Могилы Неизвестного Солдата» ходил взад-вперед молодой рослый американский солдат, вооруженный винтовкой. Ходил он легкой, скользящей, близкой к полубегу походкой, делая какие-то весьма сложные па на поворотах.

В три часа дня показался разводящий офицер с таким же рослым и молодым американским солдатом. Даже очки у обоих солдат одинаковые — темно-зеленого цвета. Встретившись, оба солдата проделали несколько театральных упражнений своими винтовками, и первый солдат уступил место второму. И второй, той же легкой, скользящей, похожей на полубег походкой принялся маршировать взад-вперед мимо белого надгробия под восхищенными взглядами публики.

Молодого солдата, только что снявшегося с поста почетного караула, окружают плотным кольцом девицы и, сияя улыбками, фотографируются с ним, как с каким-нибудь прославленным национальным героем. А солдат этот, судя по его картинной позе и расслабленной благосклонной улыбке, и в самом деле, видимо, мнит себя в кругу юных своих поклонниц национальным героем.

Потом мы зашли в небольшое здание — музей, расположенный неподалеку от гробницы, где хранятся ордена и регалии погибших воинов. Здесь царил благоговейная тишина. Посетители, разглядывая боевые реликвии павших солдат и офицеров, разговаривали полупшепотом. Одна из пожилых американок, под руку поддерживаемая седовласым супругом, со вздохом сказала:

— Ах, кому и зачем только нужны эти жертвы?!

И старый супруг в ответ на эти ее слова тоже вздохнул и кивнул седой головой.

После Арлингтонского кладбища мы поехали осматривать памятники национальной славы Америки — творцу

«Декларации независимости» Джефферсону, борцу против колониализма Джорджу Вашингтону, врагу расизма Аврааму Линкольну.

Знакомство с памятниками начали с так называемого «Карандаша» — обелиска в честь Джорджа Вашингтона. Этот гигантский граненый обелиск, взмывший к небу, и в самом деле напоминает стоймя поставленный карандаш с заостренной вершиной.

Выйдя из автомобилей, становимся в длинную очередь к обелиску. Пока продвигаемся к лифту, на котором предстоит нам подняться на вершину обелиска, слушаем по радио рассказ о жизни и деятельности Джорджа Вашингтона.

— Он был первый на войне, первый в деле мира и первым остался в сердцах своих соотечественников! — переводит нам слова американского диктора о Джордже Вашингтоне мой пресновский одностаничник сотрудник посольства Геннадий Севастьянов, сопровождавший нас в этой экскурсии, и уже от себя добавляет: — А хорошо сказано, товарищи. Не правда ли?

— Очень хорошо,— соглашаемся мы с нашим гидом.

Наконец доходит до лифта и наша очередь. Лифт скоростной. И мы в мгновение ока оказываемся на вершине гигантского обелиска, на площадке осмотра. Вид отсюда на Вашингтон замечательный. Потонувшая в бульварах и парках американская столица — как на ладони. Стоял жаркий, безветренный солнечный день. Ослепляюще ярок был блеск городских зеркальных прудов, вкрапленных то тут то там в зеленые парковые массивы.

— В Вашингтоне деревьев больше, чем в любом другом городе на земле с равным нашей столице количеством населения,— сказал нам мистер Паркс.

— Ну, это как сказать, мистер Паркс,— возразил ему мой одностаничник.— В столице Казахстана — Алма-Ате деревьев, пожалуй, ничуть не меньше.

— О, этого не может быть, сэр!

— Если даже не больше,— подтвердил я вслед за Геннадием Севастьяновым.

Тут же замечаю. Обилием зелени, прямыми улицами, похожими на парковые аллеи, Вашингтон иногда сильно напоминал мне Алма-Ату, как иные уголки нашей столицы напоминают мне теперь некоторые памятные места Вашингтона...

С вершины обелиска мы спускались уже не на лифте, а по широкой металлической лестнице, идущей внутри этого мемориального памятника. На мраморных досках, вделанных в стены обелиска, надписи — изречения от каждого штата.

— «Айова. Все чувства, как реки, текут в единый нерушимый союз!» — читает в переводе на русский язык Геннадий Севастьянов. — А это: «Калифорния — самая младшая сестра великого союза — вносит этот золотой свой вклад в память своих отцов».

Подписи других штатов говорили о свободе, о равенстве, о единстве.

— Да, в прошлом, как видите, было общано немало хорошего американскому народу. Но то — в прошлом... — замечает вскользь, продолжая читать мемориальные изречения, наш соотечественник.

Покинув прекрасный обелиск Джорджа Вашингтона, мы направились пешком к мемориальным дворцам Авраама Линкольна и Джефферсона. Оба сооружения — одно прямоугольное, другое круглое — возвышаются среди прекрасного парка, где растет много японской вишни. Внутри мемориальных дворцов — величественные бронзовые статуи двух великих президентов Америки.

Вместе с потоком американцев мы поднимаемся по пятидесяти шести гранитным ступеням к памятнику Авраама Линкольна. Пятьдесят шесть ступеней соответствуют числу лет, прожитых президентом. Он был убит через несколько дней после завершения войны с рабовладельческим югом рукой подосланного наемника — артиста театра, на представлении которого присутствовал этот великий сын американского народа.

Мистер Паркс, вступая в роль нашего гида, ничего не сказал нам о той самоотверженной борьбе Авраама Линкольна, которую вел он против рабства, — борьбе, которую Владимир Ильич Ленин называл прогрессивной, революционной, несмотря на то, что Линкольн служил буржуазии. Зато мистер Паркс с упоением говорил о другом — о стоимости этого монумента.

— Этот памятник стоит три миллиона долларов, господа! — сообщил нам первым делом американский гид. — Он построен из мраморных плит Алабамы и Колорадо, из известняка Индианы и Джорджии.

Геннадий Севастьянов переводит по-русски нам надпись на стене дворца над головой президента.

«В этом храме так же как и в сердце народа, для которого он сохранил единство нации Соединенных Штатов, память об Аврааме Линкольне сохранится у нас навеки!»

— Уничтожением бесправия в нашей стране мы обязаны этому великому человеку! — говорит мистер Паркс, указывая театральным жестом на статую Линкольна.

Геннадий Севастьянов, вздохнув, вполголоса говорит нам:

— Я покажу вам, товарищи, места в Вашингтоне, куда запрещен вход неграм. И вообще...

Мы помолчали, хорошо понимая, о чем хотел сказать молодой советский дипломат, превосходно знавший о том, каким «равноправием» пользуются в этой стране негры.

Покидая памятник Авраама Линкольна, мы запомнили надпись, начертанную на мраморе одной из внутренних его стен: «Делать все, — гласит текст этой памятной надписи, — для достижения и сохранения справедливого и прочного мира внутри нашей страны и со всеми народами земного шара!»

Таков был завет Авраама Линкольна будущим поколениям американцев. И простые люди Америки, свято чтя память великого президента, остаются и поныне верными в душе этому прорицательному завету. Народ не хочет вражды и междоусобных войн с другими народами. Он хочет жить — как живут всякие добрые соседи — в согласии и мире с народом и нашей страны — великой Советской державы.

Но одно дело — простые люди Америки. Другое — некоронованные ее короли, властолюбивые диктаторы с Уолл-стрита и военные авантюристы, укрывшиеся за зловещими крепостными стенами мрачного вашингтонского сооружения — Пентагона.

По дороге из Вашингтона в Маунт-Вернон — родовое имение первого президента Америки Джорджа Вашингтона, мы, пересекая реку Потомак, видели на левом ее берегу гигантскую гранитную паутину пятиугольного комплекса зданий руководящих военных учреждений Соединенных Штатов Америки — Пентагон. Пентагон по-гречески — пятиугольник. Мы видели этот пятиугольник с высоты птичьего полета, когда улетали из Вашингтона

в Чикаго. Сверху Пентагон разительно похож на паучьи тенета, сотканые из желтых каменных глыб вблизи американской столицы на побережье реки Потомак.

— Строительство Пентагона обошлось государству в восемьдесят три миллиона долларов. Во время войны в оффисах Пентагона работало сорок пять тысяч военных сотрудников. Теперь, говорят, там работает таких людей меньше — всего тридцать две тысячи! — вот все, что сказал нам мистер Паркс об этом логове военных авантюристов Америки, занятых в гранитных казематах этого зловещего сооружения разработкой агрессивных планов атомной войны.

— А вы знаете, товарищи, на Пентагоне есть любопытная надпись,— сказал нам Геннадий Севастьянов.— Она гласит: «Много имеющий множит богатство свое!»

Ничего не скажешь, откровенный девиз разбойников с большой заокеанской дороги!

Был воскресный день, когда мы прибыли в Маунт-Вернон. Прекрасный старинный парк, окружающий родовую усадьбу Джорджа Вашингтона, был переполнен посетителями-американцами. Многие из них были здесь с детьми.

Входим в дом Вашингтона. Он двухэтажный. В комнатах полностью сохранилась обстановка, среди которой жил здесь длительное время и умер в 1799 году командующий континентальной американской армией и первый президент Америки.

Маунт-Вернон был превращен в усадьбу-музей усилиями женской лиги, организованной в 1858 году мисс Анной Памелой Каннинихем, уроженкой штата Южная Каролина. И теперь Маунт-Вернон содержится на средства этой женской лиги, которые она извлекает из своих членских взносов и частных пожертвований. Никаких правительственных ассигнований национальный музей-усадьба не получает.

Надо, однако, сказать, что все здесь — и дом Вашингтона, и все окружающие его служебные постройки, и великолепный старинный парк, раскинувшийся на берегу реки Потомак,— все это содержится теперь в образцовом порядке. И американцы относятся к Маун-Вернону, как к национальной святыне. С умилением рассматривая обстановку дома в Маунт-Верноне, которая окружала Джорджа Вашингтона, американцы разговаривали впол-

голоса и строго следили за тем, чтобы так же чинно вели себя тут и дети.

В почтительном безмолвии толпились американцы и перед фамильным склепом Вашингтонов, где захоронен и Джордж Вашингтон — владелец этой типичной усадьбы плантаторов Юга XVIII столетия.

Гиды охотно и много говорят туристам об истории возникновения и сохранения Маунт-Вернона. Рассказывают даже немало занимательных бытовых подробностей из жизни Джорджа Вашингтона. Но как и у мемориального памятника великому сыну Америки, так и здесь, в его родовом имении, мы ни слова не услышали о той исторической роли, которую сыграл этот выдающийся сын американского народа в борьбе с колонизацией.

Что же, такие уж времена, видно, настали в этой стране, когда имена выдающихся в истории ее президентов — Авраама Линкольна, Джефферсона, Джорджа Вашингтона и Франклина Рузвельта — реже произносятся в правительственных кругах Соединенных Штатов, в официальных документах и в прессе, чем имена современных королей нефти, урана, стали — бизнесменов, наживающих миллионные барыши под воинственно-подстрекательскую шумиху «холодной войны» тридцатидвухтысячной армии авантюристов из Пентагона!

После мемориальных дворцов Джефферсона, Линкольна и Вашингтона, после чудесного тенистого парка Маунт-Вернона мы побывали еще в одном достопримечательном месте американской столицы — Национальной художественной галерее, которой тоже очень гордятся американцы.

Вашингтонская Национальная галерея находится по соседству с Капитолием — зданием американского конгресса. Расположена она в монументальном красивом здании, сооруженном из розовато-белого мрамора. Здание это было построено в 1937 году миллионером Андрю Меллоном, который преподнес его вместе с большой коллекцией картин мировой живописи в дар американской столице. Хотя эта Национальная галерея искусств и была основана, согласно резолюции, принятой Конгрессом, правительство, однако, не смогло выделить из своего бюджета средства на пополнение коллекций галереи новыми приобретениями за государственный счет произведений живописи, скульптуры, графики. Все произведения

искусства, которые экспонируются в галерее, были пожертвованы ей миллионерами — обладателями значительных частных собраний европейской и американской живописи.

Через массивную бронзовую дверь главного фасада галереи, украшенного шестнадцатью мраморными колоннами, входим в вестибюль здания — ротонду, поддерживаемую колоннами из черно-зеленоватого итальянского мрамора. Здесь нас снабжают наушниками гидрофона. В них тотчас же, как только мы их надели, зазвучал голос диктора-гида, начавшего свой рассказ о Национальной галерее искусств с истории строительства здания.

— Это одно из крупнейших мраморных сооружений в мире, — говорил незримый гид о здании галереи. — Здание не имеет окон. Вместо них — стеклянный потолок. Стекло — матовое. Видите, как равномерно рассеивается мягкий дневной свет по всем залам. Вечером и в пасмурные дни здесь включается искусственный дневной свет. В галерее действуют аппараты конденсированного воздуха.

Посетителей в галерее немного. Не спеша мы бродим по просторным, мягко освещенным залам, рассматривая полотна итальянской, французской, голландской, фламандской живописи.

Осмотр начинается с самой древней картины галереи, которую мы уже, кстати, видели в Радио-сити, — «Мадонна с младенцем». Полотну, созданному неизвестным византийским художником, одна тысяча двести лет.

Рассматривая «Мадонну с младенцем», мы единодушно сошлись во мнении, найдя в манере письма безвестного византийца нечто общее со стилем древнерусских наших иконописцев, украшавших своими шедеврами стены древних монастырских храмов и соборы московского Кремля.

Привлекла наше внимание и картина испанского модерниста Сальвадора Дали — «Тайная вечеря» — помесь религиозной мистики и символики. Это большое, превосходно освещенное полотно бросается в глаза прежде всего неожиданной, непривычной трактовкой образа Христа — светловолосого, голубоглазого юноши, не иконописного — земного, человеческого.

Два зала галереи отведены под полотна голландской живописи. Она представлена полотнами Рубенса, Рембрандта, Ван-Дейка. Рембрандт представлен здесь зна-

менитой «Саскней», «Мельником», «Поляком-дворянином» и двумя автопортретами.

Но больше всего отведено здесь места французскому искусству — живописи, скульптуре, графике. Тут запомнился больше всего Пикассо с его «Влюбленными», написанными в ранний период творчества этого художника в близкой к реализму манере. Особенно пришлось, видно, по душе американским меценатам — владельцам частных собраний, дарованных впоследствии Национальной галерее, французские импрессионисты, — они размещены в нескольких залах галереи.

Немало здесь произведений мастеров итальянской, испанской, английской живописи и скульптуры. Русское искусство отсутствует.

Коллекции картин и скульптур в галерее в общем богаты. Но подбор их все же носит случайный характер. Он целиком зависит от прихотей и вкусов миллионеров, принесших в дар галерее свои собрания шедевров мировой скульптуры и живописи.

Нас, естественно, очень интересовала американская живопись. Произведения американских художников размещены в трех залах второго этажа галереи. Преобладает портретная живопись. Мы долго стоим у великолепного, написанного американским художником Стюартом портрета первого президента Америки Джорджа Вашингтона. Хорош, динамичен и «Конькобежец» этого же художника. В строго реалистической манере написано другим американским художником А. Севейджем большое полотно «Семья Вашингтона».

Очень понравилась всем нам картина американского художника Хоумера «Ветер крепчает». Океанское побережье перед грозой. Мятельный парус над лодкой, взнесенной грозной волной. Притихшие дети рыбаков. Мечущиеся над волнами чайки. Все это волнует, трогает душу.

Запомнилось «Состязание в боксе» — талантливая, яркая драматичная картина еще одного американского мастера живописи Беллоуса, умершего в двадцатых годах нашего века. Художник был сам профессиональным спортсменом. Увлекался, нам говорили, в одно время и боксом. Вот, видимо, почему он с такой реалистической силой и правдивостью написал боксеров, сражающихся на ринге.

Ни одной абстракционистской картины мы в галерее

не видели. И об этом не пожалели не только мы, советские люди. Не жалели об этом, видимо, и те немногие американские посетители галереи, которые вместе с нами ходили по залам, любуясь собранными здесь шедеврами мировой живописи. По тому, как вели себя в залах галереи и пожилые и молодые американские посетители, среди которых было немало студентов Колумбийского и Принстонского университетов, было очевидно, что люди эти ценили непреходящие ценности подлинного мирового искусства и не терпели абстракционистской белиберды — бредовой, растленной мази шизофренических гангстеров в современной американской живописи.

После осмотра галереи было приятно отдохнуть в зимнем ее саду, где стоит благоговейная тишина, подчеркнутая кротким журчанием прозрачного фонтанчика над круглым, околованным белым мрамором водоемом.

Покидая галерею, мы купили в киоске Ротонды некоторые из цветных репродукций собранных здесь полотен. Репродукции, цветные диапозитивы сделаны превосходно. И стоят недорого: десяток — два цента. Одни из нас приобрели на память раннего Пикассо или прелестную «Девочку с лейкой» Ренуара. Другие — американского мариниста Хоумера и пейзажные зарисовки Иннеса. Я купил себе «Состязание в боксе» Беллоуса и тревожный, полный напряженного драматизма океанский пейзаж с мятежным парусом и настороженными рыбацкими ребятами Хоумера.

Покинув галерею, мы решили прогуляться до нашего отеля «Коммодор» пешком, чтобы повнимательнее, попристальнее присмотреться к улицам американской столицы. Прошлись вокруг Капитолия. Белый купол его, окруженный колоннами, сильно напоминающий Исаакиевский собор в Ленинграде, был в ажурных стальных лесах — он ремонтировался. Вершину купола Капитолия венчает статуя — монументальная фигура в военных доспехах.

— Что изображает эта статуя? — спросил я у мистера Паркса.

— Вооруженную свободу! — лаконично ответил гид.

Мы довольно долго брели к отелю, не торопясь, по широким, сравнительно тихим, утопающим в пышной зелени вашингтонским улицам. То и дело попадались нам на глаза тихие заводы и зеркальные пруды с белыми и

черными лебедями. В центре города немало спортивных площадок — зеленых полей для игры в бейсбол. Эта широко распространенная в Соединенных Штатах национальная спортивная игра чем-то похожа на нашу лапту, в которую с таким азартом резался я с моими сверстниками на окраине нашей Пресновки в детстве...

Ни одна из спортивных площадок, мимо которых мы проходили, не пустовала. Везде шла игра. В бейсбол. Причем играли не только молодые люди спортивного склада, но и пожилые любители — не профессионалы. Вокруг всех спортивных площадок толпились молодые девушки — болельщицы. В руках у многих из них красовались большие букеты цветов. Букеты были предназначены для победителей.

Мистер Паркс не преминул заметить при этом:

— Знаменитые в Америке бейсболисты-профессионалы зарабатывают у нас колоссальные деньги — до ста тысяч долларов за сезон!

Действительно, колоссальные деньги! Но мы и без мистера Паркса знали, что спорт в Соединенных Штатах — это прежде всего средство наживы. Это-то и привело к тому, что Америка, когда-то слышавшая передовой в мире спортивной страной, уступила свое первое место спортсменам других стран Европы. Собственно говоря, это одна из основных причин падения спортивного престижа Соединенных Штатов даже в такой национальной игре, как бейсбол.

— Нас выручают еще негры, — вынужден был признать мистер Паркс, когда зашла между нами речь об упадке американского спорта.

— Что же негры, выходит, физически здоровее и подготовленнее американской молодежи?

— Вполне возможно, господа...

Но если мистер Паркс ответил на этот наш вопрос довольно таки предположительно, то президент Международного олимпийского комитета американец У. Брендж, говоря о причинах упадка американского спорта, категорично заявляет, что вся беда в очень плохой физической подготовке американской молодежи, которую не приучают к физической закалке с раннего детства, то есть в плохом здоровье американского юношества.

А между тем, как мы воочию убедились, спорт в Америке любят, хотя и гонятся в нем чаще всего за внешним

эффектом. Экспансивные американские девицы в коротеньких разноцветных юбочках — по цвету любимых команд бейсболистов, — так же бурно чувствуют победы и охотно снимаются с ними, как они это делают и у Могилы Неизвестного Солдата.

Бредя пешком по улицам Вашингтона, мы часто останавливались, разглядывая товары в зеркальных витринах магазинов американской столицы.

После запуска в космос нашего первого советского спутника Земли слово это стало самым популярным в Америке. И в витринах вашингтонских магазинов мы уже видели платья-спутники. Это круглые, словно надутые воздухом юбки, стянутые в подоле узкими проволочными обручами.

Высокий уровень химической промышленности в Соединенных Штатах породил множество всяких заменителей шерстяных, шелковых, хлопчатобумажных и прочих тканей. Их заменили нейлоны, орлоны, дакроны и прочие эрзацы, иногда, надо сказать, довольно высокого качества. Из этих химических заменителей создаются не только пышные яркие ковры, мужская и женская одежда, но и всякие прочие бытовые вещи, детские игрушки. Витрины магазинов ломаются от нейлоновых львов и попугаев, танков и пушек, перочинных ножей и заводных, бросающихся друг на друга в рукопашный бой солдатиков...

Поразило нас в Вашингтоне и обилие всяческих сувениров — дешевых, подчас довольно аляповатых изделий из того же нейлона или подобных им заменителей. Тарелки, например, с видами Вашингтона, его памятниками национальной славы или с обликом «первой леди Америки» — супруги президента Эйзенхауэра. Тарелки с портретом самого Эйзенхауэра. Тарелки с изображением мемориалов Линкольна и Вашингтона. Но расписаны эти тарелки непрофессиональной, ремесленной рукой на потребу маловзыскательного, впервые прибывшего в столицу страны американского туриста. Сувениры эти столь же недороги, сколь и дурны. Но спросом у американцев, видимо, пользуются немалым. В противном случае владельцы магазинов не заполняли бы ими свои витрины.

Разглядывая такие немудрые, но ходовые сувениры, я подумал о том, как невысоки, видно, эстетические вкусы

у массы американцев, если они довольствуются столь грубыми, ремесленническими поделками, украшая ими стены своих квартир!

На второй день нашего пребывания в Вашингтоне мы, сообразно с нашей программой, должны были поехать с утра в Белый дом. Нас уже ждали у подъезда три автомобиля «Американ экспресс компани», поданные мистером Парксом.

Но тут случилось ЧП. Я отстал от своих товарищей, оказавшись один, как перст, у подъезда отеля.

Это очень рискованно оказаться в любом из американских городов одному. Провокаторы, завербованные американской разведкой из так называемых перемещенных лиц, предпочитают охотиться за советскими людьми тогда, когда они появляются где-либо в одиночку. Мы это знали, как знали и то, что за нами всюду зорко следили эти подонки. И я, допустив ошибку, был, прямо скажу, в полном смятении.

Растерянно оглядевшись по сторонам, тут же принял решение: остановить первое попавшееся такси и помчаться на нем в погоню за моими соотечественниками к Белому дому.

Так и сделал. Заметив желто-коричневый автомобиль со светящимся козырьком на крыше — такси, я поднял руку. Машина остановилась. Бросившись со всех ног к ней, впопыхах, очевидно, очень волнуясь, я пробормотал шоферу:

— Пожалуйста, хауз Эйзенхауэра!

— Вам в Белый дом, сэр? — совсем огорошил меня шофер вопросом по-русски.

— О да. Да. Да. Туда именно. Именно в Белый дом! — одним дыханием выпалил я, встревоженный и ошеломленный русской речью шофера.

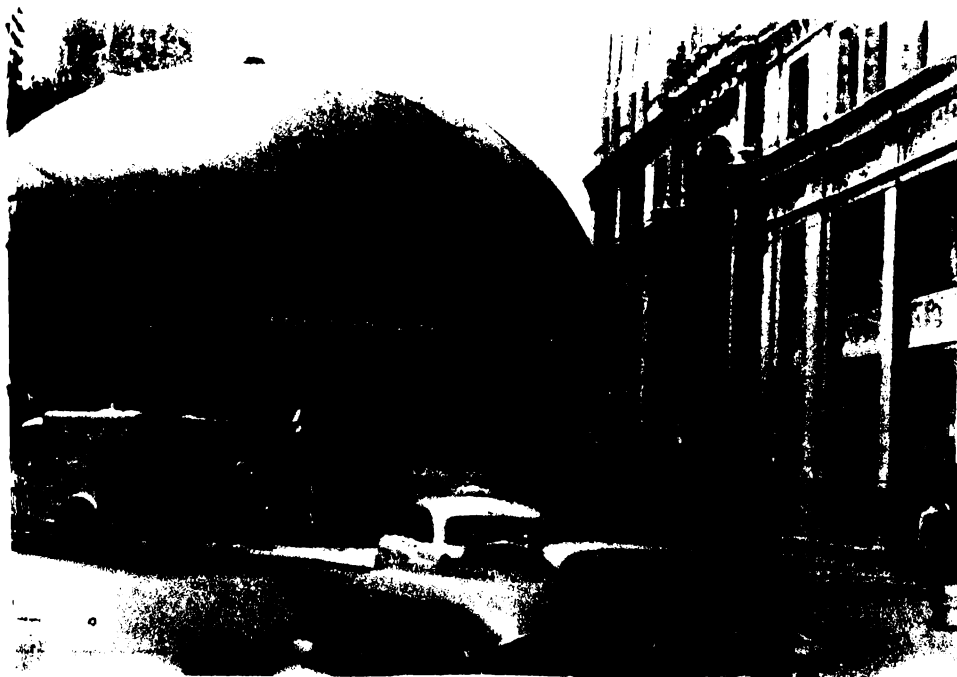
— Пожалуйста, сэр. Прошу вас. Садитесь, — проговорил шофер, услужливо отворяя передо мной дверцы задней кабины.

Я уже знал, что в американских такси не принято садиться рядом с шофером. Это очевидно оттого, что большинство водителей такси там негры. И если уж в Вашингтоне мы видели дома, в которые, судя по надписям на парадных дверях и фасадах, был запрещен вход нег-

Мирные поля под любыми широтами радуют глаз.

Не то бред, не то еще один «шедевр» ультрасовременной архитектуры.

Даже под Гудзоном автомашины пробили себе дорогу.

Эти виды городской окраины — не для туристов.

А еще говорят, что чистота — залог здоровья.

Покупателей все нет и нет.

рам, то, стало быть, такие американцы никогда тем более не сядут рядом с шофером-негром.

И едва я успел захлопнуть за собой дверцы автомобильной кабины, как шофер, обернувшись ко мне, спросил:

— Извините, вы не из России?

— Да. Из Москвы.

— Очень приятно. Я тоже русский.

— И давно в Америке?

— Двадцать третий год доживаю. А из России — с тысяча девятьсот двадцать третьего. Вслед за бароном Врангелем. Из Новороссийска. Односум мой Гришка Мелехов в тот момент одумался и домой на Дон воротился. А я вот, дурак, не дотумкал тогда. И скитаюсь с тех пор по белому свету, хлебаю горького полными пригоршнями...

— Это вы о каком Гришке? Не о шолоховском ли?

— Ну, ясное дело, о нем. Был у нас такой Гришка и в нашем Седьмом Донском казачьем полку, — сотник Евлампий Ефимыч Кружилин. Тоже была голова — оторви да брось! Одностаничник мой — из Каргинской. Даже кумом мне приходился... И откуда только этот Шолохов всю подноготную о нашей тогдашней жизни вызнал? Читаешь и диву даешься — святая матушка-правда! Помню, как мы тоже однажды, когда держали оборону под Новороссийском, английской мази от вшей вместо заморского вина с большого похмелья хватили. И смех и грех вспомнить.

— Читали «Тихий Дон» по русски?

— Ежедневно. Как библию. Приятель мне из Парижа лет десяток тому назад все четыре тома зараз привез. Вот я с тех пор и упиваюсь. Великий писатель! Донской богатырь! Чудо!

— Тянет на родину?

— Не спрашивайте!.. Но вовремя не сумел унести из этого бедлама ног. А теперь уж — один конец, поздно. Родичей в Каргинской почти не осталось — вымерли. А здесь, на чужбине, ухитрился все-таки двух сынов вырастить. От бельгийки. Прививал им, как мог, любовь к Дону, к России. Но проку из стараний моих вышло немного. Читают по-русски через пень колоду. Разговаривают не лучше. Ну, а я все же привязался к ним — своя кровь. А

потом к тому же вот уж седьмой десяток со вчерашнего дня в размен пустил...

— Седьмой? И еще работаете?

— Слава богу. Держусь. А как же тут жить? Ведь это, говорят, если верить, у вас в России пенсию на старости лет выдают. А здесь — извини! Пока дюжишь в гущах — тяни. А стал заступать постромки — из борозды вон. Пропaday, старый мерин. И нет тут никому до тебя никакого дела. Таков тутошний закон. Таковы порядки.

— А как у вас с заработком?

— Я — на службе у компании. Семьдесят пять долларов в неделю. С грехом пополам сводим концы с концами. Старший сын в Техасе на ферме батрачит. Младший — ему семнадцатый год — пока не у дел. Колледж кончает. Но дальше учить мне его не по силам — деньги большие нужны. А у меня никаких сбережений про черный день. Не дай бог захворать — это самое страшное дело в Америке: семье крышка. Ведь держимся мы еще кое-как только в кредит. Четверть моего заработка уходит на квартирную плату — за комнату в двенадцать квадратных метров. Это — в полуподвале в десяти милях от Вашингтона. За телевизор и холодильник, взятые в кредит, платить еще предстоит немало. Но не знаю, вытяну ли...

— А американцы хвастают, что тут чуть ли не каждый рабочий — владелец собственного автомобиля.

— Старые побаски дядюшки Сэма! Как я могу купить автомобиль, если мне трудно выкроить десять долларов для удаления больного зуба?!

— Десять долларов за удаление зуба?

— Да. Десять. Запломбировать — от двадцати пяти долларов до пятидесяти. За операцию аппендицита — триста долларов. Это — без гарантии за благополучный исход. С гарантией — пятьсот-шестьсот долларов.

— Черт знает что!

— Говорят, что в России теперь всех лечат бесплатно. Это — правда?

— Абсолютная. Заверяю вас.

— А здесь за шестидневное пребывание в больнице надо уплатить от пятисот до шестисот долларов. Выходит, у вас в России о здоровье народа заботится государство?

— Да. Конечно.

Из рассказа шофера я узнал, что в Соединенных Штатах все отдано на откуп частной медицинской практике, превратившейся в бизнес. Другая беда — налоги. Прямые и косвенные. Прямые налоги взимаются непосредственно с плательщиков. Косвенные — с продуктов и товаров первой необходимости. Газета «Вашингтон пост» писала как-то, что буханка хлеба в Америке облагается сто пятьдесят одним видом налогов, яйцо — ста налогами, мужской костюм — ста пятнадцатью. А владельцы стандартных домишек, каких немало в Америке, платят за эти дома, взятые в кредит, до шестисот видов налогов. Вот и судите теперь об американском образе жизни, каким он выглядит на поверку.

Помолчав, шофер спросил:

— У вас русские сигареты?

— О да. С фильтром. Московские. «Новость». Прощу вас, — сказал я, протянув ему пачку.

— Благодарю вас.

Затянувшись прикуренной сигаретой, он со вздохом проговорил:

— Да, дым отечества!.. Помните конец «Тихого Дона?» Помните, когда Григорий, похоронив свою Аксинью, увидел черный диск солнца над головой? Это — страшное место в романе. Вы знаете, немало помыкал я горя на своем веку, скитаясь вдали от родины по белому свету. Несладко жилось мне в первые годы эмиграции в Париже. Не нашел я золотых гор и в Австралии, куда попал потом по вербовке. Но небо с овчинку увидел я только здесь, в хваленном американском раю. И такой же черный диск солнца, какой привиделся Григорию Мелехову над могилой его Аксиньи, не раз видывал, сказать вам на прощанье откровенно, в этой богатой и страшной стране!

Вдали показался карандашеобразный монумент Джорджа Вашингтона, а за ним — двухэтажное белое здание в глубине сада, обнесенного сквозной металлической решеткой, похожее на дворянско-помещичью усадьбу где-нибудь в средней полосе дореволюционной России.

Это и был Белый дом.

Бывший донской казак Федор Иванович Струмилин, родом из мест, воспетых в бессмертном творении Михаи-

ла Шолохова, подвез меня к настежь распахнутым металлическим воротам садовой ограды Белого дома.

Счетчик таксометра показывал 1 доллар 25 центов. Я протянул водителю пятидолларовую бумажку. Но он наотрез отказался.

— Вам трудно понять, что значит для меня видеть русского человека на этой горькой чужбине с далекой родины — из России. И я благодарен судьбе за случай поговорить с вами, отвести душу... А вот за сигареты — спасибо. От этого дара не откажусь, — сказал старый русский шофер американского таксомотора.

В воротах ограды Белого дома я был встречен двумя рослыми полицейскими с нашитыми на рукавах их сорочек двумя начальными буквами слов «Белый дом». Я сказал им по русски, что я из Москвы.

— О, рашен? Москоу?! — воскликнул один из полицейских и тотчас же, войдя в сторожевую будку, позвонил куда-то по телефону.

Минуты через две-три со стороны Белого дома показались еще двое таких же бравых и рослых, как и первые два, полицейских все с теми же нашивками на рукавах темно-голубых сорочек. Приблизившись, они жестами повели мне следовать за ними.

Я покорно повиновался.

Полицейские провели меня по садовым дорожкам вокруг клумб с пышными розами и ввели через двери парадного входа в Белый дом. Затем, миновав анфиладу разноцветных комнат, я увидел наконец моих спутников, разглядывающих столовый и чайные сервизы, выставленные в витринах.

Друзья ахнули от изумления и неожиданности. Полицейские же, убедившись в том, что я нашел здесь тех людей, кого мне было надо, тотчас же удалились.

Медленно движемся сквозь анфиладу комнат — залов с каминами. Все залы разного цвета. Белые, голубые, зеленые, вишневые, палевые. А у каждого из них — свое назначение. Один — для официальных президентских приемов. Другой — для банкетов. Третий — для танцев.

В одном из залов — портреты всех бывших президентов Соединенных Штатов.

Американский писатель Брет Гарт назвал Джорджа Вашингтона «аллегорическим воплощением правды в Америке», а Авраама Линкольна — «непримиримым вра-

гом расовой дискриминации». Под руководством Джорджа Вашингтона свободолюбивые американские фермеры разгромили наголову англичан в 1775 году, освободив свою страну от иноземных захватчиков. Мы видели в Филадельфии пожелтевшую от времени «Декларацию независимости», подписанную представителями штатов 4-го июля 1776 года. И глядя тогда в Филадельфии на подписи под «Декларацией» прямодушных, смелых и мужественных американцев, а здесь, в Белом доме, всматриваясь в волевые черты облика Джорджа Вашингтона, невольно и в том и в другом случаях думалось: «А что бы сказали теперь эти люди — приверженцы Вашингтона, о правителях современной Америки, об авантюристах из Пентагона, о политике «с позиции силы»?»

Мы заметили, что многие из американцев — посетители Белого дома — тоже задерживаются возле портретов Авраама Линкольна, Джорджа Вашингтона и Франклина Рузвельта. И равнодушно, бросив косые скользкие взгляды, проходят мимо портретов Вильсона, Гувера, Трумэна, ничего не принеся иного американскому народу за время пребывания в разные годы в Белом доме, кроме кризисов, катастрофической безработицы, роста налогов и гонки вооружений. И глядя на этих американцев, невольно подумалось, что вот так же, видимо, равнодушно прошли бы они и мимо портрета нынешнего президента — хозяина Белого дома — Дуайта Эйзенхауэра...

Но портрета Д. Эйзенхауэра здесь пока нет. По существующей традиции портреты президентов и «первых леди» выставляются в этом зале только после того, когда президент по истечении срока покидает Белый дом, уступая президентское кресло своему преемнику.

После осмотра парадной части Белого дома мы вышли в сад. И мистер Паркс обратил наше внимание на другую, не парадную сторону этого, довольно скромного на вид здания, где обитает семья президента. Затем нам было указано на стоявшее в стороне от Белого дома темно-серое здание с высокой крышей — место еженедельных президентских пресс-конференций. Не забыл мистер Паркс указать перстом и на церковь, стоящую в саду Белого дома, в которой по воскресеньям молится президент перед тем как выехать на свою привашигтонскую ферму для игры в гольф...

В канун нашего отъезда из Вашингтона в Чикаго мы

были на приеме, устроенном в честь нашей группы Национальным клубом прессы Америки, где присутствовало свыше ста журналистов — членов этого клуба, представителей многих американских газет, радио и телевидения.

Национальный клуб прессы Соединенных Штатов, основанный в 1910 году, является одной из старейших журналистских организаций Америки. Этот клуб представляет из себя не только творческую профессиональную организацию, но и довольно солидное финансовое предприятие с ежегодным бюджетом в семьсот тысяч долларов. А имущественная недвижимость его оценивается в десять миллионов долларов. Этот недвижимый капитал заключается не только в самом здании клуба, но и в целом ряде его чисто деловых коммерческих предприятий, которые приносят членам клуба немалый доход. Так, например, у клуба есть в Вашингтоне собственный кинотеатр «Кэпитл».

Членами клуба состоят не только американские журналисты — работники газет, радио и телевидения и чиновники правительственных учреждений, ведающие вопросами информации, но и многие корреспонденты иностранных газет, аккредитованные в Вашингтоне и других крупнейших городах Америки. Этот Национальный клуб прессы работает в тесной связи с двадцатью двумя прочими журналистскими клубными объединениями Соединенных Штатов.

Собираясь в кулуарах этого клуба со всех концов Америки, журналисты обмениваются между собой новостями. Они здесь встречаются с видными чиновниками столичных правительственных учреждений, с пресс-атташе посольств, с членами дипломатического корпуса. Здесь корреспонденты добывают через правительственных чиновников различную информацию о важнейших мероприятиях Белого дома. Тут рождаются всякого рода «сенсации № 1», возникают сплетни и слухи...

Частыми гостями Национального клуба прессы являются видные политические, общественные деятели Соединенных Штатов Америки и стран Европы и Азии. Здесь выступали с речами на традиционных завтраках клуба премьер-министр Великобритании Макмиллан, канцлер Аденауэр. Большим событием в жизни клуба было выступление на одном из его завтраков первого за-

местителя председателя Совета министров СССР Анастаса Ивановича Микояна.

— Но самым большим событием в жизни нашего клуба будет для нас предстоящая встреча членов клуба с вашим премьером Никитой Хрущевым,— сказал нам во время завтрака в стенах клуба его президент, видный американский журналист Уильям Лоуренс.

Уильям Лоуренс слывет среди американских журналистов человеком широкой, большой информации. Связанный близкими отношениями с представителем Белого дома по делам прессы Джоном Хэгerti, Уильям Лоуренс, по словам американских газетчиков, выражает в своих статьях и обзорах в какой-то степени официальную позицию правительственных кругов Америки.

Характерно, что американские женщины-журналистки лишены права быть членами Национального клуба прессы. Они даже не могут переступить порога этого журналистского святилища без специального на то приглашения от имени самого Уильяма Лоуренса.

И тут, в связи с этим, любопытный случай произошел у нас с нашим редактором журнала «Советское фото» Мариной Бугаевой. Приглашение на завтрак от Уильяма Лоуренса она, как член нашей группы, вместе со всеми нами получила. Но когда, по окончании приема, Уильям Лоуренс стал вручать всем нам удостоверения почетных членов этого клуба, скрепленных тисненой клубной печатью и личной подписью президента клуба, Уильяму Лоуренсу пришлось просить извинения у нашей Марины за то, что он не может нарушить клубной традиции, внести ее имя в список почетных членов Национального клуба прессы.

— Ну, что ж. Это только лишний раз убеждает меня в наличии политической дискриминации женщин в Соединенных Штатах,— сказала, мило улыбаясь мистеру Лоуренсу, Марина Бугаева.

— Да, но у нас в Америке имеется Женский национальный клуб прессы,— сказал в ответ на это замечание Марины Бугаевой Уильям Лоуренс.— Такой клуб существует у американских журналисток с 1919 года. В него входят около четырехсот женщин — корреспондентов газет, радио, телевидения. Вдова покойного Франклина Рузвельта госпожа Элеонора Рузвельт является почетным членом этого клуба. Должен вам сказать, госпожа

Бугаева, что американские журналистки не остались в долгу перед нами. В отместку нам они запретили мужчинам переступить порог своего клуба.

— Правильно сделали. Молодцы женщины! — похвалила Марина Бугаева американских журналисток под дружный смех всех американских газетчиков, присутствовавших на завтраке.

Завтрак прошел, можно сказать, в доброй непринужденной обстановке. Уильям Лоуренс произнес речь о пользе взаимного культурного обмена между такими двумя великими странами, как Советский Союз и Соединенные Штаты.

Из оживленного разговора, завязавшегося затем между нами и американскими журналистами, выяснилось, что все они имеют весьма поверхностное, очень смутное представление о современной нашей советской литературе. О Михаиле Шолохове, например, некоторые из них знали только по его рассказу «Судьба человека», переведенному на английский язык и вышедшему отдельным изданием в одном из прогрессивных издательств Нью-Йорка. Называли В. Дудинцева, роман которого «Не хлебом единым» уже не находил больше покупателей в Америке и был забыт после минувшей пропагандистской шумихи, поднятой вокруг этой книжки некоторыми реакционными журналистскими кругами. Не стал бестселлером — книгой высокого спроса в Америке и пресловутый «Доктор Живаго» Б. Пастернака, поднятый на щит все теми же кругами реакционной американской прессы.

В этой частной беседе с нами за завтраком многие из американских журналистов проявили живой интерес к условиям писательского и журналистского труда в нашей стране, к постановке издательского дела в Советском Союзе. И все они были поражены громадными тиражами книг советской художественной литературы. Но еще больше их поразила огромная популярность в нашей стране таких американских писателей, как Эрнст Хемингуэй, Теодор Драйзер, Марк Твен, произведения которых выходят у нас такими громадными тиражами, каких не знают американские писатели у себя на родине.

Присутствовали на этом завтраке среди американских газетчиков и такие, разумеется, журналисты, которые в этом частном разговоре с нами не скрывали своего неприязненного отношения к нашей стране, ко всем стра-

нам социалистического лагеря, ко всему передовому и прогрессивному. Среди таких явных поборников «холодной войны» особенно выделялся президент «Оверис клуба», клуба зарубежных журналистов, Чарльз Фолтц. Он же является помощником директора иностранного отдела журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» — самого реакционного, по словам самих же американских журналистов, периодического издания Соединенных Штатов.

Чарльз Фолтц очень распространился насчет пресловутой свободы печати в Америке. Расхваливая, между прочим, на все лады пастернаковского «Доктора Живаго», развязный и нагловатый мистер Фолтц кончил свои разглагольствования большим конфузом, в котором очутился он, припертый к стене Александром Чаковским. Не сумев дать сколько-нибудь вразумительных ответов на ряд тонко поставленных А. Чаковским вопросов касательно пасквильной пастернаковской книжки, Чарльз Фолтц вынужден был в конце концов признаться под дружный смех всех присутствующих журналистов в том, что он... не читал этой книги!

Завтрак по сути дела носил характер полуофициальной прессконференции, которую дали мы представителям американской прессы в канун нашего выезда из Вашингтона в Чикаго. Нам пришлось отвечать на множество самых разнообразных вопросов. Справедливости ради надо сказать, что большинство этих вопросов, обращенных к нам, советским писателям и журналистам, американскими работниками прессы было продиктовано стремлением лучше узнать через нас нашу великую страну с ее социальным обликом, культурой и бытом.

Узнав о том, что среди нашей группы был писатель — житель Алма-Аты, Уильям Лоуренс сказал мне на прощание:

— О, я хорошо помню Алма-Ату! Я был там во время моей поездки в Россию в пятьдесят шестом году. Прекрасный город. Мне приятно вспомнить сейчас о вашем городе-саде.

Что ж, приятно и мне было услышать в далеком Вашингтоне столь лестные моему сердцу слова о нашей казахстанской столице!

Из Нью-Йорка в Филадельфию мы выехали на автомобилях. Пролетев в потоке радужных струй попутных легковых машин сквозь знакомый уже нам длиннейший тоннель под Гудзоном, сразу же очутились в штате Нью-Джерси.

Навстречу нам стремительно понеслась до блеска отполированная автомобильными шинами, широченная, разделенная посредине невысоким белым бруствером лента железобетонной автострады. Это — одна из множества автострад, покрывших густой сетью весь американский континент, не имеющая поперечных пересечений. И поэтому потоки автомобилей несутся по ней с огромной скоростью, часто превышающей сотню километров в час.

Тотчас же после въезда в границы штата Нью-Джерси наш автомобиль остановился около стеклянной будки, чтобы заплатить человеку, сидевшему в этой будке, пять-

десять центов за право проезда по дороге, принадлежавшей уже не Нью-Йорку, а штату Нью-Джерси. Распла- тились.

И сразу же стало светлее, отраднее на душе от ощу- щения простора, от жаркого августовского солнца и встречных потоков света равнинной Америки, которая простиралась теперь вокруг и тянулась через весь кон- тинент до побережья Тихого океана.

В окнах автомобиля мелькали оранжевые, зеленые, буро-кирпичные домики фермеров. Они были разные по цвету окраски, различны и в иных, правда, мало примет- ных с первого взгляда деталях, но в общей сложности очень похожие друг на друга. В нью-йоркских пригоро- дах и в невеликих городках, попадавшихся нам на пути, преобладали двухэтажные коттеджи. Они тоже почти все были одинаковы. С застекленными верандами. С жалюзи на окнах. С приятными газончиками и клумбами. Со стандартными гаражами.

Характерная деталь. Проехав не одну тысячу миль по Америке, мы не увидели ни одного забора ни на фермах, ни в пригородных полудачных местностях. Здесь, види- мо, не принято укрывать дома от стороннего глаза, как у нас, скажем, в Средней Азии и вообще на Востоке. Все эти немудрые, обшитые тесом домики фермеров и приго- родные коттеджи в два этажа — как на ладони.

На равнинах штата Нью-Джерси повеяло сельским пейзажем. Всего в каких-нибудь десяти милях от город- ской нью-йоркской карты мы увидели зеленые лужайки с мирно пасущимися на них коровами, кукурузные поля, бахчи с золотистыми кормовыми тыквами. Однако на- звать пейзаж сельским можно только условно. То и дело в поле зрения врывались ажурные мачты высоковольт- ных электропередающих линий. Через автостраду гро- мыхали по виадукам с громадной скоростью дизельные поезда. Дымили то там то тут заводские, фабричные трубы.

Едем по глянцеvitой, черной, как вороново крыло, же- лезобетонной автостраде со скоростью в сто шестьдесят километров в час. Слышно только напряженное до пре- дела шуршание автомобильных шин. В глазах рябит от мелькающих в окнах колонок автозаправочных станций, от обилия громадных разноцветных рекламных щитов, расставленных по обочинам автострады.

Еще при выезде из городской черты Нью-Йорка мы, остановившись близ придорожного гранитного постамента с водруженными на нем обломками вдребезги разбитого «форда», прочли на прикрепленном к постаменту плакатике следующую лаконичную надпись: «Этот молодой человек мог бы еще жить. Скорость — его убийца!»

До этого мы знали уже, что в Соединенных Штатах, по официальным подсчетам, в результате дорожных происшествий ежегодно гибнет до сорок тысяч человек. Общее же количество пострадавших от несчастных случаев на дорогах Америки достигает к концу года колоссальной цифры — до полутора миллионов человек! Подсчитано, что от автомобильных аварий ежегодно погибает в этой стране больше людей, чем она потеряла во всех своих войнах. Таким образом, в условиях огромного роста автомобильного движения дорожные происшествия превратились теперь в национальное бедствие Америки, и автомобильные катастрофы американская пресса относит теперь тоже к «проблеме № 1».

Глядя на гранитный постамент с водруженным на него изуродованным автомобилем, я припомнил историю жизни и гибели молодого американца Джеймса Дина, рассказанную нам одним из американских журналистов — хроникером отдела происшествий газеты «Вашингтон пост».

Лаконичная надпись на гранитном постаменте под разбитым в лепешку автомобилем говорила одно: «Не увлекайтесь быстрой ездой! Будьте за рулем автомобиля осторожны!» А американская пресса, кинематограф, телевидение, комиксы, детективная литература трубят в голос другое. Это с помощью таких средств растленной американской пропаганды конфетно красивый юноша Джеймс Дин был превращен в кинозвезду первой величины, вскоре став кумиром безусых мальчишек и тонконогих девчонок Нью-Йорка и Вашингтона, Чикаго и Филадельфии, Бостона и Сан-Франциско.

Именно в кино и на экранах телевизоров, из миллионных тиражей книжонки с броскими, ярко раскрашенными обложками ежедневно узнавали эти молодые люди Америки все новые и новые подробности из биографии своего кумира Джеймса Дина, презиравшего все на свете кроме одной всепоглощающей страсти — бешеных гонок на автомобиле.

Этот неправдоподобно красивый бездельник кончил в конце концов тем, что эффектно погиб под обломками своего автомобиля, взорвавшегося во время очередной гонки на одной из роскошных автострад Америки.

— Повесть о жизни и гибели Джеймса Дина американская молодежь читает у нас и теперь, как повесть о настоящем американце. Другой повести для нашей молодежи, к сожалению, в Америке пока не написано,— сказал нам памятные слова сотрудник «Вашингтон пост».

Среди других придорожных рекламных щитов с писаными красавицами, призывающими вас пить только кока-кола и пепси-кола, бросаются в глаза огромные плакатные изображения воинственных американских солдат. С одного из таких плакатов недружелюбно смотрит на вас здоровенный детина-солдат в форме морской пехоты, с ручным пулеметом на плече. «Только в морской пехоте можно стать подлинным мужчиной!» — гласит лозунговая надпись под этим плакатным солдатом.

Через мило-другую промелькнул другой такой же щит. На нем уже трое молодых, счастливо улыбающихся солдат сидят за столом, ломящимся от различных аппетитных яств, уплетая за обе щеки куски бифштекса. Здесь и без подписи все понятно: вступайте в ряды американской армии — будете сыты по горло!

Несколько подобных рекламных щитов с самодовольно улыбающимися американскими солдатами видели мы потом у обочин и других автострад Америки. Видно, не очень ходко идут дела у вербовщиков из Пентагона, если они вынуждены рекламировать таким образом свою армию, украшая ярко размалеванными щитами обочины дорог.

Проехав всего-навсего около двух десятков миль от Нью-Йорка, мы вновь остановились возле стеклянной будки с полицейским, опять заплатив ему полдоллара — на этот раз за проезд через мост. Получив с нас деньги, полицейский не выдал нам взамен никакой квитанции. Когда наш автомобиль, тронувшись, миновал будку, раздался тихий мелодичный звонок. Это сработал автоматический счетчик, контролирующий полицейского, чтобы тот не вздумал утаить от своего хозяина полученные деньги.

Так здесь полицейские контролируют владельцев автомобилей, а за полицейскими, в свою очередь, строго следят автоматические счетчики. Это — белые металлические столбики с автоматическими счетными приборами на макушке. Они торчат на всех улицах и площадях больших и малых американских городов. Если вы поставили свой автомобиль на улице в городе или у обочины автострады, то обязаны немедленно опустить в прорезь счетчика-автомата на белом столбике монету. Как только монета будет опущена, тотчас же стрелка счетчика начнет отсчет минут стоянки вашей машины. Если задержалась более положенного времени, придется опустить в прорезь автомата еще одну монету — доплату. Полицейский, стоящий поодаль, не дозволит обмануть автоматического контролера.

Таков здесь взаимный контроль между людьми и механизмами. Плата за стоянку автомобилей в больших городах Америки приносит, видимо, такие немалые барыши, что некоторые владельцы доходных жилых домов в Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско, Филадельфии и других больших городах Соединенных Штатов предпочитают сносить эти дома, высвобождая место под площадку для стоянки автомобилей.

Заплатив за проезд, мы через несколько миль снова вынуждены были остановиться у заставы — шеренги будок с полицейскими, разделяющих дорогу на узкие ленты — проходы для одной машины. Над будками требовательная надпись: «Стоп! Плати налоги!»

«Стоп. Плати!»

Такие лаконичные надписи на американских дорогах всюду. При въезде на мост через реку. При повороте на другое шоссе. При пересечении границы штата. При стоянке автомобиля у обочины автострады. Ты не можешь бесплатно передохнуть на придорожной лужайке в тени дубовых деревьев и кленов. Плати, плати и плати. Знай раскошеливайся. И вытряхивай из кошелька не жалкую мелочь, а двадцать пять центов, а то и весь круглый доллар. Таков один из многочисленных видов налога, при помощи которых вытряхиваются доллары из карманов американцев, сидящих за автомобильным рулем.

Между тем автомобиль так же необходим американцу, как дом, как жилье, как крыша над головой. И аме-

риканцы обживают свои машины, как собственные жилища. Мы видели на дорогах Америки немало машин, у которых вместо багажника устроено дополнительное отделение. Оно без сидения. В таких отделениях, застланных ковриками, американцы обычно возят ребятшек. Дети, беспечно посиживая на полу под крышей мчащегося по автостраде автомобиля, предаются нехитрым ребячьим своим забавам. Строят из кубиков небоскребы, или палят друг в друга из игрушечных пистолетов.

За автомобильным рулем сплошь и рядом на дорогах Америки можно видеть и глубоких стариков и подростков — почти детей. Владельцам автомобилей вовсе не обязательно знать мотор. Научился включать поворотом ключа зажигание и крутить рулевую баранку, садись и кати. И они садятся и катят, зачастую имея весьма смутное представление о правилах уличного движения. Стоит ли после этого поражаться тем астрономическим цифрам ежегодных автомобильных катастроф, которые происходят на роскошных дорогах Америки?!

С детских лет американцы знают, что автомобиль всегда могут починить, подремонтировать, заправить бензином в пути, на улице, на любой автостраде, если водятся в кармане доллары.

Вдоль автострад чуть не через каждую милю — заправочные станции. Стоит вашему автомобилю остановиться у ярко-пестрой бензиновой колонки, как расторопные негры в синих комбинезонах бросаются со всех ног к машине, чтобы заправить ее горючим, вымыть кузов, вычистить стекла, подтянуть ослабевшие гайки и оказать вам еще множество всяких технических услуг, ежели требуется. И все это делается, разумеется, за небольшую плату.

Автозаправочных станций на дорогах Америки так же много, как и мотелей — маленьких придорожных гостиниц. Они скромны, довольно уютны и сравнительно недороги. Такие мотели похвалил Анастас Иванович Микоян во время своего пребывания в Америке, и американцы, гордясь его лестным отзывом, горячо рекомендовали нам посмотреть эти гостиницы. Мы побывали в одном из таких мотелей под городом Буффало, вблизи Ниагарского водопада. Одноэтажное деревянное здание стандартного типа. Небольшие, скромно обставленные номера с телевизорами, с ванными комнатками. Чисто. Уютно. Поду-

малось: «Не мешало бы и нам обзавестись вот такими гостиницами на автострадах нашей страны».

В Америке нет деревень. Но между Нью-Йорком и Филадельфией, Чикаго и Вашингтоном не увидишь клочка земли, не обжитого фермером. И очень много небольших городков, которые предпочитают американцами крупным промышленным, деловым, индустриальным центрам, где жизнь не только дорога, но все больше и больше небезопасна из-за катастрофически возрастающего там гангстеризма,— преступности, лишившей покоя жителей таких городов-гигантов, как Нью-Йорк, Чикаго, Детройт или Бостон.

Живя на раскиданных фермах и в маленьких городках, американцы не могут обходиться без автомобилей. Но наемных шоферов никто из них не имеет — это доступно и позволительно только миллионерам. Поэтому на дорогах Америки ездят как кому вздумается. Один мчится, сломя голову, обгоняя и справа и слева попутные автомобили, рискуя каждую секунду врезаться в хвост впереди идущей машины. Другие едут свехосторожно, приводя в ярость любителей быстрой езды, которых здесь очень много.

Нам говорили, что за последнее время в стране взялись за наведение элементарного порядка в движении автотранспорта. Установлена предельная скорость по автострадам — шестьдесят пять миль в час. Это — около ста пяти километров. Но, как правило, высокая эта скорость превышаетя владельцами автомобилей — неприимимых врагов полиции, несущей сторожевую службу на американских дорогах.

Владельцы автомобилей, презирая рослых, упитанных полицейских, смертельно боятся их. Боятся потому, что на вооружении полицейских кроме огромного кольта и внушительной дубинки имеется еще и торчащая в оттопыренном заднем кармане брюк увесистая квитанционная книжка для жестоких штрафов нарушителей правил движения.

Еще по «Одноэтажной Америке» Ильи Ильфа и Евгения Петрова знал я с юности о хорошем обычае, некогда бытовавшем на дорогах этой страны, когда любой пеший путник, поднявший кверху указательный палец, мог быть посажен на свободное место в кабину остановившегося возле него попутного автомобиля и доехать

затем до какого-то определенного места. А потом он мог сесть таким же образом и в другую остановленную им машину и ехать дальше. Словом, были времена, когда путники могли проехать на машинах через весь континент Америки — от побережий Тихого до Атлантического океана.

То были хитч-хайкеры — люди, которым, согласно традиции, существовавшей в стране, никогда не мог отказать ни один из американцев в свободном месте в своем автомобиле.

Но мы, проехав не одну тысячу миль по дорогам Америки, так и не заметили ни одного традиционного хитч-хайкера.

Спрашиваем у мистера Паркса:

— Что ж, выходит, в Америке исчезли хитч-хайкеры?

— Хитч-хайкеры не исчезли бы. Исчезла традиция.

— Традиция — не отказывать в свободном месте в машине пешему путнику?

— Ну да...

— Отчего же рухнула вдруг такая хорошая традиция?

— Из-за бандитизма, — лаконично отвечает Паркс.

— Из-за какого бандитизма?

— Из-за бандитизма на дорогах Америки. Слишком много стало происходить на автострадах грабежей и убийств, и владельцы автомобилей стали бояться хитч-хайкеров. В наши дни ни один автомобилист не посадит в свою машину даже женщину.

— Даже женщину?

— Да. Потому что было много случаев, когда владельцев автомобилей убивали и грабили на дорогах женщины.

— Но кто же все-таки эти убийцы и грабители среди хитч-хайкеров?

— Наверное все те же — негры и пуэрториканцы. Так все думают... — последовал стереотипный ответ мистера Паркса, как всегда предпочитающего в таких случаях валить все на голову черных людей — пасынков «свободной страны» Америки.

Между тем следы дискриминации — этой каиновой печати Америки — видны здесь на каждом шагу не только в больших городах. Мы видели следы этого американского позора и за пределами этих городов, путешествуя по железным дорогам и автострадам. Так, на пути меж-

ду Нью-Йорком и Филадельфией нам бросалось в глаза немало церквей, окруженных в воскресный день молящимися. Но возле одних церквей толпились только белые люди, возле других — только негры. Исповедуя одну и ту же религию вместе с белыми, негры, однако, не могут быть даже похоронены после смерти рядом с ними — на кладбище белых. От рождения до гробовой доски разделяет здесь незримая грань черных людей от белых. Она проходит меж ними в колледжах и университетах, в театрах и ресторанах, на зеленых лужайках спортивных площадок и даже в автобусах.

Дороги Америки — книга живой жизни страны. Минута мило за милей, ты как бы листаешь страницы, вчитываясь в строки суровой и правдивой хроники бытия и деяния на заокеанской земле, обильно политой потом и кровью простого — белого и черного — трудового ее народа — творца всего богатства Америки.

Золотыми, непраздными мускулистыми руками таких трудовых людей воздвигнуты в этой стране грандиозные висячие мосты через ее заливы и реки и прорыты длиннейшие в мире тоннели. Сооружены высочайшие на земле, одетые в стекло и дюраль здания и возделаны плодородные пашни. Подняты к небу ажурные мачты высоковольтных линий и построены железобетонные автострады — дороги, которые почитают американцы за великое благо нации. И дороги действительно являются гордостью Америки — этой богатой, полной народного горя и великих бед, самой сложной и самой противоречивой страны на нашей планете.

Первая наша продолжительная остановка на пути из Нью-Йорка в Филадельфию была в небольшом, уютном, богатом зеленью городке Принстоне, где мы посетили Принстонский университет — одно из старейших высших учебных заведений Америки.

Старинные, густо затканые зеленым плющом кирпичные здания университета окружены огромным тенистым парком. Вековые дубы. Могучие клены. Каштаны. Изумрудно-зеленая мурава.

Встреченные директором информации университета, мы приглашены были в зал попечительского совета — длинную комнату с огромным дубовым столом посредине. Вокруг стола — такие же дубовые старинные стулья с высокими спинками — места для членов попечительского совета. Стены — в портретах всех бывших деканов университета на протяжении его истории.

Мы поинтересовались:

— Кто из знаменитых людей Америки учился в Принстонском университете?

— Джон Фостер Даллес,— последовал ответ директора информации.

— Ваш университет — заведение частное?

— О да, разумеется. Как и большинство прочих колледжей и университетов Америки.

— Обучение платное?

— Да.

— Сколько же платят студенты?

— От пятисот до двух тысяч долларов в год.

— Стало быть, учиться здесь могут только дети состоятельных родителей?

— Конечно. Высшее образование в Америке стоит иным из студентов немалых денег. Но у нас есть студенты, получающие стипендии.

— И много таких?

— Около десяти процентов.

Были каникулы. И Принстонский университет был пуст, без студентов. Но одного студента мы все-таки видели. И не просто видели, а разговаривали с ним. Высокий, скромно державшийся, почти застенчивый юноша Гарри Коллиен — студент четвертого курса филологического факультета. По его словам, он — сын не очень богатых родителей. Отец Гарри — владелец небольшой бакалейной лавочки в Принстоне. Ему, конечно, нелегко выкроить из невеликих своих барышей тысячу долларов, которые платит он ежегодно за своего сына-студента. Но старик все же изворачивается, и Гарри надеется закончить университет.

Мы спрашиваем у Гарри:

— А после окончания университета какие планы на жизнь?

Гарри смущенно пожимает плечами:

— Трудно сказать. Как повезет...

— Даже и после университета не так просто найти работу?

— В этом университете не дают никакой гарантии. Всякий из наших парней по окончании его поступает, как найдет...

Большие, любознательно смотревшие на мир глаза Гарри стали, казалось, еще больше и светлее, когда мы

сказали ему о том, что в Советском Союзе все наши студенты не только получают государственные стипендии, но и гарантированы по окончании высших учебных заведений работой по специальности.

Нам было ясно, что при существующей довольно высокой платной системе высшего образования в Соединенных Штатах, когда студентов отбирают здесь не по их способностям и наклонностям, а по принципу их материальной обеспеченности, — при такой системе учатся в высших учебных заведениях Америки в большинстве случаев, видимо, случайные люди, и это не может не отражаться в конце концов на качестве специалистов, выпускаемых учебными заведениями.

Однако Гарри произвел на нас хорошее впечатление. Он не выглядел шалопаем. Разговорившись с ним, мы поняли, что парень этот всерьез думает над сложными жизненными вопросами, хотя и не знает пока их решения.

После посещения обширной библиотеки Принстонского университета, где нам было приятно увидеть немало хранящихся там наших русских книг, мы побывали в сопровождении Гарри в жилом университетском здании, где снимают за определенную плату комнаты иногородние студенты этого университета.

Здание старинное. В английском стиле. Комнатки крошечные — на двух человек. Маленькие окна. Довольно простая, почти спартанская обстановка. Но очень опрятно и чисто. Гарри говорил нам, что слуг в том доме нет никаких. За чистотой и порядком строго следят сами жильцы — студенты. Полное самообслуживание. Это нам не могло не понравиться.

Прощаясь с нами, Гарри сказал:

— Мне было очень приятно увидеть впервые в жизни людей из России. Вы рассказали поразительное о вашей стране, о ваших студентах. И мне захотелось поехать к вам.

— Приезжайте, Гарри. Будете желанным гостем.

— Спасибо, господа. О, я был бы счастлив увидеть вашу страну своими глазами! — сказал Гарри, благодарно пожимая нам руки.

Покинув в знойный полдень старинный тенистый парк Принстонского университета, мы, промчавшись около ста миль по автостраде в сторону Филадельфии, свернули по

асфальтированному шоссе на ферму некоего Гармса Сеаврока.

Заехали мы на эту ферму не по своему выбору. По подсказке госдепартамента, который после долгого упорства все же пошел нам на уступку, разрешив осмотр именно этой фермы, расположенной в пяти милях от автострады, идущей из Нью-Йорка в Филадельфию.

Ферма эта оказалась отнюдь не рядовой. Восемьдесят тысяч акров земли. Собственная шпинатная фабрика. Помимо посевов зерновых культур здесь выращивается зеленый горошек и прочие иные овощи. Все эти овощи проходят на фабрике соответствующую обработку и расфасовываются на конвейере в коробочки с очень заманчивой аппетитно-яркой наклейкой.

С хозяйством знакомил нас управляющий — рослый, атлетического сложения мужчина в пробковом шлеме, в безрукавке и трусиках цвета хаки. По внешнему облику это был классический тип колониального англичанина-надсмотрщика, и ему не хватало разве только традиционного стека.

Он — агроном по образованию. До поступления управляющим на эту ферму работал чиновником министерства земледелия в Вашингтоне.

— Но я с детства любил трудовую спокойную жизнь на земле и поэтому с радостью покинул Вашингтон, — говорил нам управляющий.

Управляющий, знакомя нас с хозяйством, хвалился высокой производительностью. И это, видимо, действительно было так. Здесь на каждом шагу бросались в глаза механизмы, машины. Работа ручную отсутствовала. Людей в поле почти не видно, хотя шла жатва пшеницы и уборка кукурузы. Управляли уборочными машинами главным образом негры. Все, — как один, — здоровяки в грубых рваных рубахах с короткими по локоть рукавами. У конвейеров в цехах шпинатной фабрики тоже стояли сплошь и рядом негры. Нам говорили, что физический труд негров, как и труд женщин, оплачивается в Америке наполовину меньше против такого же труда белых рабочих.

— Наша коммерческая ферма производительна, — заявил нам управляющий, получающий от хозяина по две тысячи долларов в месяц.

— Что значит ферма коммерческая?
— Крупная ферма.
— А как живут менее крупные фермы?
— Им, видимо, приходится труднее, раз они менее производительны.

— Любопытно, каков процент в Америке мелких фермерских хозяйств?

— Не могу сказать, господа. Я этой статистикой не интересовался,— ответил в завершение нашего разговора управляющий.

Задав такой вопрос управляющему, мы заранее были уверены, что не получим на него прямого ответа. Между тем из американской прессы известно, что за последних два десятилетия в Америке разорилось около двух миллионов мелких фермеров и процесс этого разорения продолжается. Американские газеты пишут, что фермерский вопрос станет одним из главных вопросов внутренней политики Соединенных Штатов на президентских выборах 1960 года.

Все мелкие фермерские хозяйства находятся в прямой полной зависимости вот от таких крупных землевладельческих хозяйств, с которыми мы познакомились с благосклонного дозволения госдепартамента.

Закупка сельскохозяйственных продуктов у фермеров производится концернами, которые устанавливают свою единую закупочную цену. А так как в Соединенных Штатах с каждым годом все больше и больше скапливается излишков сельскохозяйственных продуктов, то цены на них все время снижаются, и мелкие фермеры не могут сводить концы с концами.

Жена фермера, некая Мери Конгер, писала в газете «Сатэрдей ивнинг пост» следующее: «В то время как мы из сил выбиваемся для покрытия своих расходов, представители министерства земледелия заверяют, что крупные фермы работают производительно и находятся в хорошем состоянии. Но вот на нашей ферме, имеющей семьсот двадцать акров земли, содержится двести голов скота. И тем не менее у нас с мужем в настоящее время не оплачены счета на семь тысяч долларов, и на нас продолжают немилосердно давить цены».

Несмотря на то, что государство все время ограничивает посевные площади в Соединенных Штатах, в этой стране скопилось столько продовольственных излишков,

что только за одно хранение их правительство вынуждено тратить по тридцати шести долларов в час.

— А почему бы не накормить этими излишками миллионы безработных в вашей стране? — спросили мы со-трудника газеты «Нью-Йорк таймс» — обозревателя на сельскохозяйственные темы.

Он только пожал плечами:

— Не такие у нас здесь порядки!

Из официальных данных Министерства земледелия Соединенных Штатов мы узнали, что в результате низких закупочных цен на продукцию сельского хозяйства при одновременном росте стоимости производственных издержек и налогов многие фермеры бросают землю. В 1949 году в Америке было около шести миллионов ферм, а в 1959 году их оказалось всего четыре с половиной миллиона. Таким образом ежегодно в течение этого десятилетия количество ферм сокращалось приблизительно на сто десять тысяч. Продажа ферм с аукциона — обыденное явление в Соединенных Штатах.

Мелкому фермеру в Америке очень трудно обзавестись сельскохозяйственными машинами. А еще труднее получить им государственную субсидию, которая растет быстрее прежде всего по карманам крупных земледельческих хозяйств. Из тех же официальных данных министерства земледелия Соединенных Штатов явствует, что в 1959 году из каждого доллара государственных субсидий всего-навсего только девять процентов пришлось на долю мелких фермерских хозяйств, которых в стране более половины.

Словом, фермерская проблема тоже стала «проблемой № 1» в Соединенных Штатах Америки.

— Каким же образом ваше правительство думает решать эту проблему? — спрашивали мы у сельскохозяйственного обозревателя «Нью-Йорк таймс».

— Путем уничтожения всех мелких фермерских хозяйств. И они в конце концов будут уничтожены крупными монополиями. Недавно министерство торговли, например, утверждало в своем официальном органе — газете «Нэйшнс бизнес», что через десятилетие в Соединенных Штатах будет уничтожено не менее трех миллионов мелких фермерских хозяйств. Вот вам и решение этой великой национальной проблемы! — последовал ответ журналиста.

Комментарии, как говорится, излишни!

В конце второй половины этого богатого впечатлениями дня после посещения Принстонского университета и крупной землевладельческой фермы мы въехали в Филадельфию — один из крупнейших промышленных и портовых городов Америки.

Отель «Вениамин Франклин» был похож на все прочие отели Америки, где мы уже живали. Сервис — на высоком американском уровне. Фосфоресцирующие впотьмах выключатели. Телевизор. Ледяная, холодная и горячая вода в ванной комнате. Убеждаемся лишний раз в том, что все это действительно очень приятно и столь же дорого — двадцать пять долларов в сутки!

Вечером после отдыха до полуночи долго бродили по улицам этого города — таким же шумным в центральной части, залитым светом неоновых реклам, как и в Нью-Йорке. Побывали мы и на менее шумных улицах с запомнившимися поэтическими названиями. Улица Кленов. Улица Каштана. Улица Клевера.

— Филадельфия по гречески — город братской любви, — сказал нам мистер Паркс. — Это самый музыкальный и самый интеллектуальный город Америки. Здесь особенно восторженно принимали вашего Игоря Моисеева и «Березку». Город славится музеем Родэна, в котором собраны все лучшие творения этого великого скульптора. Знаменит он и своим филладельфийским симфоническим оркестром, который выступает на сцене местной Академии музыки.

Наутро мы посетили старое здание ратуши, затерявшееся в гранитных джунглях филладельфийских небоскребов, где была подписана в 1776 году Декларация Независимости.

Пожалели, что не удалось побывать в музее Родэна — он был закрыт по какому-то случаю. И во второй половине этого же дня выехали поездом в Чикаго.

Заняли места в длинном вагоне с креслами в два ряда с той и другой стороны, обращенными в сторону движения поезда. Широкие оконные стекла. Они не открываются. В этом нет и нужды — в вагоне кондиционированный воздух.

Был воскресный день. И в нашем вагоне почти все места были заняты американцами.

— Кока-кола. Сандвичи. Пепси-кола! — выкрикивал

негр, катя впереди себя «саввэй» — легкую металлическую тележку, предлагая пассажирам завтрак с безалкогольными напитками.

Американцы активно жевали и пили. При всем этом они так же активно и сорили вокруг себя, бесцеремонно бросая на пол всякие обертки, окурки. Те, кто не хотел платить центов за кока-кола и пепси-кола, могли напиться ледяной воды бесплатно, подставив бумажный стаканчик под кран, вмонтированный в нише при входе в вагон. Использованный бумажный стаканчик выбрасывался в специальное углубление — мусоропровод. Но большинство американцев и эти бумажные стаканчики, испив ледяной воды, бросали под ноги на пол.

Между тем поезд громохоча мчался с бешеной скоростью, врываясь в просторы равнинной Америки. Опять замелькали в окнах разноцветные домики фермеров, скотные дворы, силосные башни. По автострадам неслись и неслись радужные потоки автомобилей. Зеленые лужайки и дубовые, кленовые рощицы чередовались с дымящимися трубами заводских и фабричных корпусов, с виадуками и мачтами высоковольтных линий.

И вот через несколько часов бешеной езды по американской железной дороге — Чикаго. Громадный, кипучий, бурлящий, грохочущий город, раскинувшийся на берегу громадного, как море, озера Мичиган — одного из величайших и красивейших озер мира.

Мы отправились на автомобилях осматривать город, в котором насчитывается около полумиллиона безработных, и три четверти из них, говорят, остались без работы из-за автоматизации, нашедшей широкое применение в американской промышленности. На заводах и фабриках этого крупнейшего, после Нью-Йорка, промышленного города, где раньше работали десятки тысяч человек, теперь работают только сотни. Механизмы заменили людей. И американские рабочие оказались на улице.

Автоматизация — бич американских рабочих — «проблема № 1». Американские экономисты подсчитали, что в ближайшее десятилетие из-за автоматизации в автомобильной промышленности в Соединенных Штатах число квалифицированных рабочих, занятых на автомобильных заводах, должно сократиться вчетверо, отсюда — рост безработицы.

Знакомство с городом начали с так называемого Лу-

на — торгового центра Чикаго. Фешенебельные магазины Витрины, ломящиеся от товаров. Беснующиеся огни реклам. И опять, как в Нью-Йорке, на Бродвее, здесь всюду бросается в глаза краткое, пылающее неоновым огнем слово: «Сейл» — распродажа. Но покупателей в магазинах точно так же как и в Нью-Йорке негусто, хотя мистер Паркс и уверял нас, что чикагский Луп делает ежедневные торговые обороты в два миллиона долларов.

Торговая часть Чикаго, как и Бродвей, залита потоками света, брызжущими каскадными огнями рекламы. Но соседние с Лупом улицы грязны, малопривлекательны. Лишенные солнечного света днем, они погружены в полумрак и ночью.

Проехали мимо знаменитых чикагских боен. Но они не работали — не сезонное, сказали нам, время. Видели негритянские, греческие, итальянские, русские кварталы. Все они тоже малопривлекательны. Ветхие дома. Захламленные улицы.

Затем, выбравшись из полутрущобных кварталов Чикаго на широченную, недавно построенную железобетонную магистраль, поехали вдоль набережной озера Мичиган, застроенной стеклянными-дюралевыми небоскребами и роскошными, утопающими в зелени особняками миллионеров — самой фешенебельной части города.

Проехав около десятка миль по автостраде вдоль берега Мичиган, мы остановились и, покинув автомобили, долго любовались озером и великолепной панорамой прибрежной части Чикаго.

Шофер нашего автомобиля Раймонд Стейн говорил нам с осведомленностью гида:

— В Чикаго четыре с половиной миллиона жителей. Здесь живет шестьсот тысяч поляков, четыреста тысяч евреев, триста тысяч русских. Тысячи и тысячи итальянцев, китайцев, французов, негров, японцев, греков и прочих национальностей.

— А сколько американцев?

— Настоящие американцы живут в резервациях. Это — вымирающие индейцы, — сказал со вздохом Раймонд Стейн к явному неудовольствию мистера Паркса.

Ревниво оберегая нас от всего неприглядного, отталкивающего, что могло попасться нам на глаза, мистер Паркс, незаметно оттеснив от нашей группы словоохот-

ливого шофера, заговорил о достопримечательностях Чикаго.

— Чикаго — самый зеленый город в мире, — сказал Паркс.

— Это же самое вы говорили, мистер Паркс, и о Вашингтоне.

— Нет, господа. В Чикаго больше зелени, чем в Вашингтоне. Здесь сто шестьдесят парков. Самый громадный из них парк Линкольна. Он занимает площадь в двести тысяч двести акров.

Парк Линкольна действительно огромен. Но нас поразила в нем невероятная неопрятность. Газоны — в газетных обрывках, в пустых бутылках, в помятых консервных банках — следах воскресного отдыха здесь чикагцев. Мы обратили на это внимание нашего гида.

Пожав плечами, мистер Паркс признался:

— Да, в Чикаго, к сожалению, не очень строго следят за чистотой.

Но только ли в одном Чикаго? Нет, следы неряшливости, захламления городских улиц мы видели и в иных городах Америки, начиная с Нью-Йорка и кончая Буффало — последним городом Америки, в котором завершили мы при посещении Ниагарского водопада свое путешествие.

Но что нам очень понравилось в Чикаго, так это Индустриальный музей, в котором с удовольствием мы провели несколько часов, рассматривая многочисленные весьма интересные его экспонаты.

Очень хорошо, точно сказал об этом музее Виктор Осипович Перцев:

«Это настоящий театр, где все движется, живет, умиляет, смещит остроумием расчета в производстве нужных человеку средств и условий для жизни. — Вот как нужно было построить американскую выставку в Москве, чтобы точней и вернее передать дух страны и ее народа».

В этом мнении мы все сошлись с нашим товарищем по заокеанскому путешествию при знакомстве с экспонатами этого богатого музея в Чикаго.

Мы видели в этом музее улицу старого Чикаго с ее домами и старинными экипажами в натуральную величину, — улицу в Чикаго, дотла уничтоженную грандиозным пожаром в 1871 году. Здесь собраны кареты и автомобили начала нашего века и новейшие модели «Фордов» и

«Кадиллаков» 1961 года. Здесь можно услышать голос английской королевы Елизаветы и увидеть самих себя на экранах цветного телевидения.

Музей дает довольно широкое представление о высоком уровне современной американской техники — уровне, достигнутом творческими, созидательными усилиями простого трудового народа этой богатой капиталистической страны, социальный строй которой обречен неумолимым ходом истории на неизбежную верную гибель.

В тот же день после посещения музея Индустрии вечером мы были зваными гостями доктора Альберта Дейльберга — антрополога Чикагского университета. На визитных карточках чикагского старожилы, пригласившего нас в гости, значилось: «Доктор Альберт Д. Дейльберг. Зубоврачебная клиника и отделение антропологии. Чикагский университет. Чикаго, 37. Иллинойс США».

В гости к доктору Дейльбергу из отеля «Гамильтон» поехали через весь Чикаго на автомобилях.

Деревянный двухэтажный дом английского типа доктора Дейльберга находился в пригороде Чикаго, очень напоминающем дачные места нашего Подмоскovia.

В гости к доктору Альберту Дейльбергу поехали мы вчетвером с В. П. Гольцевым, А. Н. Абалкиным и Мариной Бугаевой. Остальные наши товарищи были приглашены в этот вечер в другой дом американцев — старожилы Чикаго.

Хозяева встретили нас очень радушно. Супруга доктора Дейльберга миссис Дейльберг — миловидная, спортивного склада, строго и просто одетая женщина провела нас в гостиную. Мы уселись кружком вокруг низкого столика в такие же низкие кресла.

Непоседливая, деятельная, хлопотливая хозяйка дома подала к столу ром, виски с содовой водой и жареные земляные орешки.

Марина Бугаева тут же выразила желание посмотреть с дозволения миссис Дейльберг ее домашнюю кухню. Хозяйка охотно согласилась.

В кухне идеальная чистота. Стенной холодильник. Посудомоечная машина. Стиральная машина. И еще какие-то там механизмы, с помощью которых хозяйка, по ее словам, легко обходится без прислуги.

— Шоферов и служанок у нас в Америке могут содержать только очень богатые люди — миллионеры.—

сказала миссис Дейльберг, знакомя нас с механизированной кухней.

— Многие ли американцы имеют такие кухни? — спросила Марина Бугаева.

— Точно затрудняюсь ответить, мадам. Во всяком случае, чтобы обзавестись такой кухней, мы с мужем откладывали на нее не один год деньги...

Между тем было ясно, что на доходы от частной дантистской практики доктор антропологии Чикагского университета мистер Дейльберг пожаловаться, видимо, не мог, владея двухэтажным коттеджем из одиннадцати, правда, небольших комнат.

У Дейльбергов трое взрослых детей. Старшая дочь, окончившая Чикагский университет, находилась в научной командировке в Китае. Двое младших сыновей были студентами этого же университета. Оба — на филологическом факультете. Младший из них изучал русский язык и уже объяснялся с нами по-русски.

Но когда зашел у нас разговор о современной американской литературе, то оба Дейльберги-младшие, студенты-филологи, не могли нам назвать ни одного из произведений Эрнста Хемингуэя или Теодора Драйзера. Митчела Уилсона или Карла Сендберга — американских писателей.

Впрочем, встречаясь до этого в одном, тоже весьма гостеприимном вашингтонском доме с молодыми юристами-адвокатами, мы с удивлением поняли, что лучше их знаем американских писателей. Кто бы, казалось, мог быть более тонким ценителем художественной литературы, чем адвокат, для которого литература служит большим подспорьем в его юридической практике? А между тем вашингтонские молодые юристы, уже преуспевавшие в области ведения налоговых и бракоразводных дел, ничего не читали из художественной литературы. Они жаловались при этом на отсутствие свободного для чтения времени, на дороговизну книг. И лишь один из них чисто-сердечно признался нам за стаканом виски, что он ленив, но тут же попросил профессора В. О. Перцева повторить название книги Митчела Уилсона «Брат мой, враг мой».

Словом, нам приходилось быть пропагандистами американской художественной литературы среди самих же американцев.

Из разговоров при встречах с представителями аме-

риканской интеллигенции мы пришли к малоприятному выводу о том, что оригинальная, блестящая, своеобразная, глубоко национальная литература, созданная в течение одного века лучшими американскими писателями, — эта литература заслонена теперь потоком так называемых бестселлеров — низкопробного порнографического уголовного чтива. Такая литература ныне в ходу в Америке. И те из молодых американских адвокатов, которые не находят времени для чтения книг Эрнста Хемингуэя или Митчела Уилсона, все же, видимо, успевают читать «бестселлеры»!..

Пока мы разговаривали с Дейльбергами-младшими о современной американской литературе, вводя их в большое смущение самыми простыми вопросами, их родители усердно хлопотали, сервируя для ужина стол. Впрочем, в это дело вскоре включились и оба молодых сына Дейльбергов.

Из гостиной мы были приглашены в небольшую столовую, в которой ничего не было, кроме большого стола и стульев. Все семейство Дейльбергов, не исключая и главы его — почтенного доктора антропологии, деятельно помогало миссис Дейльберг в подаче на стол бифштекса, консервированных дынь и салатов.

В столовой был полумрак, любимый американцами. Ужин шел при свечах, трепетно и кротко мерцавших в бронзовых трехрожковых подсвечниках. Прошел он за оживленным разговором, сдобренным частыми шутками.

Доктор Дейльберг очень интересовался постановкой высшего образования в нашей стране и медицинским обслуживанием нашего населения. Младшие Дейльберги слушали нас, слегка приоткрыв от изумления рты, когда мы рассказывали о том, что лечат у нас людей за государственные счет и что все студенты наших высших учебных заведений получают стипендии.

Младший из сыновей Дейльбергов, изучающий русский язык, сказал:

— Я по окончании Чикагского университета мечтаю о карьере журналиста. И потом очень хочу поехать в Россию.

— И я тоже хочу побывать в России, — сказал старший его брат.

Россия — великая страна. Там есть на что посмотреть. Есть чему подивиться. Есть чему и поучиться нам —

американцам,— сказал доктор Дейльберг назидательным родительским тоном своим сыновьям.

Было уже за полночь, когда мы покинули гостеприимный дом доктора Альберта Дейльберга. Радужно прощаясь с любезной, очень словоохотливой и оживленной хозяйкой — миссис Дейльберг, мы подарили ей деревянные русских матрешек, и все семейство Дейльбергов было в непритворном восторге от этих русских наших сувениров.

В отель «Гамильтон» доставил нас на своем вместительном автомобиле сам Альберт Дейльберг.

— Автомобиль в нашем семействе водят все за исключением разве нашего шотландского дога,— сказал, усаживаясь за руль, доктор Дейльберг, обратив при этом наше внимание на громадного пса, похожего на бенгальского тигра-людоеда.

Мы поняли: Альберт Дейльберг сел сам за руль в знак особого уважения к нам, гостям его из Советской России, и оценили это.

Нам было ясно, конечно, что мы побывали в гостях отнюдь не у рядового, так называемого среднего американца. И по достатку в доме доктора Альберта Дейльберга нельзя было судить о жизненном уровне простого американского народа — рабочего или мелкого конторского служащего. Однако и общение с такими людьми интеллектуального труда, каким является доктор Дейльберг, знакомство с жизнью и бытом его семьи было для нас не бесполезным и во многом весьма знаменательным и интересным.

Из Чикаго в Буффало вылетели мы на американском самолете «САС-912» рано — в пять часов тридцать минут нью-йоркского времени. Поднявшись с аэродрома, мы, прильнув к иллюминаторам, обозревали великолепную панораму громадного шестимиллионного промышленного города Америки с его дымящимися заводскими и фабричными трубами, с его сверкающим на раннем утреннем солнце стеклом небоскребов, с портовыми его маяками и безбрежной гладью озера Мичиган, уходящего вдаль, к незримым берегам Канады.

Часа полтора, примерно, спустя голубоглазая стюаресса стопроцентной американской красоты, появившись в нашем салоне, сказала со стопроцентной любезной улыбкой:

— Прошу обратить внимание, джентльмены. Справа по борту уже показалось озеро Эри.

И мы, снова прильнув к иллюминаторам, увидели затонувший солнечными бликами водоем, на берегу которого и раскинулся город Буффало, знаменитый соседством Ниагарского водопада и сталелитейными заводами Дюлона, которые, кстати сказать, в это время бездействовали из-за затянувшейся всеобщей забастовки сталелитейщиков Америки.

Приземлившись вскоре затем на буффальском аэродроме, мы проторчали, томясь от безделья, жары и скуки, в здании по провинциальному небольшого аэровокзала, ожидая куда-то запропастившиеся автомобили «Американ компани экспресс».

Бдительный гид наш мистер Паркс нервничал. Он суетился. Все куда-то звонил. Сторонясь нас, заговорщически переговаривался вполголоса с какими-то юркими поджарыми джентльменами, то и дело поглядывавшими с деланным безразличием в нашу сторону.

От нечего делать мы слонялись по аэровокзалу, разглядывая в торговых витринах сувениры, рассчитанные местными бизнесменами на туристов. Индейские костюмы. Индейские трубки с длинными чубуками. Для детей — кукольные индейцы.

Тут же среди пассажирского зала выставлен для всеобщего обозрения новый красивый автомобиль марки 1960 года фирмы «Плимонт». Автомобиль ничем не огорожен. Вы можете открыть дверь передней его кабины, посидеть за рулем, даже включить радио. Все позволено — только обратите внимание на новую машину, только купите, купите, купите!!

Наконец автомобили за нами явились, и мы, рассевшись в них, поехали в Буффало — зеленый, сравнительно тихий город с его шестьюстами тысяч жителей. И если бы не скопища разноцветных автомобилей на его улицах, Буффало можно было принять за неамериканский город, тем более, что в нем нет небоскребов.

По дороге на Ниагарский водопад остановились перекусить что-нибудь в небольшом, уютном итальянском ресторанчике «Капелинис». Юная кельнерша-итальянка обслуживала нас беспечно и весело — с песенкой, которую она вполголоса напевала, угощая нас национальным итальянским блюдом — знаменитым спагетти — макаронами и отличным черным кофе.

Не миновав еще зеленых пригородных массивов Буф-

фало, мы услышали глухой, грозно рокочущий грохот. точно это гроыхали где-то вдаль непрерывные цепные грозные раскаты. Это и был грохот Ниагарского водопада, отзвуки неумолчного вечного шума которого слышны на двадцать пять километров. Недаром и назван был он индейцами Ниагарой — что значит грохочущая вода.

Чем ближе приближались мы к водопаду, тем раскатистее, грознее и оглушительнее становился грохот его каскадов, тем влажнее становился воздух. И вот, покинув наши автомобили, мы замерли, увидев гигантскую жемчужную подкову, дымящуюся водой, ниспадающей с пятидесятиметровой отвесной стены. Радужное, пронизанное солнечными лучами мерцающее облако этих брызг трепетало над водопадом, над стремниной реки Ниагары, в широком бурном русле которой низвергались чудовищные потоки воды.

Потрясенные величием первозданной этой картины, стояли мы у железного парапета, не в силах вымолвить слова. А впрочем, если оно — это слово — и было бы проронено, его не расслышал бы сосед, — таков был громадный гул безумствующей в слепой сатанинской ярости, kloкочущий, ревущий у подножья водопада ниагарской воды.

Река Ниагара берет начало свое из озера Эри и впадает в другое озеро — Онтарио, которое видели мы с борта самолета на пути из Чикаго. Правый берег Ниагары принадлежит Соединенным Штатам Америки, левый — Канаде. Уровень воды в озере Эри на девяносто девять метров выше уровня воды в Онтарио. Перешеек же, разделяющий эти озера, сначала спускается пологим плавным уклоном, а затем вдруг обрывается крутой ступенью. Говорят, что Ниагарский водопад непрерывно отступает к югу, в сторону озера Эри, ежегодно перемещаясь приблизительно на семьдесят-восемьдесят сантиметров.

Каждую секунду водопад сбрасывает со своей отвесной кручины ни много ни мало — шесть тысяч тонн воды. Подсчитано, что если бы решили перевозить эту воду в железнодорожных цистернах, то для этого пришлось бы ежегодно формировать поездные составы такой длины, что они в три с лишним раза могли бы опоясать круглую нашу планету!

Мощность Ниагарского водопада определяется в четы-

ре миллиона лошадиных сил. И на энергии Ниагары работает несколько гидроэлектростанций. Сейчас здесь идет строительство самой большой гидроэлектростанции — мощностью в два миллиона киловатт. При нас рылись котлованы под фундамент машинного отделения гидроэлектростанции, и скалистые берега реки взрывались аммонитом. Когда эта мощная гидроэлектростанция вступит в строй, Ниагарский водопад, как национальная святыня Америки, будет по-прежнему грохотать, сбрасывая шесть тысяч тонн воды в секунду, только в дневные часы. Ночью же воду его будут копить для того, чтобы гидроэлектростанция могла бесперебойно работать круглые сутки.

Один из рабочих, занятых на строительстве Ниагарской гидроэлектростанции, шофер грузовой автомашины, перевозившей землю из выемки котлована, спросил нас, узнав о том, что мы русские:

— Это правда, что ваш премьер Никита Хрущев был в прошлом простым рабочим.

— Совершенно верно. Он был шахтером, — ответили мы.

— Простым углекопом?

— Да. На шахтах Донбасса.

— О! Тогда передайте ему привет от нас, строителей гидроэлектростанции на Ниагаре. Он скоро будет в Америке. Но вряд ли приедет в Буффало. А если и приедет, нам не позволят говорить с ним.

— Кто же не позволит?

— Известно, кто. Власти.

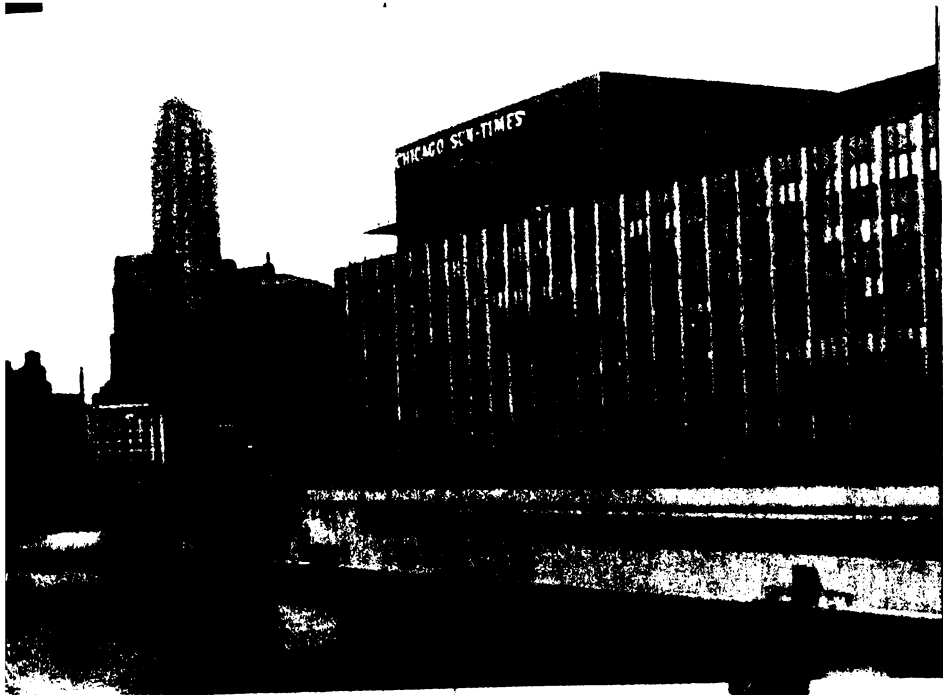
— Это в свободной-то стране, в Америке?

— Ах, не шутите, сэр... — проговорил со вздохом шофер грузовика, трогая с места загруженную грунтом машину.

Ведь левый берег Ниагары вокруг водопада покрыт тенистыми парками, пышными цветниками, газонами. Вокруг множество отелей, ресторанов, различных увеселительно-зрелищных предприятий, рассчитанных на туристов.

А туристов здесь много. И заграничных и здешних — американских. Немало американских детей. Особенно — школьников. Школьники — воспитанники колледжей — прибывали при нас на Ниагару в организованном, так сказать, порядке. С учителями. В автобусах. Вели они себя довольно смиренно и чинно. Впрочем, и большинство

Мутные воды омывают стены редакции «Чикаго Сан-таймс».

Искусство требует жертв, даже перед входом в музей искусства

И все-таки она — одноэтажная!

Так вот она какая, Америка...

Озеро Мичиган, взятое в плен каменными громадами Чикаго

*Ниагарский водопад
покоряет своей
красотой.*

Но хочешь ли лучше разглядеть водопад — плати монету!

*Кажется, только одних рыболовов
здесь пока еще не додумались
обложить оброком.*

и молодых американцев держат себя вблизи Ниагарского водопада весьма кротко.

Большинство пожилых американцев, скрестив на груди руки, стояли перед ревущим водопадом неподвижно, как в церкви. И по их задумчивому, сосредоточенному выражению лиц можно было судить, что этот яростно грохочущий водный поток древней индейской реки будил в них глубокое национальное чувство.

Конечно, бизнесмены, превратившие Ниагарский водопад в источник своей наживы, меньше всего задумываются над тем национальным чувством, которое будит в сердцах простого американского народа это их национальное чудо природы. Они превратили Ниагарский водопад в место разных экстравагантных трюков и эффектных зрелищ, рассчитанных на большое привлечение туристов.

По вечерам грохочущий каскад Ниагарского водопада озаряется потоками разноцветных лучей, превращаясь в огненно-водную цирковую феерию. Двадцать пять разноцветных мощных прожекторов силой в полтора миллиарда свечей заливают потоками трепещущих радужных красок подковообразный отвесный каскад водопада. И все его первобытное грозное величие становится похожим на театрализованное представление — водяную пантомиму где-нибудь под золотым куполом Радио-сити, а не под звездным американо-канадским небом на берегах Ниагары.

Ради привлечения туристов известный американский акробат-канатоходец Вильям Блондель однажды ходил, проделывая сложные акробатические трюки, по канату, натянутому над кипящей бездной Ниагарского водопада.

А прославленный американский пловец капитан Вэбб отважился переплыть за внушительное вознаграждение нижние стремнины Ниагары. Десятки тысяч зрителей собрались в тот вечер у Ниагарского водопада посмотреть на потрясающий трюк дерзкого пловца, переплывавшего не раз пролив Па-де-Кале шириной в тридцать два километра.

И вот на глазах у многотысячной толпы зевак капитан Вэбб, появившись на берегу Ниагары, вдруг бросился в кипящую ее стремнину. Он исчез. Но спустя несколько минут вдруг показался на самой середине ревущей реки. Но потом исчез опять. С концом. Навсегда!

Лишь четыре дня спустя изуродованный труп капитана Вэбба был найден в пятнадцати километрах вниз по течению реки от места безумного его броска в Ниагару.

В наши дни Ниагарский водопад стал излюбленным местом для самоубийц — отчаявшихся, уставших от «американского образа жизни» людей. Нам рассказывали, что всего за день до нашего приезда на Ниагарский водопад в пучину его ринулась вниз головой американская женщина Марлен Рейно — жена безработного сталелитейщика с завода Дюпона. Мать четверых малолетних детей, которые голодали, по словам мужа погибшей, в течение трех последних недель, питаясь отбросами, которые находили они в мусорных ящиках на ресторанных задворках Буффало.

— К сожалению, такие случаи здесь не редки, — признал это даже мистер Паркс, когда зашел разговор о трагической гибели в пучине Ниагарского водопада жены американского безработного.

Проведя на Ниагарском водопаде несколько часов, мы вдоволь налюбовались первозданной его красотой и неповторимым грозным его величием.

Поднявшись по узкоколейной железнодорожной ветке в открытых, похожих на допотопные шарабаны вагончиках выше уровня водопада — к верховью Ниагары, мы долго сидели на угрюмом пустынном берегу. И глядя на грозную реку, каждый из нас в эти минуты был занят своими мыслями.

«Если бы наша Алма-Атинка, — думалось мне, — вдруг оказалась раз в триста-четырееста шире, она бы тогда вполне могла походить на Ниагару».

Да и порожистая река Ниагара и весь окрестный ее пейзаж чем-то напоминали в эту минуту далекую родину. Левый, покрытый смешанным лесом скалистый берег Канады походил на предгорья Заилийского Ала-Тау. А низкорослые кряжистые березки, впервые увиденные мною в Америке на правом берегу Ниагары, живо воскресли вдруг в памяти близкие с детства сердцу родимые места нашего Северного Казахстана.

И теплая светлая волна невыразимой сыновней любви к родной, трижды благословенной стороне окатила мне душу. И сердце вдруг сжалось в тугой горячий комок от приступа острой тоски по родным степным дорогам и

тропам, тоски, какую можно познать только в дальнем странствии, на чужбине.

И припомнились мне в эти минуты строки волнующего лирического отступления самобытного писателя Артема Веселого из книги его «Россия, кровью умытая».

«Пути-дороженьки российские. Ходить вас — не исходить. Радоваться на вас — не нарадоваться. Заворожили вы сердце мое, бродяжье, юное, — как огонь. Легче птицы летит оно к вам, в ваши дали радостные».

И тут, точно угадав мои мысли, Марина Бугаева, как бы раздумывая вслух, сказала:

— Через сутки мы улетаем домой. Боже, какое это все-таки счастье — домой.

Все мы молча согласились с ней, тотчас же заторопившись в обратный путь.

Вернувшись с Ниагарского водопада в Буффало поздним вечером, мы перед вылетом в Нью-Йорк отужинали в ресторане отеля «Найагара». Ужин наш проходил в так называемом индейском зале ресторана. Стены зала вишневого цвета увешаны белыми гипсовыми масками индейцев. Отличные маски, выполненные рукой одаренного мастера, смотрели на нас со всех сторон — каждая со своим характерным выражением. Одни из них улыбались скептически. Другие — печально. Третьи — иронически. На облике иных лежала печать обреченности.

В Чикаго мы видели на побережье озера Мичиган бронзовую статую индейца на коне. Здесь, в Буффало, — индейские маски. Но живых индейцев, вымирающих в резервациях, мы так и не увидели — это обратная, непоказная сторона американского образа жизни. Нам говорили, что, по официальным американским данным, прожиточный минимум индейской семьи в среднем в десять раз меньше доходов семьи рядового американского рабочего. В среднем продолжительность жизни индейца — менее сорока лет.

В тот же вечер мы, поднявшись с аэродрома Буффало на американском самолете, увидели с воздуха бушевавшую слева по борту огненно-водную феерию озаренного разноцветными прожекторами Ниагарского водопада.

То было великолепное, сказочное зрелище!

Но вскоре фантастическое сияние также внезапно погасло, как и вспыхнуло в полуночной мгле. И в два часа пополудни мы приземлились на нью-йоркском аэро-

дроме Айдлуайлд, а затем снова водворились в номера знакомого уже нам отеля «Говернор Клинтон».

На этот раз мы провели в Нью-Йорке одни сутки свободные от всяких программных встреч и визитов.— мы отдыхали перед предстоящим новым перелетом через Атлантический океан — возвращением на родину.

В погожее яркое солнечное утро покидали мы Нью-Йорк. Мы возвращались в Москву через Брюссель с трехдневной остановкой в Париже.

В аэропорту Айдлуайлд перед нашей посадкой в трансатлантический воздушный лайнер, принадлежавший компании Франс-пресс, к нам подошел рабочий аэропорта, пожилой американец в синем комбинезоне. Он назвал себя Ривом Хавуэрдом — грузчиком аэропорта и сказал нам:

— Я слышал, что вы — русские. Возвращаетесь на родину. И я хотел пожать вам, господа, руки. Скажите там, что мы, рабочие Америки, за мир с Россией.

И каждый из нас крепко пожал руку Рива Хавуэрда — представителя рабочего класса Америки в знак прочной дружбы народов Советского Союза с простым трудовым народом Соединенных штатов.

Это было последнее наше дружеское рукопожатие на американской земле!

Редактор Ф. Боярский. Оформление художника В. Авдеева.
Художественный редактор Н. Гаев. Технический редактор К. Фаришенов
Корректор М. Кац.

Сдано в набор 5/XI-1960 г. Изд. № 41. Подписано к печати 27/1-1961 г.
Формат 84×108^{1/2}—6,75 п. л.—11,03 усл. печ. л. (уч.-изд. л. 11,7)+14 вклеек.
Тираж 20000 экз. УГ00208.

Заказ № 2249. Полиграфкомбинат Главиздата Министерства культуры КазССР.
г. Алма-Ата, Пастера, 39.